АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Б. Д. Греков

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КИЕВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР — МОСКВА-ЛЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

Б. Д. ГРЕКОВ

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КИЕВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1935 ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Непременный секретарь академик В Волгин
Июнь 1935 г.

Редактор акад. В П Волгин

Технический редактор Ю. Яковицкий Ученый корректор С. Данини

Сдано в набор 16/IX 1935 г Подписано к печати 1/XI 1935 г. 136 стр.
Формат бум. 62×94 см. 8½ печ. л. 37165 тип. зн. в л. Тираж 3165
Ленгорлит № 30927 АНИ № 990. Заказ № 4558.

Типография „Печатный Труд" В. О., 2 лин., д. 43

I ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГЕНЕЗИСЕ ФЕОДАЛИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛХОВСКО-ДНЕПРОВСКОГО БАССЕЙНА [1]

Вопрос о генезисе феодализма в древней Руси за последнее время был не раз предметом специальных исследований и дискуссий. Актуальность проблемы не требует доказательств: без решения этой задачи нельзя построить правильного представления о русском историческом процессе в целом. Факт серьезных разногласий, разделяющих исследователей этого вопроса, объясняется в значительной мере тем, что для столь отдаленной от нашего времени поры в нашем распоряжении имеются либо скудные, либо неясные и неточные сведения.

Археология при всех своих больших успехах, особенно за последнее время, все же часто бессильна ответить нам на ряд стоящих перед нами задач в силу специфичности своего материала и методов его изучения; лингвистика не только ограничена в своих возможностях, но далеко не всегда дает нам даже то, что может дать. Сочетание данных археологии и лингвистики с привлечением фольклора, конечно, очень расширяет границы исторического знания, но тем не менее и этого в конечном счете не достаточно, чтобы спорные суждения превратить в бесспорную очевидность.

Нельзя себя утешать и тем, что с момента появления письменных памятников положение историка делается совершенно иным, что письменные факты способны окончательно вывести нас из состояния более или менее обоснованных предположений. Письменный источник имеет свои особенности, требует специального подхода и далеко не всегда гарантирует возможность решения спорных вопросов, исключающую сомнения.

И тем не менее, несмотря на все эти трудности, делающие наши исторические выводы в значительной мере услов-

[1] В основу этой работы положен мой доклад „Рабство и феодализм древней Руси“ Изв. ГАИМК, в. 86

ными, ни одно поколение историков не отказывалось погружаться в дебри сложных туманностей в поисках истоков тех общественных явлений, которые никогда не переставали и едва ли когда-либо перестанут волновать человеческую мысль. Это не любопытство, а потребность.

Предлагаемая работа представляет собой попытку пересмотреть заново наш материал с тем, чтобы посильно ответить на вопросы, поставленные современностью.

В настоящих очерках рассматриваются общественные отношения древней Руси лишь в тех рамках, в каких это позволяют, прежде всего, наши письменные источники. Другие виды источников привлекаются лишь отчасти и попутно.

Письменность появляется в истории отдельных обществ довольно поздно, во всяком случае уже в классовом обществе, и предназначается раньше всего для обслуживания интересов господствующих классов. Письменность у восточных славян появилась в период разложения родовых отношений и успешного развития феодализма. Первые известные нам письменные памятники—„Правды", договоры с греками, летописи- связаны с интересами верхних слоев общества, в своей основе феодальных.

Эти группы феодального общества на всем значительном пространстве, занятом восточным славянством, во время составления указанных письменных памятников, т. е. в IX—XI вв., говорили одним языком, тем самым, который мы можем видеть в этих памятниках, где он лишь несколько искажен последующими переписчиками, имели общее представление о своих интересах и способах их защиты и с середины X в. успели связать себя общностью религиозных верований с феодалами соседней Византии.

Само собой разумеется, что те крупные факты, с которыми нас знакомят письменные памятники в определенное время, имеют свою собственную и часто очень длительную историю, о которой молчат эти источники. Самый характер некоторых памятников, конечно, исключает возможность требовать от них историчности, поскольку они часто имели целью лишь зафиксировать определенный, иногда очень ограниченный комплекс явлений данного момента, как всякий подобный комплекс, имеющий следы отмирающих и вновь возникающих элементов, не всегда однако легко распознаваемые

Только автор Повести временных лет ставил перед собой подлинную широкую историческую задачу, которая, нужно сознаться, остается неразрешенной и в настоящее время. Он хотел написать ни больше ни меньше как историю Киевского государства с древнейших времен: „откуду пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Русская земля стала есть". Летописец писал свой труд с определенной целью. Ему нужно было показать в истории Киевской Руси роль княжеского рода Рюриковичей и писал он несомненно по поручению киевского же князя— Рюриковича.[1] Вполне понятно, что летописец, исполняя свою задачу, старался представить роль окрепшей в своих позициях династии не только в лице современных ему представителей, но и далеких их предков, несомненно стараясь изобразить их в привлекательных чертах, иногда полемизируя с более правдивыми и реальными ходячими представлениями о еще сравнительно не столь давнем прошлом, часто невыгодном для господствующего класса в целом и их верховного представителя в частности. Положение писателя довольно понятное. Не один русский Нестор находился в подобном состоянии. Английский летописец тоже, повидимому, имел задачу облагородить происхождение власти своих королей и пользовался теми же приемами. Бритты обращаются к своим легендарным князьям с совершенно аналогичной речью „Terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam vestrae mandant ditioni parere" [2]

Имея перед собой центральную политическую задачу, летописец разрешал ее при помощи доступных ему средств. И нужно прямо сказать, что средствами этими он пользовался по-своему далеко не плохо: он знает цену источнику, он умеет, хотя и своеобразно, но критически к нему относиться, умеет отделять то, что ему представляется главным от второстепенного. Но он, конечно, человек своего класса и хорошо знает политическое значение своего труда. Он понимает политическую - в смысле международных отношений- ситуацию момента и совершенно ясно проявляет тенденцию, которую можно характеризовать, как поворот лицом к Ви-

[1] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, стр. XV, XXI и др.
[2] Бестужев-Рюмин. Русская история, I, стр. 98. Прим. 3.

зантии, с вытекающим отсюда следствием—затушевыванием старых связей со ставшим сейчас (после разделения церквей) еретическим и проклятым Западом.[1]

В распоряжении летописца находились письменные источники — греческие, западно-европейские, русские, а также предания, личные наблюдения как над окружающей его средой, так и над славянскими и неславянскими племенами, в своем развитии стоящими ниже того общества, к которому принадлежал он сам. Он настолько недурно справился со своей темой, что его схемы в основном господствовали в нашей науке до недавнего времени. Было бы, конечно, странно требовать от летописца ответа на стоящие перед нами научные проблемы, но для решения их мы не можем обойтись без его труда, этого единственного в своем роде произведения. Перед нами стоит труднейшая задача—разложить весь этот труд летописца на составные элементы и использовать их для собственных надобностей. Работа необычайной сложности. А. А. Шахматов, его ученики и оппоненты пытались это сделать, и нужно отдать им справедливость, результатов достигли значительных, хотя далеко еще недостаточных Можно надеяться, что их продолжатели через привлечение материалов археологических и языковых продвинут работу еще дальше.

Несмотря на то, что работа в этом направлении только начата, мы все же попробуем использовать ее для того, чтобы представить себе, насколько возможно, главнейшие этапы в развитии общества, населявшего Восточную Европу в IX—XII вв. на различных участках этой огромной территории.

Необходимо заранее оговориться, что почти все наши письменные памятники касаются прежде всего территории по Волхову—Днепру, т. е. территории, на которой протекали главнейшие события этого периода, и почти не затрагивают более отдаленных от этой главной магистрали пунктов. Из этого, конечно, отнюдь не следует, что эти другие места, иногда более захолустные, не имели в это же время своей истории: и здесь несомненно была своя жизнь, не попавшая только в своих отдельных ярких проявлениях на страницы

[1] Н. К. Никольский. Повесть временных лет.

летописи, но тем не менее вскрываемая систематической работой археологии. После работ А. А. Спицына,[1] А. В. Арциховского,[2] А. Н. Лявданского,[3] Б. А. Рыбакова,[4] В. И. Равдоникаса,[5] П. Н. Третьякова[6] и др. мы смело можем говорить о состоянии и характере хозяйства, о зарождении классов, некоторые чертах классовых отношений, религиозных представлениях населения как центрального междуречья, так и областей, лежащих к западу, северу и юго-востоку от главной водной дороги, так хорошо нам известной через русского летописца, через Константина Багрянородного, через византийские и западно-европейские хроники. Но тем не менее, в виду неполноты и несистематизированности археологических данных, наше внимание все же будет больше всего привлекаться не этими „захолустьями", а именно теми местами на территории Восточной Европы, которые лучше других и полнее освещены прежде всего письменными источниками, говорящими нам более доступным языком, чем вещественные.

Это совершенно неизбежно еще и потому, что именно в этих пунктах общественная жизнь обнаруживает перед нами наиболее яркие показатели основных контуров интересующего нас процесса, именно здесь мы прежде всего можем подметить те наиболее прогрессивные явления в истории народов, населявших тогда Восточную Европу, которые мы с полным основанием можем считать ведущими.

За последнее время в нашей печати по этим вопросам высказывался ряд соображений, с которыми необходимо считаться.

Основными вопросами, поставленными, так сказать, на очередь, являются следующие: 1. С какого времени можно

[1] А. А. Спицын. Владимирские курганы. Зап. Археол. общ., т. 15.

[2] А. В. Арциховский. Курганы вятичей.

[3] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смол. гос. унив., т. III, вып. 3.

[4] Б. А. Рыбаков. Радзимичы. Працы секцыи археолёгіі, т. III. Белорусская Академия наук., Инст. истории. Менск, 1932.

[5] В. И. Равдоникас. Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологич. данных. Основн. проблемы генезиса и развития феодального общества. ГАИМК, 1934 г., стр. 102—130

[6] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Вост. Европе. Изд. ГАИМК.

говорить о феодализме в древней Руси? В связи с этим вопросом стоит вопрос о роли варяжского завоевания в процессе феодализации племен восточно-славянской и финской группы языков. 2. Какой общественный строй предшествовал феодальному у восточных славян и финнов?

Эти оба вопроса рассматриваются в предлагаемой работе на основе изучения материалов, оставленных нам нашей древностью и успевших попасть в научный оборот.

II. ВАРЯГИ И ВОПРОС О ГЕНЕЗИСЕ ФЕОДАЛИЗМА

О времени возникновения феодальных отношений на Руси за последние годы высказано было два до сих пор непримиренных мнения.

Одна группа ученых считает, что феодализм в древней Руси возникает тогда, когда прекращается торговля по великому водному „пути из варяг в греки", вследствие чего княжеская варяжская дружина оседает на землю. До этого момента, т. е. до XII—XIII вв., дружина занималась главным образом грабежом и торговлей. На вопрос, что же делало в это время местное славянское и неславянское общество, подвергавшееся систематическому ограблению норманнов; чем оно жило, сторонники этого мнения ответа не дают и мало о нем думают. [1]

Высказано и другое мнение, радикально расходящееся с только-что изложенным. Сторонники второго направления, нисколько не отрицая того, что феодальные отношения в XIII веке уже не те, что были в IX — X вв., не склонны придавать решающего значения ни норманнам, ни грабежам, ни даже торговле, а главное внимание обращают на объект норманских набегов, на местное общество и стараются по возможности следить за каждым поступательным шагом в его развитии. Корни феодализма они ищут не в варяжской авантюре, а в условиях развития местного общества, разыскивая именно здесь следы родо-

[1] Вознесенский С. В. К вопросу о феодализме в России (по поводу книги Б. Д. Грекова. Очерки по истории феодализма в России). Проблема истории докапиталистических обществ. 1934 г. № 7–8, там же и мой ответ. Юшков С. В. в своих старых работах стоял приблизительно на такой же точке зрения

вого строя, сельской соседской общины, зарождение частной собственности на землю, форм эксплоатации человека человеком. Они, конечно, не закрывают глаз на факт старых отношений Руси с варягами, но считают, что результат всякого завоевания обусловлен тем уровнем развития производительных сил завоеванного общества, который предшествует завоеванию. Наконец, они и к факту „завоевания" относятся гораздо осторожнее, имея в виду, что „завоевания" бывают разного характера, разной степени и силы, в зависимости от целого ряда конкретных условий.

Те, кто склонен видеть феодальные отношения лишь после того, как варяги осели на землю, обычно в подтверждение своих взглядов ссылаются на ставшее сейчас достаточно популярным место из „Секретной дипломатии XVIII в." Маркса, где он говорит о „норманском" или „готическом периоде" русской истории. Вот это место: „Как империя Карла Великого предшествует образованию современной Франции, Германии и Италии, так империя Рюриковичей предшествует образованию Польши, Литвы, Балтийских поселений, Турции и самого Московского государства". „Ускоренный темп расширения норманской державы делается следствием не какого-нибудь заранее выдуманного хитроумного плана, а естественным результатом примитивной организации норманских завоеваний—вассалитет без ленных отношений или лены, составлявшиеся только из жалования, причем необходимость в новых завоеваниях диктовалась непрекращающимся притоком новых авантюристов, жаждавших славы и добычи". Из этой цитаты некоторые авторы стараются сделать вывод о том, что Маркс признавал настоящие феодальные отношения в России только с XII—XIII вв. Имея якобы за собой столь авторитетную поддержку (в правильности понимания Маркса у них нет сомнений), эти авторы обращаются к собственной аргументации и прежде всего подчеркивают отсутствие до этого времени достаточных сведений о сколько-нибудь крупном частном землевладении; с особым удовлетворением они стараются указать на то, что богатство верхушечных слоев общества IX—XI вв. состояло не в земле, а либо в деньгах, либо в награбленных товарах и конских табунах. Этот период они и склонны считать периодом господства „вассалитета

без ленов, или ленов, состоящих только из жалованья" Правда, один из авторов этого направления оговаривается что-де „в 50-х гг. прошлого столетия, когда Маркс писал „Секретную дипломатию", русская историческая наука была в младенческом состоянии и потому он (Маркс. *Б. Г.*) был не в состоянии глубоко осветить феодальные отношения в Киевской Руси".[1] Мне кажется, что тут нужно вопрос тавить ребром: либо Маркс не понял древнюю Русь, тогда не зачем строить на Марксе своих выводов, либо Маркс правильно понял сущность тех общественных отношений, о которых он говорит в данной цитате, тогда нужно постараться в свою очередь правильно понять Маркса и тогда только использовать его авторитетное мнение. Думаю, что второй путь будет более надежен и плодотворен. Что собственно сказал о древней Руси Маркс? Он указал: 1) что Киевское государство по своей роли в дальнейших исторических судьбах Восточной Европы соответствует империи Карла Великого в образовании и развитии западноевропейских государств; 2) что в образовании Киевского государства варяги играли главным образом роль внешних объединителей, владевших примитивными организационными средствами и тем самым неспособных навязать славянам и финнам свой способ производства.

Необходимо также подчеркнуть, что Маркс много раз высказывался о роли завоевания в истории различных обществ и не имел никаких оснований отказываться от этих своих мыслей применительно к древней Руси. Маркс совершенно определенно говорил о том, что „захват обусловлен объектом захвата",[2] что при этом возможны три варианта. „Народ-победитель навязывает побежденным собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет существовать старый и довольствуется данью (например, турки и римляне), или имеет место взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях)".[3] При втором варианте „принимаемая оседающими завоевателями форма

[1] Изв. ГАИМК, вып. 86, стр. 84. Ср. стр. 71 72.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IV. Немецкая идеология. стр. 63. М., 1934.

[3] Критика полит. экономии. Изд. 1932, стр. 129.

общественности должна соответствовать ступени развития производительных сил, которую они застают в наличии, а если этого соответствия первоначально нет, то их форма общественности должна измениться сообразно производительным силам.“ [1]

Совершенно очевидно, что и в трактовке истории древней Руси Маркс имел в виду только что приведенные соображения, и когда говорил о норманском периоде в истории России, то характеризовал лишь „примитивность организации норманских завоеваний“. Этим самым Маркс отказывается признавать решающую роль за норманским „завоеванием“, значение которого несомненно сильно преувеличивалось как в современной Марксу историографии, так и в последующее время, иногда вплоть до наших дней. Значит ли, что в объяснении классообразования у восточных славян Маркс отрицал естественный и неизбежный процесс разложения сельской общины и образование частной собственности на землю со всеми вытекающими отсюда следствиями в самом славянском обществе? Конечно, не значит. Он ни одним словом, ни одним намеком не говорит этого. Он весьма определенно показывает нам, в каком направлении надо вести исследование: „при варварском захвате все дело в том, развил ли завоеванный народ промышленные производительные силы“ Не завоеватели, а завоеванные должны быть первым и самым необходимым объектом нашего изучения, если мы хотим, следуя Марксу, изучить интересующий нас вопрос. Оказывается в данном случае, что люди, весьма охотно цитирующие Маркса, иногда меньше других склонны итти его исследовательским путем. Отсюда кроме недоразумений ничего получиться не может. Хочется здесь еще раз подчеркнуть, что Маркс норманскому завоеванию решающего значения не придавал, считал его примитивно организованным и поэтому осуществляемым „ускоренным темпом“, т. е. не проникающим в толщу захватываемого общества, не перестраивая его, а наскоро пользуясь тем, что легче всего было взять без особых усилий и сложных организационных средств. Не случайно Маркс

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IV. Немецкая идеология стр. 64. М., 1934.

называет этих пришельцев авантюристами и объясняет необходимость новых завоеваний „непрекращающимся притоком новых авантюристов, жаждавших славы и добычи“ Ряд столкновений между этими авантюристами привел к тому, что власть перешла в руки киевского князя, потерявшего свой норманский облик и ославянившегося. Эти соображения решительно подтверждаются как всеми известными нам старыми фактами, так и вновь пущенными в научный оборот (имею в виду топонимику).[1]

Наконец, в нашем современном споре не все ново: в 50-х годах XIX в. шла по этому вопросу полемика между М. П. Погодиным,[2] стоявшим на точке зрения преувеличенной роли варягов в истории Киевского государства („Варяги имеют свою особую историю, или лучше сказать *одни* составляют ее“) и Соловьевым,[3] высказывавшим отношение к варягам, очень близкое Марксу.

Второй чрезвычайно важный и интересный тезис, вытекающий из высказанных мыслей Маркса о древней Руси, это аналогия Киевской Руси с империей Карла Великого Империя Рюриковичей (т. е. Киевская Русь, или иначе Русь, объединенная гегемонией Киева) это есть почва и материал, на которой и из которого впоследствии образовалось несколько самостоятельных политических единиц. И этот тезис необходимо принять, потому что он подтверждается фактами и помогает решить один из самых острых исторических вопросов, поставленных давно, но с особенной остротой в послереволюционное время—это проблема Киевской Руси.

Что такое Киевская Русь? Империя ли это Рюриковичей, обнимающая все земли, находящиеся под властью Киева,

[1] Е. А. Рыдзевская. К варяжскому вопросу (местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси). Изв. ООН Академии Наук, 1934, № 7—8. Считаю выводы Е. А. Рыдзевской о весьма незначительном количестве следов варягов на Руси вполне согласуемыми с данными наших письменных памятников и соображениями по этому вопросу Маркса. Это замечание не мешает мне отметить, в то же время, некоторые сомнения в точности наблюдений автора.

[2] М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции. Москва, 1846 г., т. III, стр. 545 и др.

[3] С. М. Соловьев. История России с древн. времен, изд. Обществ. Польза, т. I, стр. 273 и дальше.

включая сюда, хотя бы и с некоторыми оговорками, и Новгород и Центральное Междуречье, как неизбежно вытекает из понимания этой империи Марксом, или же только Украина? Мне кажется, что для защиты последнего положения нет достаточно веских аргументов. В 1904 г. М. С. Грушевский высказал упрек тем историкам, которые историю Киевской Руси склонны были рассматривать как начало общерусского исторического процесса. Упрек справедлив лишь отчасти. Конечно, Новгород имеет свою историю точно так же, как и Ростово-Суздальская земля. Но отсюда не вытекает отрицание целого периода в истории восточноевропейского общества, когда Киев объединял огромную территорию, в состав которой входили и Новгород, и Суздаль, и Ростов Отрицать этот факт это равносильно отрицанию аналогичного факта в истории Западной Европы, где Франции, Германии и Италии предшествовала огромная империя Карла Великого, таившая в своих недрах зародыши этих будущих политических образований. Если мы примем эту аналогию Маркса, тогда перед нами падают и непреодолимые трудности в приурочении Русской Правды к какой-либо определенной территории или этнической среде. Как в самом деле иначе понимать Русскую Правду, источник, без которого не может обойтись ни историк Украины, ни историк Новгорода, Ростовско-Суздальской или Смоленской земли? Можно считать, что древняя редакция „Правды", дошедшая до нас в I Новгородской летописи, писана по распоряжению новгородского князя для Новгорода с характерными, специально для Новгорода сделанными приписками, вызванными политическими соображениями в связи с новгородскими событиями 1015 г., и в то же самое время у нас есть основание утверждать, что прототип Правды под именем Закона Русского был известен в Киеве уже в самом начале X в., так как под этим наименованием цитирует ее договор с греками 911 г.

Ярослав стремился здесь по сути дела к тому, чтобы путем обещания некоторого равноправия перед судом, с одной стороны, варяго-руссов, представленных в иерархии их общественных отношений (русин, гридин, ябедник, мечник), с другой—славян и изгоев, ликвидировать национально-классовую рознь, успевшую образоваться в Новгородском

обществе и, в частности, в самом городе. В оформлении „Правды Ярославичей“ несомненно участвуют киевские князья и киевские мужи, которые однако очень хорошо знакомы с новгородскими общественными отношениями (Ярослав, отец этих князей, вырос в Новгороде, здесь же родились и его дети; став киевским князем, Ярослав не перестает находиться в постоянной связи с Новгородом) и в „Правде“ пользуются чисто новгородской и в других землях неупотребительной терминологией для обозначения, например, верхушечного слоя дружины („огнищанин“). Обе эти Правды легли в основу так называемой „Пространной Правды“, дошедшей до нас в сотне экземпляров, переписанных в разное время писцами, и северными и южными. Мы хорошо, наконец, знаем, что киевский митрополит, бросивший Киев для Владимира в 1299 г., взял с собой и „Русскую Правду“, приспособив ее для своих надобностей. Это так называемое „Правосудие митрополичье“.[1] Можно видеть попытку приспособления „Русской Правды“ к общественным отношениям и терминологии северо-восточной Руси и, например, в следующей статье: „А кто конь купит княж боярин или купец или сирота...“[2]

Едва ли Юрий Долгорукий, покидая Киев для Владимира, расставался с „Русской Правдой“: Москва даже в XIV в. не только знает „Правду“, но и очень недвусмысленно пользуется ею, кладя ее, например, в основу уставной грамоты на Двину. Эти факты говорят о том, что едва ли было бы правильно привязывать ценнейший памятник по истории древней Руси к какому-либо одному пункту на карте Восточной Европы. Едва ли не будет вернее допущение, что в „Пространной Правде“ мы имеем отражение общественного развития Киева и Новгорода, а затем и Суздальской земли, т. е. империи Рюриковичей или Киевской Руси в самом широком понимании термина, но конечно не всей этой огромной территории в целом, а лишь наиболее культурных центров, связанных торговыми путями и объединяемых господствующим классом, успевшим к этому времени выработать ряд общих хозяйственно-правовых норм и пользо-

[1] Летопись занятий Арх. ком., вып. 35, стр. 115—120.

[2] Н. Калачев. Предварительные юридические сведения для полного объяснения „Русской Правды“, стр. 136. СПб., 1880 г.

вавшимся общим языком, в который несомненно проникали и элементы местных народных говоров, характерных для каждой из этих больших ветвей восточного славянства Итак: 1. Варяги в истории Киевского государства играли далеко не главную роль. Они безусловно подчинились производственным отношениям местного общества, растворились в нем. Варяги—лишь эпизод в истории общества, создавшего Киевское государство. Судить по варягам об истории этого общества—большая ошибка. 2. Киевское государство заключало в себе зародыши многих будущих государств Восточной Европы.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДОФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Второй вопрос, поставленный перед нашей наукой в последнее время, о характере общественных отношений, предшествовавших феодализму, тоже уже имеет свою литературу, хотя и весьма скромную. И здесь можно отметить тоже два основных течения: одно, признающее рабовладельческую формацию неизбежной стадией в развитии каждого общества и усматривающее все признаки этой формации и в древнейшей Руси до появления в ней феодальных отношений, и второе –отрицающее обязательность рабовладельческой формации (отнюдь не роль рабства вообще) и не находящее признаков этой формации в русском обществе в дофеодальную пору

Строго говоря, спор идет об определении роли рабства в дофеодальной Руси, и вопрос ставится так: можно ли то рабство, которое мы наблюдаем на известной стадии развития в России, рассматривать как признак рабовладельческой (античной) формации? Мы хорошо знаем, что „ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества“.[1] Наша задача состоит в данном случае в том, чтобы определить структуру общества, в своих недрах вырастившего феодализм. Недавно было высказано

[1] Маркс. К критике полит. экон., стр. 46, изд. 1932 г.

соображение о том, что это вопрос, который решается на основе методологических соображений, как будто не нуждается для своего решения в конкретном материале.[1]

Нисколько не умаляя значения теории в нашей науке и решительно подчеркивая, что без теории не только нет науки, но не может быть и простого предварительного собирания фактов, все же нахожу, что вопрос о роли рабства в том или ином обществе должен решаться на основании конкретного материала, а не одних методологических соображений.

Вопрос этот специально рассматривается ниже

Сейчас мне хотелось бы собрать сведения, рассыпанные в наших источниках об общественном строе, предшествовавшем тому, в котором жил и который непосредственно воспринимался летописцем. Заранее должен оговориться, что сведения эти скудны, по вполне естественным, неизбежным причинам. Когда в обществе появилась потребность оглянуться на свое прошлое, это прошлое уже успело уйти так далеко, что представить себе его в XI в. было достаточно трудно. Я имею в виду родовой строй, предшественник феодальных отношений. Если мы зададим себе вопрос, когда и какими средствами мы научно впервые ознакомились с сущностью этого периода в развитии человеческих обществ, то неизбежно вернемся к книге Моргана „Древнее общество“ и книге Энгельса „О происхождении семьи, частной собственности и государства“, написанной, как известно, в 1884 г. на основании наблюдений над подлинным родовым строем, изученным Морганом среди американских туземных племен. Конечно, здесь суть дела не в Америке, можно было бы такой же строй наблюдать у гиляков, чукчей, самоедов и других народов нашего крайнего севера или еще где-нибудь, где жили племена на этой стадии своего развития. Дело все в том, что без непосредственных наблюдений над этим строем не могли быть поняты его основные черты по тем пережиточным остаткам, которыми располагали исследователи различных европейских обществ. Когда появились письменные памятники, запечатлевшие в себе эти пережитки далекого прошлого, это

[1] Цвибак, стр. 136. Изв. ГАИМК, вып. 86.

прошлое было основательно забыто. Неудивительно что наш летописец, всегда вообще конкретный, умеющий передавать подробности изображаемых им событий, решительно теряет эти свои свойства, переходя к характеристике родового строя. Здесь, конечно, можно задать вопрос: неужели летописец не мог непосредственно наблюдать родового строя у более отсталых славянских и неславянских племен, ему современных? Мне кажется, что правильнее всего будет ответить на этот вопрос так: „едва ли мог, а если бы и мог то не всегда умел". Не мог, потому что едва ли в XI в этот родовой строй где-либо в восточной Европе был в неприкосновенности, исключая севера, куда летописец едва ли имел возможность проникнуть с научной целью; не умел, потому что наблюдать родовой строй совсем не так легко, как это кажется; нам стоит только заглянуть в наблюдения наших этнографов, изучавших, к примеру, Сибирь, чтобы убедиться в этом.

Древнейшее упоминание о восточно-славянском роде мы имеем в „Повести временных лет" в недатированной ее части, т. е. части, для самого автора представлявшей наиболее непреодолимые трудности, так как он не имел об этом периоде никаких точных данных. О полянах, наиболее ему известных, он может сказать только очень глухо. „Полем же жившем о собе и владеющем роды своими... и живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим" Шахматов не без основания видит здесь наслоение двух редакций и первоначальный текст „Повести" представляет так: „Поляне живяху кождо своим родом на своих местех, владеюще кождо родом своим".

Тут мы имеем указание на то, что летописец все-таки знает кое-что о прошлом славян и говорит нам о форме их древнейших общественных отношений, называя ее родом. Дальше он еще раз ссылается на это же место: „поляном же живущим о собе, якоже рекохом" [1]

Здесь „род" есть несомненно форма общественных отношений, хотя и не раскрытая в летописи перед нами в своем содержании.

[1] Там же, стр. 11

Но мы все же можем догадаться, о каком роде здесь идет речь. Материнский род тут несомненно исключается. О матриархате применительно к славянам и финнам летописец не говорит ни звука, несмотря на то, что ему известны вообще различные формы семьи и брака, лежащие в основании той или иной стадии в развитии родовых отношений. Летописец говорит о групповом браке у халдеев, „гилиомь", во „Вретании" („мнози мужи с единою женою спять и мнози жены с единым муже похотьствуют"). Летописец весьма вероятно ошибается, приписывая эти формы брака определенным народам, но он с полной очевидностью обнаруживает перед нами знакомство с этими формами, и ясно, что если бы летописцу хотя бы намек был известен на групповой брак или на семью пуналуальную у славян или финнов, он бы не преминул сказать об этом. Между тем, в его изображении наиболее отсталые славянские племена—древляне, радимичи, вятичи и северяне, которых летописец нисколько не склонен щадить в своей характеристике и которых он готов упрекать в чем угодно, знают во всяком случае парный брак, а весьма возможно и моногамную семью „Браци не бываху в них,—пишет он,—но игрища межю селы; схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовская игрища, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто свещашеся; имаху же по 2 и по 3 жены".[1] Идеал летописца моногамная семья. Он стоит за нее не только потому, что она освящена христианским законом, но и потому, что моногамная семья сделала уже большие успехи, во всяком случае у полян. Энгельс по поводу парной семьи замечает: „для того, чтобы парная семья развилась дальше в прочную моногамию, нужны были иные причины, чем действовавшие до сих пор. Группа была сведена путем парного брака к своей минимальной единице, ее двухатомной молекуле: к одному мужчине и одной женщине. Естественный отбор завершил свое дело путем все далее идущих изъятий из брачного общения; в этом направлении для него уже ничего не оставалось делать. И если бы, следовательно, не появились новые общественные движущие силы, то не было бы налицо причины для того, чтобы из парного брака возникла новая

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 13

форма семьи. Но такие движущие силы действительно появились".[1] Эти движущие силы—победа частной собственности над первоначальной, первобытной общинной собственностью.[2]

У полян эта победа появилась несколько раньше, чем у других славянских племен, и летопись этот факт отмечает с полной отчетливостью. Это произошло несомненно очень задолго до времени, когда жил и писал автор „Повести". Понятно, почему он не видел рода и столь туманно о нем говорит в своем произведении.

В дальнейшем своем повествовании не только с моментов более достоверно известных летописцу, но и для более темного периода истории восточно-славянского общества летописец пользуется термином „род" в самых разнообразных смыслах. Кий, Щек и Хорив становятся родоначальниками правящей у полян династии, точно так же, как у древлян, дреговичей, новгородских славян и полочан появились свои. Перед нами наследственность высшего представителя власти, по крайней мере в изображении летописца, и понимание термина „род" в смысле династии. Отсюда понятие княжеского рода: „вы неста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа", говорит Олег, обращаясь к Аскольду и Диру. И совершенно прав был Соловьев, когда указывал на разнообразие в понимании этого термина летописцем. Род означал и совокупность родственников и каждого из них („избрашася три братья с роды своими", т. е. с родственниками своими), этот же термин употреблялся в смысле соотечественника (Олег, хитростью вызывая на берег Днепра Аскольда и Дира, притворился гостем, плывущим в Византию, и обращался к Аскольду и Диру с приглашением в следующих словах: „да придета к нам, к родам своим"), и в смысле целого народа („от рода русского, от рода варяжска"). Эта расплывчатость в содержании термина говорит о том, что термин успел уже потерять свое основное содержание, что ему уже перестали придавать тот смысл, который когда-то принадлежал ему исключительно и полностью. Что касается термина „семья", то в наших

[1] Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 53, изд. 1932 г.

[2] Там же, стр. 64.

источниках мы найдем буквальное подтверждение того, что Энгельс писал относительно римской familia. „Семья прежде всего означает—челядь, домочадцы, рабы". В Златоструе XII в. „семия множество или имения множество, злато и серебро" Семья здесь тождественна с греческим ἀνδραπόδοι. Там же „другыи на ближьнааго помысли, другый другааго семью исхыти". Тут термину семья соответствует греческое οἰκέται В житии Нифонта XIII в.: „да был аз был и чада моя и семия моя живи были". В прологе XV в.: „Ни аз, ни семьянин мой, ни детищ мои, ни куря мое" и т. д. В этих терминах живут уже успевшие отмереть когда-то существовавшие подлинные отношения.

Эта семья—familia—понимается совершенно естественно как патриархальная семья, т. е. организация некоторого числа свободных и несвободных лиц, подчиненных отцовской власти главы семьи. Противополагать эту семью роду, как делали это сторонники „родовой теории" и их противники, решительно не приходится. Но нужно сказать больше. Наши источники убеждают нас в том, что и эта патриархальная семья к IX в. во всяком случае далеко пошла по пути разложения.

Стоит хотя бы обратить внимание на то, что в свое время отмечал уже Ключевский: „Областное деление русской земли при первых русских князьях... далеко не совпадало с племенным, как его описывает „Повесть". Не было ни одной области, которая состояла бы из одного цельного племени: большинство их составилось из частей разных племен; в некоторых к цельному племени примкнули части других племен". Стало быть, перед нами чисто территориальное деление, пришедшее на смену племенному, т. е. это уже признак разрушения рода и замены его государством. Ряд признаков того же порядка мы можем отметить еще как в летописи, так и в Русской Правде. Первая статья древнейшей Правды, обычно относимой к VIII в., говорит о необязательности мести, о возможности заменить ее выкупом; определяемый какой-то иной, чем родовая власть, властью круг мстителей одновременно по женской и мужской линии говорит нам о том, что над родом существует высшая власть, что родовая месть есть осколок уже изжитых старых отношений. Эта же древнейшая Правда очень хорошо

знает „челядь“ рабов и вся насквозь проникнута собственническими элементами. В Правде Ярославичей совершенно неприкрыты подлинные феодальные отношения. Пашенная земля, бортные угодья уже стали частной собственностью, за нарушение межи, отделяющей эти участки, взыскивается высокий штраф; луга, повидимому, находятся еще в общем пользовании: кони феодала и зависимых от него крестьян пасутся на одном лугу. Появилось значительное имущественное неравенство.

Нельзя забывать, что и другие признаки государственной организации у нас имеются налицо: наследственность княжеской власти, налоговая и пенитарная система—Ольга в X в. в завоеванной земле уже устанавливает уставы и уроки, т. е. упорядочивает взимание налогов. А установившиеся единицы обложения (дым, рало, плуг), говорящие о регулярной подати, известны славянам и финнам задолго до Ольги, по крайней мере в самом начале IX в., если не раньше.

А мы знаем, что налогов родовой строй не знает. Стало быть, патриархальная семья уступила место иным формам общественных отношений. Патриархальная домашняя община, бывшая сама переходной ступенью от возникшей из группового брака и основанной на материнском праве семьи к индивидуальной семье современного мира, явилась в свою очередь „переходной ступенью, из которой развилась сельская община или марка с индивидуальной обработкой и с первоначально периодическим, а затем окончательным переделом пахотной земли и лугов“. „Когда число членов семейной общины так возросло, что при тогдашних условиях производства становилось уже невозможным ведение общего хозяйства, эти семейные общины распались; находившиеся до того в общем владении поля и луга стали подвергаться разделу известным уже образом между образовавшимися теперь отдельными домохозяйствами, сначала на время, позднее раз навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались общими. Для России такой ход развития представляется вполне доказанным“. [1]

[1] Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 142, изд. 1933 г.

Русская Правда, действительно, дает нам материал для того, чтобы убедиться в том, что вервь есть не что иное, как община-марка, выросшая из патриархальной общины В Русских Правдах мы имеем термины, говорящие об этой общине, – мир и вервь. Древнейшая новгородская, стало быть, северная Правда не знает верви и называет только „мир“: „А где поиметь кто чужь конь, любо оружие, любо порт, а познаеть в своем миру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обид“ (Акад. сп., ст. 12). Пространная Правда, и по времени отстоящая от древнейшей не меньше, чем на 3—4 столетия, и относящаяся к южной территории, не знает мира, а вместо того называет в аналогичной статье (ст. 29) „град“: „Аще кто конь погубит или оружие или портно, а заповедает на торгу, а последи познает в своем граде, свое ему лицем взяти, а за обиду ему платити 3 гривны“ (Карамз. сп., ст. 29). Но эта же Правда знает прекрасно и вервь, известную также и Правде Ярославичей, составленной, как известно, в Киеве в первой половине XI в Мы можем на основании данных наших Правд до некоторой степени разгадать сущность этой верви.

Прежде всего совершенно ясно, что вервь –это определенная территория: „А иже убьють огнищанина в разбои или убийца не ищуть, то вирное платити в ней же (верви) голова начнет лежати“. Мертвое тело обнаружено на определенной территории. Отвечают люди, живущие, здесь, связанные общностью интересов; иначе они не могли бы и отвечать совместно. Стало быть, вервь—общественно-территориальная единица. Что это за общество, в чем заключается их связь, мы отчасти можем узнать из той же Правды Ярославичей. В верви живут „люди“, которые очень хорошо знают свои права и обязанности. До недавнего времени они коллективно отвечали за совершенное на их территории преступление. Сейчас закон разъясняет, что ответственность эта падает не всегда на коллектив, что есть случаи, когда преступник должен отвечать сам за себя. Если убьют управляющего княжеским имением умышленно (аще убьют огнищанина в обиду), то платити за нь 80 грив. убийци, а людем не надобе“ (Акад. сп., 18). Люди платят только в том случае, если того же огнищанина убили в разбое, и убийца неизвестен; тогда платят те люди-члены верви, в пределах чьей верви обнаружен труп

Правда Ярославичей — специальный закон. Она близка к Capitulare de villis Карла Великого. Ее назначение оберегать интересы княжеского имения, окруженного крестьянскими мирами-вервями, достаточно враждебно настроенными против своего далеко не мирного соседа - феодала. Не даром феодал укреплял свое жилище и защищал себя суровыми законами. Крестьянские миры призваны нести ответственность за своих членов и вполне понятно, почему в княжой Правде, подчеркивается главным образом только эта сторона верви.

Правда Пространная начала XII в. знакомит нас с общественными отношениями еще глубже и дает нам возможность еще лучше всмотреться в организацию и функции верви.

Вервь не должна ничего платить, если труп, обнаруженный в ее пределах, не опознан. „А по костех и по мертвеци не платить верви, аже имени не ведают, ни знают его". [1] Разбойника вервь должна выдать вместе с женою и детьми на поток и разграбление. Этого раньше в Правде Ярославичей мы не видели. Стало быть на наших глазах усиливается ответственность отдельных семейств, идет отмежевание их от верви. Закон точно говорит в этой же статье: „за разбойника люди не платят" (Карамз. сп., 5) Члены верви должны отвечать не только за убийство: „Оже будет рассечена земля или на земли знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати к себе татя, а любо продажа платити" (там же, 80). И здесь вервь обязана либо найти преступника, либо возместить убытки собственника земли, или испорченной вещи

Наконец, в Правде Пространной мы имеем очень интересный институт дикой виры, который говорит нам о том, что вервь в XII в. уже перестает помогать всем своим членам в платеже штрафов, а помогает лишь тем, кто заранее о себе в этом смысле позаботился, т. е. тем, кто вложился предварительно в „дикую виру": „Аже кто не вложится в дикую виру, тому люди не помогают, но сами платят". Это говорит нам о том, что в XII в. члены верви перестали быть равными в своих правах, что среди них выделилась группа, надо думать, людей более зажиточных,

[1] Троицк. сп., стр. 74—76. Русск. Правда, изд. Соцэкгиз, 1934, стр. 30

которые могли платить все взносы, связанные с участием в „дикой вире“ Перед нами итог разложения старой верви

Совершенно с теми же функциями мы встречаемся и в польской общине („gegenote“). Она тоже отвечает за убийство, совершенное на ее территории. „Если убитый останется лежать в поле или на дороге, и не будет известно, кто его убил, тогда господин [1] зовет к себе „Gegenote —членов общины—и налагает на общину штраф за убитого („Schuld“)... Если же „Gegenote“ (члены общины) укажут на какую-либо деревню, а деревня скажет, что она неповинна в убийстве, то она должна очистить себя поединком, (ордалией), или же заплатить за убитого. Если же деревня укажет на определенную семью (Geschlecht в данном случае— не род, а семья), и семья станет отрицать вину, то эта последняя должна или очистить себя поединком (ордалией), или уплатить „Schuld“.[2]

Это– польская древнейшая Правда, записанная немцами для подвластного им польского населения в XIII в.

Здесь мы видим в сущности то же, что и в Русской Правде, только с большей ясностью указывается на то обстоятельство, что община находится во власти феодала. Господин зовет к себе „Gegenote“, он взыскивает Schuld и пр. В Русской Правде нет этой отчетливости, но тем не менее и здесь присутствует феодал со своими притязаниями. Рядом с разлагающейся общиной существует среда феодалов, где с полной очевидностью господствует индивидуальное право собственности на пахотную землю, борти, места охоты (луга, повидимому, находятся еще в общем с крестьянами пользовании), орудия производства, что все эти вещи покупаются, продаются, передаются по наследству. Наступление на общину и победа феодала видна также и в том, что из недр общины уже выделились отдельные неимущие элементы, вынужденные искать работы и защиты у феодала. Это-рядовичи, закупы, вдачи, изгои, о которых специально речь будет впереди. Сейчас нам важно отметить эти наиболее существенные стороны мира-верви для того, чтобы

[1] В данном случае разумеется феодал.

[2] Helcel A. Starodawne Prawa Polskiego pomniki, 1870, стр. 18, ст. VIII

показать эволюцию домашней патриархальной общины, развитие которой протекает, так сказать, на наших глазах: совершенно определенно она перерождается в сельскую общину или марку „с индивидуальной обработкой и с первоначально периодическим, а затем окончательным переделом пахотной земли и лугов“ Процесс этот начался раньше на юге, чем на севере. Север сохранил нам следы старых отношений значительно дольше. На юге община исчезла раньше и в Русской Правде нашла себе лишь слабое отображение.

Мне кажется, мы достаточно определенно можем ответить на поставленный выше вопрос о том, какой общественный строй предшествовал феодальному у восточных славян и финнов. Несомненно это был разложившийся патриархальный род, на наших глазах проделывающий свою дальнейшую эволюцию.

Этого однако мало. Мы должны использовать имеющиеся в нашем распоряжении данные, чтобы осветить этот грандиозный процесс по возможности с разных сторон и прежде всего вопрос наиболее спорный о роли рабства в обществе этой поры восточных славян.

Современная литература вопроса невелика, потому что самый вопрос в своей современной постановке выдвинут недавно. Имеется лишь несколько замечаний в отдельных работах [1] отдельных авторов и одна специальная статья И. И. Смирнова „О генезисе феодализма“. [2] Эта статья имеет в виду не феодализм в какой-либо стране, а трактует его вообще как общественную категорию и приводит к следующим выводам: „I. Классы возникли до феодализма. 2. Господствующий класс дофеодального общества создал уже аппарат для угнетения эксплоатируемого класса и использовал государство, как свое орудие в процессе генезиса феодализма... Моментом, определяющим структуру этого общества, является наличие в нем рабства... Поскольку

[1] См. напр. Равдоникас. Проблемы истории докапит. обществ, 1934, № 1; статью А. Г. Пригожина Ленин и основные проблемы докапитал. формаций; В. Рейхардт. Очерки по экономике докапит. формаций, 1934 г.; прения по моему докладу „Рабство и феодализм“ в Изв. ГАИМК, вып. 86; Историк-марксист, 1932, статья Б. Н. Тихомирова.

[2] Проблемы ист. матер. культ., 1933, № 3—4

эксплоатация рабов является основным источником могущества господствующего класса, постольку мы имеем полное право сказать, что перед нами общество рабовладельческое“

Нужно однако сказать, что такая трактовка вопроса не находит общего признания у современных представителей исторического знания. Едва ли я ошибусь, если скажу, что большинство исследователей смотрит на вопрос иначе. [1] Не отрицая того, что рабовладельцы и рабы есть первое деление общества на классы, они решительно отрицают рабовладельческую формацию в качестве необходимого этапа в развитии каждого общества и склонны вместе с Энгельсом видеть в германском обществе пример, где рабство не развилось до такого состояния, когда оно могло бы образовать рабовладельческую формацию, подобную греческому или римскому обществу известного периода, для чего необходимы были, как нам известно, особые условия, далеко не всегда повторяющиеся. Сторонники этого взгляда находят возможным трактовать в таких же тонах и историческое развитие восточного славянства. Рабство, конечно, прекрасно известно и восточно-славянскому обществу, но это рабство здесь не выросло до целой системы рабовладельческого хозяйства. К сожалению, историк, ставящий себе задачу изучить период разложения родовых отношений и генезиса феодализма у восточных славян, находится в более трудных условиях, чем исследователь тех же процессов у германцев: столкновение этих последних с Римом и отражение этого факта в римских источниках дают достаточный материал для суждения по этому вопросу, чем и объясняется между прочим столь определенное мнение по этому предмету у Энгельса. Исследователь восточного славянства подобным материалом, к сожалению, не располагает

Полагая, что вопрос этот в окончательном виде может быть разрешен не путем чисто теоретическим, а путем самого тщательного изучения „бесконечно различных эмпирических обстоятельств“, и откладывая рассмотрение материала, относящегося к восточно-славянскому обществу до

[1] Напр. С. И. Ковалев. Изв. ГАИМК, вып. 86, стр. 108

следующей главы, уже здесь, до конкретного исследования вопроса, позволю себе усомниться в правильности решения задачи И. И. Смирновым. Сам И. И. Смирнов говорит о том, что в период этого первого классового общества имеется наличие двух укладов — рабовладельческого и общинного. Дальнейшая эволюция этого неустойчивого равновесия, как должен будет согласиться И. И. Смирнов, заключалась в некотором разрушении этой общины и образовании крепостного зависимого населения, с одной стороны, и феодалов-землевладельцев, с другой. Стало быть рабский строй, не успев вырасти до размеров особой общественно-экономической формации, сыграл лишь служебную роль, роль средства превращения общинной собственности в феодальную и свободного общинника в феодально-зависимого (hörige или leibeigene). Энгельс так же представлял себе и роль рабства в германском обществе, когда говорил, что германское рабство не доразвилось до античного рабства. Ленин в лекции о государстве тоже говорил о „переходе общества от первобытных форм рабства к крепостничеству“,[1] а первобытные формы рабства—это не рабовладельческая формация.

Я думаю, что этот вопрос в конечном счете может быть разрешен только тщательным изучением остатков подлинной жизни восточного славянства, дошедших до нас в памятниках нашей письменности.

Даже при самом поверхностном соприкосновении с этими памятниками наличие и известная роль рабства бросается в глаза совершенно отчетливо и в Киеве и в Новгороде: тринадцатилетний Феодосий, сын небогатого землевладельца, будущий столп Печерской обители, „исходит с рабами своими на село делати со всяким прилежанием“.[2] Сыну богатого боярина Варлааму, насильно возвращенному в родной дом из Печерского монастыря, по распоряжению отца служат „раб множество“. Те же рабы и рабыни плачут когда Варлаам, несмотря на все меры, принятые отцом чтобы оставить его дома, настоял на своем и решил вернуться в монастырь.[3] Приблизительно тогда же (в 1068 г.)

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 367.

[2] Патерик Киевского Печерского монастыря, стр. 117, изд. 1911 г.

[3] Там же, стр. 25.

новгородского епископа Стефана в Киеве удавили собственные холопы [1]

В самом Печерском монастыре работали рабы, и, когда преподобный Василий в течение нескольких лет днем и ночью вместо них стал молоть на братию жито, „легота бываше рабом“ [2]

Под разными наименованиями (холопы, челядь, одерень, обель, раб или просто „люди“, обыкновенно с указанием на принадлежность их кому-нибудь) мы можем встретить их едва ли не во всех дошедших до нас письменных источниках X—XII вв. и позднее. Их покупают, продают, в различных формах эксплоатируют, их воруют, иногда они убегают от своих господ сами, их разыскивают и наказывают. Сведений о них достаточно, и тем не менее вопрос об общественной роли рабства в древней Руси этой справкой отнюдь не решается. Не может быть решен он и тогда, когда мы ознакомимся с экономической природой раба в статическом его положении, потому что условие познания всех процессов мира достигается через изучение их в самодвижении, в жизни, в раскрытии противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций этих процессов. Место раба в производстве данного общества на данной ступени его развития мы сможем определить лишь тогда, когда изучим экономическую структуру этого общества, определим основные его противоречия и точно обнаружим, что является в данный момент ведущей стороной этих противоречий. Лишь тогда наши факты найдут свое место, и мы сможем научно оперировать с ними. „Только та форма, в которой прибавочный труд выжимается из рабочего, отличает экономические формации общества, например, общество рабства от общества наемного труда“. [3] Говоря это, Маркс имеет в виду классовое общество в различные моменты его истории. Как возникло это классовое общество, подробно говорить сейчас не приходится. Но все же необходимо подчеркнуть, что именно рабство было простейшей естественно выросшей формой разделения труда. Не следует забывать, однако, что в это же время живет и сосед-

[1] Новгородская II и III летописи, стр. 185, изд. 1879 г.

[2] Патерик Киевского Печерского монастыря, стр. 116, изд. 1911 г.

[3] Маркс. Капитал, т. I. гл. VII, стр. 88, изд. 1923 г.

ская община, более или менее устойчивая в зависимости от особых конкретных условий ее существования.

Нет, например, никаких сомнений в том, что так называемая „Киевская Русь“ в IX—XI вв. есть общество классовое, что рабы в нем играют определенную весьма заметную роль, но для того, чтобы учесть их подлинный общественный удельный вес, нам необходимо сначала определить данный стадиальный этап в развитии этого общества.

Считаю необходимым еще раз указать, что в своем исследовании я имею дело с Киевской Русью не в узко-территориальном смысле этого термина (Украина), а именно в том широком смысле, как его понимал Маркс. Это „империя Рюриковичей“, соответствующая западно-европейской „империи Карла Великого“, включающая в себе огромную территорию, на которой впоследствии образовалось несколько самостоятельных государственных единиц. Нельзя сказать, что процесс феодализации в изучаемый отрезок времени на всем огромном пространстве территории Киевского государства протекал совершенно параллельно: по великому водному пути „из варяг в греки“ он несомненно развивался интенсивнее и опережал центральное междуречье. Только в главнейших центрах этой части Европы, занятой восточным славянством, общее изучение этого процесса мне кажется в некоторых отношениях допустимым, но и то с постоянным учетом различий природных, этнических и исторических условий каждой из больших частей этого объединения.

Считаю необходимым предупредить еще раз о том, что по условиям наличия письменных источников я не мог обследовать в сколько-нибудь полном виде более ранние периоды в истории этого общества, и что мои наблюдения поэтому касаются лишь X-XII вв. по преимуществу и, главным образом, именно тех центров, которые располагались по великому водному пути „из варяг в греки“. В основу исследования положен почти исключительно материал русских источников, дополняемый источниками не русскими лишь в отдельных случаях.

Наконец, кажется мне целесообразным условиться и относительно точного содержания тех основных понятий, с которыми в дальнейшем придется нам иметь дело: рабо-

владельческое общество, античное общесто, как одна из его разновидностей, и феодализм.

Если рабовладельцы и рабы есть первое крупное деление общества на классы, то необходимо помнить, что не всякое рабство есть античное рабство. Рабство в античных обществах становится господствующим способом производства. Но и в классических странах античного способа производства—в Риме и Греции—рабский способ производства в качестве господствующего появился в итоге сравнительно длительного периода развития этого общества. „Для того же, чтобы рабский труд сделался господствующим способом производства в целом обществе, общество должно достигнуть гораздо высшего развития производства, торговли и накопления богатств". Энгельс весьма определенно говорит о странах классического античного способа производства—Греции и Риме. Он совершенно ясно указывает на то, что античный способ производства появился в этих странах отнюдь не в начальный период истории классового общества, прекрасно знакомого с рабством, а значительно позднее, когда эти общества достигли сравнительно высокой степени своего развития, и появились особые причины, заставившие крупных землевладельцев заменить крестьянский труд трудом рабов. [1]

Из самого характера эксплоатации рабов и их роли в производстве ставилась и разрешалась для античного общества проблема воспроизводства рабочей силы. Возможность нормального внутреннего воспроизводства рабочей силы при обычной для рабского способа производства системе эксплоатации раба исключалась. Одними внутренними ресурсами рабство как система хозяйства не могло питаться. Отсюда необходимость для античных обществ широкой завоевательной политики: рынок рабов получает пополнение своего товара посредством войны, морского разбоя и т. д. Превращение побежденных в рабов—нормальная цель этих военных предприятий. Наконец, необходимо отметить, что „там, где рабство является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как,

[1] Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 130, 142—143, изд. 1932 г.

с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия Рабство заводит общество в тупик, из которого нет иного выхода, кроме разрушения самого общества. Основные предпосылки крушения античного общества могут быть сведены к следующим: 1) чрезвычайно низкий технический уровень античного хозяйства и невозможность сколько-нибудь широкого технического прогресса в условиях рабства приводили к хозяйственному застою; 2) рабство разоряло мелких свободных производителей, превращая их в деклассированную массу люмпенпролетариев, и в то же время создавало паразитарную психологию свободного населения, делало невозможным применение свободного труда в сколько-нибудь широких размерах.

Стало быть, для того, чтобы античный способ производства мог восторжествовать, требовались особые „исторические условия", которые не обязательно должны быть в известный момент истории общества налицо везде и всюду.

Если античное общество покоится на рабском способе производства как господствующем, то отсюда неизбежны и другие следствия. Античное государство есть государство рабовладельцев для подчинения рабов. Классовый рабовладельческий характер античного государства решает вопрос и об основном антагонизме античного общества.

Наконец, особым положением и значением рабов в античном рабовладельческом обществе характеристика этого общества не исчерпывается. Мы здесь имеем особую „античную общинную и государственную собственность", которая противополагается и вступает в конфликт с частной индивидуальной парцелярной собственностью. Можно отметить и многие другие специфические особенности этого общества. Оно живет и умирает на особых основаниях, в своем развитии имеет особую закономерность, совсем не обязательную для каждого общества. Древний мир—это, по выражению Энгельса, „узкая культурная полоса вдоль побережья Средиземного моря, которая спорадически вытягивала ветви во внутренность материка до атлантического побережья Испании, Франции и Англии"

Феодализм строится на ином способе производства и характеризуется иными отношениями людей в процессе производства. Одним из специфических признаков феодализма являются индивидуальная собственность и ее иерархическое расчленение.

Сущность феодализма как общественной формации заключается в том, что основой феодального способа производства является сельскохозяйственное производство, не исключающее, однако, ремесленного и мануфактурного труда; общественные отношения выражаются в форме господства и подчинения, вырастающих на почве присвоения крупными земельными собственниками, монополизирующими право на землю, труда непосредственных производителей, владеющих всеми условиями производства и воспроизводства, кроме земли. В силу этого последнего обстоятельства, затрудняющего присвоение труда непосредственных производителей, класс феодалов—земельных монополистов прибегает не только к экономическому, но главным образом к внеэкономическому принуждению, т. е. к открытому насилию. Внеэкономическое принуждение и личная зависимость непосредственного производителя от владельца земли являются господствующей формой общественных отношений настолько, что и экономическое принуждение здесь облекается в эти специфически феодальные формы. Выражением феодальной формы производственных отношений является докапиталистическая земельная рента, отработочная, натуральная и, наконец, денежная.

Феодальное общество—общество антагонистическое, но этот антагонизм не тот, что мы видели в рабовладельческом обществе: на одном полюсе феодального общества мы имеем землевладельцев („господ", „сюзеренов"), они же часто и рабовладельцы, на другом—ленно-зависимых крестьян.

Это два основных класса феодального общества. Двухклассовое феодальное общество не исключает, однако, наличия внутри класса феодалов целой лестницы феодальной зависимости, основанной на величине земельного владения и количестве вассалов. Феодальное государство есть власть землевладельцев ради господства над крепостными крестьянами. Вопрос о воспроизводстве рабочей силы в феодальном обществе разрешается тем, что непосредственный произво-

дитель является собственником условий производства и воспроизводства. Острота этой проблемы для феодального общества, таким образом, естественно снимается. Феодальное общество прогрессивнее античного по возможностям, в нем заложенным.

После этих необходимых оговорок и теоретических предпосылок мы можем перейти к исследованию конкретного материала, оставленного нам древней Русью.

Считаю необходимым подчеркнуть свои исходные положения, часть которых была рассмотрена выше:

1. Славянство, основная этническая среда, в которой придется нам производить свои наблюдения заняло определенную территорию в Европе не вдруг Оно само явилось в итоге длительного этногонического процесса, в результате скрещивания различных племен и культур.

2. В тот момент, когда мы получаем возможность его изучать по нашим письменным памятникам, родовые патриархальные отношения уцелели лишь в виде отдельных пережитков; в момент сложения норм древнейшей „Русской Правды“ родовой строй в основном был изжит.

3. Это замечание не относится, однако, ко всему огромному пространству Восточной Европы, занятому славянами, в одинаковой мере. Отдельные славянские и неславянские племена, жившие вдали от главных культурных центров восточного славянства, изживали родовой строй гораздо медленнее.

4. „Варяжское государство“ по Волхову—Днепру—один из сравнительно поздних эпизодов в истории народов, населявших Восточную Европу.

Каждое из этих положений, конечно, требует большой и углубленной разработки, но в данный момент не останавливаясь на этих предметах столько, сколько бы они этого заслуживали, я беру эти тезисы в качестве базы дальнейшего построения.

Вопрос о системе и способах хозяйства, о преобладании тех или иных отраслей его в этот далеко уже не начальный, но все же древнейший, освещаемый письменными источниками период, как видно из сказанного выше, для нас не может быть второстепенным. А так как по этому предмету в нашей литературе имеются серьезные разногласия,

то я считаю необходимым в первую очередь разобраться в этих противоречивых мнениях. Еще писатели XVIII в никак не могли помириться на том, с чего начала древняя Русь. В то время как кн. Щербатов или Шлецер готовы были рисовать наших предков X столетия „дикарями", чуть что не бегавшими на четвереньках, находились исследователи, которым те же самые предки казались просвещенными европейцами в стиле того же XVIII в. Щербатов объявил древних жителей России прямо „кочевым народом" „Хотя в России прежде ее крещения, говорит он, —и были грады, но оные были яко пристанища, а в протчем народ, а особливо знатнейшие люди упражнялися в войне и в набегах, по большей части в полях, переходя с места на место, жил". Конечно, люди тут были, рассуждал Шлецер, „бог знает, с которых пор и откуда, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли леса"... Неправда, возражал Щербатову и Шлецеру Болтин: „руссы жили в обществе, имели города, правление, промыслы, торговлю, сообщение с соседними народами, письмо и законы".[1] Этот спор в несколько иной форме перешел и в XIX в. и дожил до XX в. В. О. Ключевский, М. В. Довнар-Запольский и Н. А. Рожков, с одной стороны, с другой — М. С. Грушевский, М. К. Любавский, Ю. В. Готье и М. Н. Покровский в XX в. еще продолжали спор о том, чем и как занимались славяне в древнейшую известную нам пору их существования, что было основной экономической базой их существования. М. С. Грушевский Ю. В. Готье, в значительной степени М. К. Любавский, и, наконец, весьма решительно М. Н. Покровский настаивали на том, что основой древнеславянского хозяйства было земледелие, между тем как В. О. Ключевский, М. В. Довнар-Запольский и Н. А. Рожков считали земледелие совсем второстепенным занятием и на первое место выдвигали охоту за пушным зверем.

Совершенно очевидно, что это проблема величайшей важности, от правильного разрешения которой зависит в значительной мере и ответ на основной вопрос, стоящий в данный момент перед нами. „Каждая форма общества

[1] М. Н. Покровский. Русская история с древн. времен, т. I. стр. 1—2 3-е изд

имеет определенную отрасль производства, преобладающую над другими, условия которой поэтому определяют место и влияние всех остальных“ [1]

С этого предмета, естественно, нам следует и начинать исследование.

IV МЕСТО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

„История нашего общества изменилась бы существенно, если бы в продолжение восьми-девяти столетий наше народное хозяйство не было историческим противоречием природе страны В XI в. масса русского населения сосредоточивалась в черноземном среднем Поднепровье, а к половине XV в. передвинулась в область верхнего Поволжья. Казалось бы, в первом крае основанием народного хозяйства должно было стать земледелие, а во втором должны были получить преобладание внешняя торговля, лесные и другие промыслы. Но внешние обстоятельства сложились так, что пока Русь сидела на днепровском черноземе, она преимущественно торговала продуктами лесных и других промыслов, и принялась усиленно пахать, когда пересела на верхневолжский суглинок. Следствием этого было то, что из обеих руководящих народнохозяйственных сил, какими были служилое землевладение и городской торговый промысел, каждая имела неестественную судьбу, не успевала развиться там, где было наиболее природных условий для ее развития, а где развивалась успешно, тем ее успехи были искусственны...“.[2] Давно уже и наша археология и историческая наука в целом начали указывать на „неестественность“ и „искусственность“ этого построения Ключевского, но тем не менее в лице многих представителей нашей науки этот предрассудок еще продолжает держаться (Довнар-Запольский, Лященко, Рожков). С особенной силой выступил с защитой этого положения Н. А. Рожков. Он сделал попытку обосновать его целым арсеналом документальных доказательств, и, конечно, это обстоятельство обязывает нас ближе присмотреться к самому предмету и к системе защиты положений, выдвинутых недавно умершим историком.

[1] Маркс. Введение к критике политической экономии, стр. 38.

[2] Ключевский. Боярская дума древней Руси, стр. 11. 1919 г., изд. 5-е.

По его мнению, земледелие в древнейшей Руси не только не господствовало, но и не было даже очень важной отраслью хозяйства

„Кий, Щек и Хорив (цитирую Рожкова)[1] по преданию, занесенному в начальную летопись, были звероловами Северяне платили дань хозарам по шкурке белки с дыма Олег, подчинив в 883 г. древлян, положил на них дань по черной кунице с дыма. По словам арабского писателя Ибн-Хардадбе, жившего во второй половине IX в., русские вывозили из своей страны меха выдры и черных лисиц, т. е продукты звероловства. В 945 г. Игорь, отпуская от себя византийских послов, заключивших с ним договор, одарил их тем, чем сам был богат, главным образом мехами. То же самое обещала дать в дар византийскому императору при своем крещении княгиня Ольга. Ей же приписывается устройство княжеских „ловищ", т. е. приспособлений для охоты на зверей в землях древлянской и новгородской, и „перевесищ", приспособлений для ловли птиц по Днепру и Десне. Древляне, осажденные Ольгой в Коростени, предлагали ей дань „скорою", т. е. мехами. По словам Святослава, одним из главнейших богатств Руси были меха".[2] Дальше тот же автор делает указания на пчеловодство и рыболовство, снабжая свои рассуждения ссылками на соответствующие места многочисленных источников. И тем не менее согласиться с такими положениями автора невозможно. Легенда о Кие, Щеке и Хориве использована Н. А. Рожковым не совсем верно. Летописец приводит три варианта сведений о них и особенно о первом из них. Сам летописец отдает предпочтение последнему варианту, по которому Кий является князем, путешествует в Византию и принимает там „велику честь... от царя". Стало быть звероловство здесь сомнительно. Платеж дани мехами, конечно, говорит только о наличии мехов и об их ценности и больше ни о чем.[3] Необходимо, наконец, пересмотреть и обычное пони-

[1] Беру „основания" у Рожкова, как у автора, более детально аргументирующего свои положения.

[2] Н. А. Рожков. Русская история, т. I, стр. 76—77.

[3] Св. Мариан, основатель монастыря в Регенсбурге (в 1075 г.), был у Киевского князя Святослава и от него, а также и от других знатных лиц, „богатейшего города Киева получил в подарок драгоценные меха

мание некоторых слишком хорошо знакомых и традиционно толкуемых мест летописи. К числу их относится и известное место под 859 г. о том, что „козари имаху на полянех и на северех и на вятичех, имаху по белей веверице от дыма“ Но не правильнее ли будет читать по беле и веверице“, где „бель“ будет серебряная монета? Тогда наше представление об этих племенах и характере их обложения представятся нам в другом свете.[1] Для решения вопроса совершенно необходимо в первую очередь обратить внимание не на предметы, которыми покоренное население облагалось в виде дани, а на единицу обложения. Это есть дым или дом, рало, плуг. Дым или дом – это, несомненно, оседлое хозяйство — очаг, двор, индивидуальное хозяйство, поскольку оно облагается как особая хозяйственная единица. Плуг или рало говорят сами за себя.

Вятичи в 964 г говорили Святославу „козаром по щьлягу от рала даем“ То же видим и несколько позднее: в 981 г. Владимир „вятичи победи и возложи на ня дань от плуга, яко же и отец его имаше“.[2] Если единицей обложения в данном обществе стало главнейшее пашенное орудие производства, то совершенно очевидно, что мы имеем дело с обществом безусловно земледельческим Эти соображения мы можем очень хорошо проверить, если сопоставим эти факты с предметами материальной культуры, постоянно находимыми в раскопках. А. Федоровский, в 1929 г. раскапывавший Донецкое городище в 7 верстах от Харькова, у с. Карачевки, на правом берегу р. Уды, встретил здесь полный ассортимент хлебных злаков (просо, рожь, ячмень, пшеницу мягкую и твердую, гречу, лен, мак), нашел жернова, зернотерку, четыре серпа. Но самое главное, на что и он в своем отчете обратил особое внимание, это то, что вся поверхность селения покрыта ямами разной глубины,

ценою в 100 футов серебра; увезя их на телегах, он благополучно вернулся вместе с купцами в Регенсбург“. Эти меха там были проданы, и на вырученные деньги сооружена монастырская крыша. Vita S. Mariani М. Э. Шайтан, Германия и Киев в XI в. Летопись занятий Пост. ист. арх комиссии, 34, стр. 22

[1] В Ипатьевской летописи под 1257 г. „Данило посла Коснятина да побереть на них (ятвагах) дань. Ехав же Коснятин, поима на них дань: черные куны и бель сребро, и вдасть ему...“

[2] Лаврентьевская летопись, под 964 и 981 гг

предназначенными для хранения зернового хлеба Таких ям ему пришлось раскопать восемьдесят, и это еще не все так как раскопки не закончены. Стенки этих ям тщательно выглажены, кой-где заметны следы лопат, кой-где видны следы глины и извести, имеются остатки березовой и сосновой коры, которой выстилались когда-то эти ямы. В целом ряде ям были обнаружены обуглившиеся зерна хлебных злаков „Русская Правда" и летопись тоже знают эти хлебные ямы Ямы эти А. Федоровский относит к древнейшему слою своих раскопок XI—XII вв. Автор пробует объяснить огромное количество этих ям тем, что ими можно было пользоваться только определенное, ограниченное время, так как в них разводились бактерии, портившие хлеб, после чего приходилось яму забрасывать и делать новую. Весьма вероятно, что догадка автора имеет за собой основание, но нельзя не сделать дополнительно и другого заключения о том, что здесь мы имеем доказательство господства сельского хозяйства в данном районе вообще и, в частности, в данном селении. Иначе нельзя объяснить заботливости об устроении этих ям и их количества. Ассортимент хлебных злаков говорит о том же [1] Что это не исключительные находки А. Федоровского, видно из археологических данных более старого периода раскопок.

В раскопках северянских курганов Самоквасов давно уже отмечал факты, вполне подтверждающие это наблюдение Федоровского и сообщения летописи. И там серпь и три сорта хлебных зерен указывают, по его мнению, на земледельческий быт северян. [2] К таким же выводам приходят и Гамченко на основании раскопок в урочище Струга и Антонович в раскопках древлянских курганов [4] Раскопки селения „Райки" (10 км от Бердичева) подтверждают то же. Эти раскопки замечательны тем, что дают нам не случайно сохранившийся вещевой материал, а полный домашний

[1] Хроника археолёгії та мистецтва, ч. 1, стр. 5 — 10. Всеукраинская Академия Наук, Киев, 1930.

[2] Самоквасов. Северянские курганы. Тр. III археол. съезда, т. I стр. 219 и др.

[3] Чтения в историч. общ. Нестора Летоп., кн. XIII

[4] Антонович. Раскопки в стране древлян. Мат. по археол. России № 11, стр. 15. СПб 1893 г

обиход населения, катастрофически погибшего в начале XIII в. Тут мы имеем полный ассортимент орудий сельского хозяйства: лемехи разных типов, серпы, косы, путы для лошадей; большое разнообразие хлебных злаков: просо, пшено, овес, рожь, мак, конопля, горох, вика, мука Большое количество цилиндрических замков говорит о том, что мы имеем дело с обществом, где весьма развит институт частной собственности с его спутниками—имущественным неравенством и специфическими преступлениями.[1] То же мы имеем, по Роси, в так называемой Княжой горе, поселении, относимом археологами к XI- XII вв Здесь найдены различные орудия производства с преобладанием сельскохозяйственных (177 предметов), среди них имеются плуги.

Исследователь Ковшаровского городища (Смоленской губ.) говорит о сельском хозяйстве здесь в XI—XIII вв совершенно определенно: „Главным занятием жителей было сельское хозяйство. Найденные в городище обуглившиеся (от пожара) зерна, главным образом ячменя (2—3 вида), меньше овса (1—2 вида) и пшеницы, мотыки с серпами и жерновами служат этому ярким подтверждением. Не найдено лишь остатков сохи, которая, несомненно, уже существовала. Возделывали и лен, отпечатки ткани из которого хорошо сохранились на обожженной глине. Несомненно были, но не сохранились и огородные растения. Были и домашние животные (лошадь, корова, овца, свинья, собака и пр.), кости которых найдены в городище".[2] Хлебные зерна, найденные в этом городище, были обследованы специалистом К. А. Флаксбергером, который пришел к заключению, что здесь возделывались главным образом яровые хлеба и больше всего ячмень, но он же подчеркивает, что отсутствие ржи среди зерен, найденных в раскопках,

[1] Сведения эти сообщены мне Л. А. Мацулевичем, за что приношу ему свою благодарность. Некоторые подробности сообщены в статье Ф. Н. Молчановского „Обработка металла на Украине в XII—XIII вв. по материалам Райковецкого городища" Проблемы истории докапитал. обществ, 1934, № 5, стр. 83—93

[2] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Науч. изв. Смол. гос. унив., т. III, вып. 3, стр. 247. Смоленск 1926 г.

не позволило ему высказаться относительно сельского хозяйства более определенно.[1]

Конечно, отсутствие точных данных о сохе и об озимых хлебах, если это не случайное отсутствие, наводит на мысль о более отсталой системе земледелия, чем в Киевщине и в Волжско-Камском районе, где сошники найдены в слоях X века, и, может быть, даже в Новгороде. Впрочем, сам А. Н. Лявданский не сомневается, что соха с железным наконечником в XI веке в Смоленщине уже известна. Приблизительно то же мы имеем и в земле радимичей, недавно подвергшейся тщательному обследованию Б. А. Рыбакова. На основании изученных им раскопочных материалов около 150 курганов он приходит к весьма определенному выводу о том, что земледелие было основным занятием радимичей, что они стремились занять наиболее плодородные черноземные части территории. Охота составляет едва заметное занятие, которое не оставило в курганных раскопках никаких следов. Дань, платимая радимичами по одной шкурке с дыма, тоже говорит о ничтожных размерах охотничьего промысла. Сторонников теории о господстве здесь охоты не спасает и факт 1150 г., обычно ими приводимый, платежа смоленскому епископу десятины лисицами, так как и в XVI в., когда относительно места земледелия в хозяйстве этого края уже нет споров, мозырский наместник продолжал собирать с населения мед и „по лисице с каждого дыма". За время X—XII вв. здесь, правда, не найдено металлических сошников; в изобилии имеются топоры, серпы, косы-горбуши. Отсюда можно было бы сделать вывод о преобладании подсечной системы, что не противоречило бы нашему представлению о радимичах и вятичах как о племенах, значительно отсталых в своем развитии по сравнению с другими славянскими племенами: красочное изображение летописцем этих лесных жителей, живущих зверинским обычаем, хорошо всем известно. Но дело в том, что работы того же Б. А. Рыбакова над археологическими материалами дреговичей, в своем развитии не далеко ушедших от радимичей, позволяют говорить более решительно о пашенном земледелии у дре-

[1] К. Флаксбергер. Хлебные зерна из Ковшаровского городища Гриневской вол., Смоленского уезда, там же, стр. 250—254.

говичей даже в IX в., если не раньше: Б. А. Рыбаков на этот раз изучал не могильники, а городища, и обнаружил сошники в слоях VIII IX в.[1]

Недавние раскопки В. И. Равдоникаса на границе новгородских владений с Карелией говорят о той же роли земледелия даже для северного района.

Все эти археологические данные вполне согласуются со сведениями Правды Ярославичей. Отправляющемуся в служебную командировку вирнику полагалось „взяти 7 ведер солоду на неделю, также овен, либо полоть или две ногате, а в среду резану, в три же сыры; в пятницу тако же. А хлеба, поскольку могут ясти, и пшена; а кур по две на день; кони 4 поставити и сути им на рот (овса), колько могут зобати.“ Дальше еще имеется разъяснение относительно продуктов для вирника и его помощников: „борошна колько могут изъясти“. Перед нами продовольственная обычная норма для командируемого сборщика податей и штрафов. С другой стороны, и отклонения от этой нормы обнаруживают то же первенствующее значение хлеба. Крайнее ограничение в пище обычно в таких случаях изображается как переход на хлеб и воду Антоний Печерский „яды хлеб сухий, и того черес день и воды в меру вкушая“ [2]

Никаких сомнений нет, что перед нами общество, производственная база которого основана прежде всего на земледелии Хлеб—основная пища людей, как овес—лошадей, причем количество этих продуктов на едоков нормируется исключительно аппетитом потребителя, что говорит об изобилии этих продуктов.

„Обилие“ в наших старых письменных памятниках обозначает прежде всего изобилие хлеба, продовольствия. „Бывши бо единою скудости в Ростовстей области, востаста два волхва от Ярославля, глаголюща, яко ве свеве, кто обилие держит“ Из дальнейшего видно, что под обилием действительно разумелся хлеб прежде всего. В духовной новгородца Климента XIII в. читаем: „Даю за все то два села с обильем и

[1] Б. А. Рыбаков. Радзимичы. Працы сэкцыи археолёгіі, т. III, Белорусск. Академия наук, Инст. истории, Менск, 1932. Также выступление 28 октября 1934 г. в заседании МОГАИМК.

[2] Ипатьевская летопись, стр. 110, изд. 1871 г.

с лошадьми и с бортью...“[1] Летописец, вкладывая в уста послов, говоривших от имени славян Рюрику и его братьям фразу „земля наша велика и обильна“, безусловно имел в виду плодородие земли и распространенность в стране земледелия. В уже цитированной выше древнейшей „Русской Правде“ мы имеем изображение княжеского хозяйства, по крайней мере настолько полное, чтобы не оставить в нас сомнения относительно земледельческой базы, на которой оно покоится. За сообщаемыми „Правдой“ деталями ясно проглядывает княжеский двор в широком понимании слова, т. е. жилые и хозяйственные постройки, княжеские слуги различных рангов и эксплоатируемое население—смерды, рядовичи, изгои и закупы (последняя категория взята из пространной „Правды“, но у нас нет никаких оснований думать, что она возникла лишь тогда, когда составлялась эта „Правда“) и обыкновенные рабы. Среди хозяйственных построек либо прямо называются, либо с очевидностью подразумеваются—клеть, конюшня, коровий двор, хлев, помещение для сена и дров. Называются следующие детали сельского хозяйства: рогатый рабочий скот (волы) и лошади, скот молочный и мясной („говядо“), овцы, свиньи, козы; из птиц—голуби, куры, утки, журавли, лебеди. Имеются некоторые данные об организации сельского хозяйства: сельский староста и ратайный староста, очевидно, наблюдатели за земледельческими работами. Упоминаются поля, разграниченные межами. Нарушение межи карается самым высоким штрафом — „А иже межу переорет... то за обиду 12 гривне“ (ст. 33) Предполагается, что кто-то заинтересован в расширен своей пашни за счет соседа, под которым в данном случае разумеется князь. Кто же мог прежде всего покуситься на чужую межу, как не мелкий землевладелец-смерд, нуждающийся в земле? О росте княжеского, боярского, церковного землевладения я предполагаю говорить ниже.[2]

[1] Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. I, стр. 118, изд. 1908 г.

[2] Отсюда, конечно, не следует, что в той же Правде Ярославичей не может быть статей, особенно вставленных позднее, касающихся предметов и не только княжеского хозяйства.

Классическое изображение смерда-земледельца в речи Владимира Мономаха на Долобском съезде (1103 г.) нам хорошо известно. Здесь смерд изображается в качестве мелкого непосредственного производителя, владеющего орудиями производства, усадьбой, инвентарем живым и мертвым и пр. Смерды—самая многочисленная группа населения Киевской и Новгородской Руси. Все они прежде всего земледельцы.

Вполне понятным делается и обращение кн. Ольги к древлянам, записанное в Лаврентьевской летописи под 946 г (небольшая беда, если летописец этот рассказ снабдил подробностями, взятыми из обихода современной ему жизни): „Вси ваши гради предашася мне и ялися по дань иделают нивы своя, и земле своя, а вы хочете измрети гладом“

Относительно голодовок у нас имеется достаточное количество сведений, из которых с совершенной ясностью вытекает, что земледелие есть основное и главное занятие деревенского населения.

„Том же лете вода бяша велика в Волхове, а снег лежа до Яковлева дня; а на осень уби мороз вершь всю (т. е хлеб) и озимице и бысть голод и церес зиму ржи осьминка по полугривне“.[1] „Стояста 2 недели полне, яко искря гуце, тепле вельми, переже жатвы; потом найде дожгь, яко не видехом ясна дни ни до зимы; и много бы уиме жит и сена не уделаша...“[2] „Том же лете стоя все лето ведром, и пригоре все жито, а на осень уби всю ярь мороз. Еще же за грехи наша не то зло оставися, но пакы на зиму ста вся зима теплом и дожгем, и гром бысть; и купляхом кадку малую по 7 кун. О велика скорбь бяше в людях и нужа“ „Той же осени найде дожгь велик и день и нощь на Госпожькин день, оли и до Никулина дни не видехом светла дни ни сена людем бяше льзе добыты, ни нив делати“.[4] „Изби мраз на Въздвиженье честного креста обилье по волости нашей, и оттоле горе уставися велико: почахом купити хлеб по 8 кун, а рожи кадь по 20 гривн, а в дворех пол 30 а пшенице по 40 гривн, а пшена по 8, а овес 13 гривн

[1] Новгородская I летопись, под 1127 г.

[2] Там же, под 1145 г.

[3] Там же, под 1161 г.

[4] Там же, под 1228 г.

И разидеся град наш и волость наша, и полни быша чюжии гради и страны братье нашей и сестр, а останок почаша мерети [1]

Никаких сомнений не остается, что неурожай есть общенародное бедствие: не только деревня страдает от него, но и городской житель вынужден терпеть „скорбь велику и нужу", если по тем или иным причинам не родился хлеб Причем необходимо обратить внимание, что эти факты, взятые из летописей, касаются Новгородской земли. Конечно, с первого взгляда может показаться, что все эти факты относятся только к XI — XII вв., что, может быть, в несколько более раннее время (IX—X вв.) дело обстояло иначе. Эти сомнения разрешают показания иностранцев и археологии, которая вполне подтверждает наши наиболее ранние письменные свидетельства. Еврейский путешественник X в. Ибн-Якуб сообщает, что „славянская земля обильна всякого рода жизненными припасами, что славяне—народ хозяйственный и занимаются земледелием усерднее, чем какой-либо другой народ". Восточные документы свидетельствуют, что славянский лен в IX в. в значительных количествах шел в Среднюю Азию через Дербент. [2] Под 997 г. в Лаврентьевской летописи помещен рассказ об осаде Белгорода. Старик советует осажденным горожанам собрать „аче и по горсти овса или пшенице или отруб", для того чтобы устроить кисельный колодезь и обмануть неприятеля. Предполагалось, что эти продукты имеются у большинства населения даже во время осады, рассчитанной на голодный измор осажденных. Маврикий Стратег, писатель VI—VII вв., сообщает, что у славян много проса и пшеницы. В IX в. не только упоминается, как говорит Рожков, рало (или плуг) у вятичей, но стало там, как мы видели, единицей обложения. В „Русской Правде" (пространной) из произведений сельского хозяйства называются пшеница, жито, горох, пшено, полба, ячмень. В „Вопрошании Кириковом" —горох, соцевица, пшеница и овощи В церковном уставе средины XI в. записано: „аще муж

[1] Там же, под 1230 г.

[2] А. Ю. Якубовский. Рассказ Ибн-ал Баби. Виз. врем., т. XXV стр. 62

иметь красти конопли или лен или всяко жито“ Араб Ибн-Русте (первая половина X в.), рассказывая о жатве у славян, дает своим рассказом понять, что земледельческие продукты были главной пищей их (особенно они любили просо, о чем говорят также Маврикий и Лев). У Льва Диакона мы встречаем известие, что император Цимисхий по договору со Святославом 971 г. дозволил Руси привозить в Грецию хлеб на продажу. Хлеб и мясо– это обычная жертва славян, по словам Константина Порфирородного, а значит, и пища и, конечно, не новая, а весьма старая, потому что жертвенный ритуал есть освященная вековыми обычаями традиция.

Вообще известные нам факты относительно дохристианской религии славян говорят о земледельческом культе по преимуществу. Солнце и земля, два главные божества во всяком земледельческом культе, имеются и у славян. Они даже считают себя „Даждь-божьими внуками“, а землю называют своей матерью. Ранняя история христианства на Руси еще раз подтверждает земледельческий характер хозяйства древних славян IX—X вв.: та синкретическая религия, которая образовалась в результате принятия христианства, не носит на себе почти никаких существенных налетов тотемизма, что для концепции Ключевского—Рожкова было бы необходимо. Христианские понятия и представления заменили собой элементы именно земледельческого культа: весна превратилась в богородицу, приезжающую на Благовещение на сохе, святые Илья, Егорий и Никола превратились в покровителей сельскохозяйственных работ и помощников земледельца. Особенно Егорий: он „жито родит“, „ярь засевает“, „горох сеет и на поле первый бог“.[1] Молиться славянин привык под „овином“[2] и т. д.

О земледелии, как хозяйственной основе жизни древнеславянского общества, говорит и славянский календарь, возникший еще в родовом строе во время господства огневой подсечной системы земледелия. Славяне делили время на отрезки, соответствующие чередованию сельскохозяй-

[1] М. Н. Никольский Ист. русск. церкви, стр. 50– 51 и др изд. 2-е.

[2] ДАИ, I, № 1.

ственных работ и определяли эти отрезки по луне. Первый месяц — месяц, когда секут деревья для сжигания, называется сечень, второй, когда срубленные деревья подсыхают, — сухой, третий, когда сожженные деревья превращаются в золу, — березозол, четвертый — травень, дальше идут — кветень, серпень, вресень (от врещи — молотить).[1] Совершенно очевидно, в какой хозяйственной обстановке вырос этот календарь.

М. С. Грушевский объясняет противоречия в показаниях византийских писателей относительно состояния у славян земледелия тем, что, по его мнению, эти писатели сталкивались со славянскими пограничными поселениями, население которых в обстановке колонизационного движения, среди постоянных опасностей, отставало от форм более культурной жизни славян, живущих вдали от византийских границ. „Источники, которые знали славян в нормальной обстановке,—говорит Грушевский,—на насиженных местах, показывают у них широко развитую земледельческую культуру, положившую свой глубокий отпечаток на весь славянский быт". „Правда,—продолжает тот же автор,—такие источники мы имеем за более позднее время—X и даже XI вв., но такое широкое развитие земледелия показывает, что мы имеем дело не с каким-нибудь новым, а очень старым культурным достижением"[2]

Решительно поддерживая точку зрения М. С. Грушевского на роль земледелия в древней Руси и допуская, что М. С. Грушевский не ошибается в объяснении этих „противоречий", я все же думаю, что можно объяснить их и иначе. Если более старые писатели говорят о славянском земледелии в очень скромных выражениях (один из них, Прокопий, даже утверждает, что „оба народа [славяне и анты. *Б. Г.*] живут в худых, порознь рассеянных хижинах и часто переселяются"), а более поздние свидетельства дают картину настоящего пашенного земледелия, — не проще ли здесь видеть прогресс в технике славянского земледелия и вытекающие отсюда вполне понятные следствия?

[1] Карамзин. История Государства Российского.

[2] Михайло Грушевський. История Украины-Руси, т. I, стр. 128 изд. друге, 1904

Итак, все имеющиеся в нашем распоряжении факты решительно противоречат утверждению Ключевского—Рожкова о том, что земледелие в древнейшей Руси не господствовало, не было даже очень важной отраслью хозяйства. Для Рожкова это явствует, как мы видели, из того, что в числе хозяйственных благ, составлявших главное богатство Руси, ни разу не называется хлеб, а упоминаются только продукты „добывающей промышленности—меха, мед и воск". Рожков прав в том, что „богатство князей, бояр и купцов состояло не в хлебе", но этот факт не служит аргументом в пользу основного утверждения автора. Хлеб стал „богатством" гораздо позднее, в момент вполне сформировавшихся феодальных отношений, уже идущих навстречу своему разложению, в конце XVIII в. и в XIX в. главным образом, но и сам Рожков не станет отрицать, что земледелие было главным занятием сельского населения и в XV—XVII вв. в Московском государстве, в то время, когда пушнина, несомненно, продолжала оставаться самым дорогим русским товаром на европейских и азиатских рынках.

Мне кажется, что в наших источниках нет оснований для того, чтобы признать основные положения Ключевского и Рожкова и их последователей доказанными. В Киевской, Новгородской и Суздальской Руси основным занятием населения было земледелие.

Пушная охота явилась в сколько-нибудь развитом виде следствием внешней торговли, причем охота эта могла стать большим промыслом только на севере, так как средняя полоса и особенно юг не могли иметь пушного зверя, способного по своей ценности конкурировать с пушниной севера.

V СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕХНИКА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Материальное производство — „основа всей общественной жизни, а потому и всей действительной истории", и если мы выделяем иногда историю материального производства в особую отрасль нашей науки, то это выделение делается исключительно ради технического удобства исследования. Исследователю в этом случае, как впрочем и всегда, не следует забывать, что исторический процесс предста-

вляет комплексное единство, где все части взаимно обусловлены; иначе его исследование неизбежно теряет всякий масштаб. История образования производительных органов общественного человека есть в то же время и история материального базиса каждой особой общественной формации „Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд“. [1]

Только в таком понимании задач специального исследования истории техники можно ожидать от этих специальных работ научных достижений, способных пролить свет на уже исчезнувшие периоды истории изучаемого общества. Нужно сказать больше: письменные источники есть исторический источник, самый поздний по времени возникновения. Ясно, что появлению письменности предшествует огромный период общественного развития, не имеющий своего отражения в письме, и если мы хотим заглянуть в это далекое прошлое, нам нужны иные пути и иные средства. Памятники материального производства и язык, заключающий в себе пережитки древнейших эпох, в этом отношении должны быть привлечены к разрешению исторических проблем и не только для времени, не освещенного письменностью, но и для более правильного и отчетливого понимания самих письменных памятников, так как нам хорошо известно, что одни и те же слова на протяжении своей длинной жизни не всегда обозначают одно и то же. Для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций останки средств труда имеют такое же значение, как останки костей для изучения организации исчезнувших животных видов. Следовательно, и в поставленной в данном случае задаче исследования техники сельского хозяйства раннего периода в историй древней Руси необходимо иметь в виду всю сложность и взаимную обусловленность единого общественно-экономического процесса, необходимо иметь в виду что, изучая сельское хозяйство и его технику в историческом развитии, мы изучаем, собственно говоря, базу общественного развития в целом. Задача, таким образом поставленная, а иначе она ставиться едва ли может,

[1] Маркс. Капитал, т. I, стр. 281, 121

приобретает колоссальное значение и делается ответственнейшей задачей для решения основных проблем исторического развития общества. Само собой разумеется, что одной постановкой вопроса, даже если она и совершенно правильна, вопрос еще не решается. Необходимо подлинное его изучение, которого, однако, у нас еще нет.

М. Н. Покровский сделал первую попытку связать эволюцию техники сельского хозяйства древней Руси с отдельными этапами в истории общественных отношений;[1] но, как мы сейчас увидим, его построения и выводы не могут считаться окончательными и иногда требуют пересмотра.

М. Н. Покровский, связывая технику сельского хозяйства с общественными отношениями, представлял себе эволюцию этой техники в трех этапах — подсека, перелог, трехполье, причем время победы трехполья он обозначал XV—XVI вв. в зависимости от района (в Новгородской земле раньше, чем в центре Московского государства). Подсека и перелог делали невозможной прочную оседлость крестьянина, трехполье ее требовало. Крестьянина прикрепило к земле и владельцу трехполье.[2] Здесь безусловно верно устанавливается принципиальная связь между техникой сельского хозяйства и общественными отношениями. Остальные положения требуют значительных поправок. Прежде всего это относится к устанавливаемому им чередованию систем сельского хозяйства. Определенное сомнение возбуждает также предлагаемая им датировка этих этапов. Наконец, необходимо указать и на то, что крестьянская крепость не механически вытекала из состояния техники в данный момент. Имею основание полагать, что сам автор этих положений не всегда думал так прямолинейно, как это может показаться с первого взгляда. В виду важности предмета позволю себе привести несколько соображений того же автора, высказанных им в других местах его произведений. В книге 1-й четырехтомника он говорит: „Что правнук русского крестьянина часто умирал очень далеко от того места, где был похоронен его прадед, — это верно, но очень поспешно было

[1] М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, вып. I, стр. 71, 74, изд. 3-е.

[2] М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. 1 и 2, стр. 41, изд. 1931 г.

бы делать отсюда вывод, что прадед и правнук при своей жизни были странствующими земледельцами, смотревшими на свою избу, как на что-то вроде гостиницы", „древняя Русь исходила из представления о крестьянине, как более или менее прочном и постоянном обитателе своей деревни. Кто хотел бродить, тот должен был спешить сниматься с места, иначе он сливался с массою окрестных жителей, которых закон рассматривал, очевидно, как оседлое, а не как кочевое население. Словом, представление о древнерусском земледельце, как о перехожем арендаторе барской земли,[1] и об оброке, как особой форме арендной платы, приходится сильно ограничить и не только потому, что странно было бы найти современную юридическую категорию в кругу отношений, так мало похожих на наши, но и потому, что оно прямо противоположно фактам. Делиться с барином продуктами своего хозяйства крестьянин, очевидно, должен был не как съемщик барской земли, а по каким-то другим основаниям. Для феодализма как всемирного явления это основание западноевропейской исторической литературой указано давно. В ней давным давно говорится о процессе феодализации поземельной собственности".[2] Тут все ясно. Крестьянин осел и обзавелся своим собственным мелким хозяйством, стало быть, техника сельского хозяйства позволила это сделать, а затем уже оседлый мелкий земледелец стал объектом эксплоатации, которая без зависимости от землевладельца, как бы мы ее ни называли, не возможна. Значит, либо это построение автора неверно, либо позднейшие его рассуждения о подсеке, перелоге и трехполье требуют пересмотра. Думаю, что второе вернее, и нам предстоит заняться именно этим предметом в первую очередь. Таким образом, мы с другой стороны, со стороны требований современной историографии, подходим к необхо-

[1] Здесь М. Н. Покровский имеет в виду мнение Ключевского о крестьянине, как о „вольном и перехожем съемщике чужой земли, свобода которого обеспечивалась правом выхода и правом ряда" (Курс, ч. 2, стр. 389, изд. 3-е).

[2] М. Н. Покровский. Русск. ист. с древн. времен, т. I, стр. 33—34, изд. 3-е. О том, что крепостничество XVI—XVII вв. возникло при условии классовой борьбы, см. его же „Марксизм и особенности исторического развития России", стр. 84.

димости исследовать настойчиво поставленный, но не всегда верно и точно разрешаемый вопрос.

В вышедшей в 1927 г. статье А. В. Арциховского „Социологическое значение эволюции земледельческих орудий“ это социологическое значение изучения эволюции орудий производства подчеркнуто тоже в основном правильно, хотя и требует дальнейшего обоснования и проверки.

К сожалению, у автора не было в руках достаточного материала для решения задачи применительно к истории России, и по необходимости ему пришлось пользоваться фактами Римской истории. Появление колесного плуга в Италии, по его мнению, делает переворот в земледелии и в свою очередь делается гранью в истории общественных отношений. Автор даже думает, что с этим моментом связано появление колоната и исчезновение рабского труда в применении к сельскому хозяйству.[1]

В вышедшей в издании ГАИМКа работе П. Н. Третьякова „Подсечное земледелие в Восточной Европе“ мы имеем первую в нашей историографии попытку подойти к разрешению этой большой проблемы применительно к России. Мне кажется, что этот опыт нужно считать удачным. По крайней мере основные выводы автора кажутся вполне убедительными. Подсечное земледелие в том виде, как его рисуют материалы, связано с переходным этапом к истории классового общества — патриархальной семейной общиной. Соха и борона, орудия нового этапа в истории сельскохозяйственного производства, вырастая в условиях подсечного земледелия, в соответствии с общим ходом развития производительных сил окончательно сложившись, в свою очередь дают начало новой форме земледелия, разрушая подсечную систему. Важнейшей предпосылкой эволюции сохи явилась возможность использования скота как тягловой силы.

Попробуем обратиться к подлинным свидетельствам нашей древности.

При скудости наших источников по этому предмету, конечно, приходится пользоваться не только прямыми свидетельствами, но и косвенными намеками, все же помогающими уяснить систему сельского хозяйства.

[1] *Труды социологической секции* РАНИОН, *стр.* 133

Прежде всего необходимо указать, что подсека в качестве способа земледелия в IX — XI вв. для некоторой и немалой части Киевщины исключается. Более длительное ее бытование было возможно лишь на севере, в Новгородской земле, и на северо-востоке, в бассейне Волги Оки

Леса на юге были выжжены и вырублены довольно рано, и, наконец, чем южнее, тем их становилось меньше, пока степь не делалась господствующей. В степях подсеки быть не может. Скифы, которые давно вдоль Днепра занимались земледелием, не выжигали леса для устроения своих пашен. Геродот об этом не преминул бы упомянуть. Их орудия производства говорят о том же. Сведения, имеющиеся у нас пока исключительно археологического характера, говорят о том, что к X в. топор в качестве главнейшего орудия подсечного земледелия сменяется сохой даже на севере. Для Киевской земли эту дату нужно отодвинуть далеко назад, быть может, к скифскому времени.

Нужно, однако, сказать, что раскопки со специальной целью изучения истории земледелия в нашей стране начали вести очень недавно, и материал, добытый археологами, еще не систематизирован. Сейчас можно говорить только о некоторых сторонах дела, пролагающих пути к решению задачи, но еще не дающих ее полного разрешения.

Несомненно, что территорию, занятую восточным славянством в Европе, необходимо разбить на пояса, различающиеся по свойствам климата, почвы и растительного покрова, и трактовать каждый из них в отдельности. Затем необходимо установить связь между системой землепользования, качеством орудий производства и общественно-экономической стадией в развитии данного общества. Необходимо помнить, что „всякое новое разделение труда имеет свои особые орудия производства". Каждая форма общества имеет определенную отрасль производства, преобладающую над другими, условия которой поэтому определяют место и влияние всех остальных.[1] Что касается средств труда, то они тоже представляют характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства.

Для наших целей прежде всего необходимо разделить территорию, занятую восточным славянством, по признаку

[1] Маркс. Введение к критике политической экономии, стр. 38, 1932 г

наличия леса. Лесной север и значительная часть центра в этом отношении представляют, естественно, одну полосу отличную от другой, южной, где леса или мало или нет совсем

Север представляет в известный период общественного развития страну подсечного земледелия, тогда как безлесный юг дает возможность на первых ступенях развития земледелия вести залежную или переложную систему.

Не нахожу нужным изображать здесь подсечную систему в целом, но считаю все-таки необходимым указать на основную экономическую основу этой системы. Для своего осуществления она требует значительных человеческих коллективов, так как она отличается большой трудоемкостью (на десятину около 45 дней, мужских и женских), во владении этого коллектива должно находиться земли минимум в 10—15 раз больше площади ежегодного посева, срок пользования участками очень не велик, 3—4 года. Эта система может обходиться без тягловой силы животного.[1] Из этого видно, что обычная крестьянская семья не может справиться с подсекой как основной системой хозяйства. Перелог при подсечном хозяйстве — это не система. Отдыхающее поле зарастает лесом и превращается снова в лядину, требующую повторения процедуры выжигания, хотя и облегченным способом Стало быть, перелог в лесных местах — не особая стадия в развитии сельскохозяйственных систем, а переход к полевому пашенному земледелию. Настоящий перелог мы можем наблюдать только в степных пространствах.

К сожалению, мы не имеем по этому предмету специальных исследований. Однако, мне кажется, мы можем понять переложную систему, по крайней мере в основных, наиболее характерных чертах, наблюдая ее у современных нам степных народов. Имею в виду в частности земледелие киргизов XIX в.

Оно описано в материалах по киргизскому землепользованию экспедицией по исследованию степных областей Тургайской области. Совершенно очевидно, что буквально переносить эти наблюдения на причерноморские степи невоз-

[1] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Изд. ГАИМК.

можно, но, безусловно, здесь мы можем найти ряд условий которые мы и должны учесть при решении нашего специального вопроса.

Вследствие обилия обширных площадей и плодородия почвы киргизу-земледельцу нет необходимости употреблять какие-нибудь сложные приемы для обработки своих пашен Одна вспашка степи часто обеспечивает урожай на несколько лет. Впервые подняв целину и посеяв на ней хлеб, хозяин распахивает ее на другой год только в том случае, если он без этой обработки не надеется получить хорошего урожая, в противном случае семена только забораниваются, и земля не трогается плугом или сохой. Таким способом часто сеется хлеб на одной и той же площади из года в год до тех пор, пока он не начинает совершенно заглушаться сорными травами.

Заброшенная залежь поднимается при первой возможности, если есть надежда получить с нее урожай, так как залежь распахать вообще легче, чем степь. Так поступает земледелец до тех пор, пока земля перестает давать хорошие урожаи. Обычно снимают подряд 5 хлебов: 1) просо или пшеница, 2) пшеница, 3) пшеница, 4) овес, 5) овес.

Пашня обрабатывается обыкновенными сабанами (купленными в земских складах в складчину), какими пашут казаки и крестьяне. Сабаны и бороны покупаются в Кустанае, Троицке, Арске и в ближайших поселках и часто приобретаются артелями хозяев, состоящими из двух, трех, редко из пяти человек. В среднем на одно сеющее хозяйство по уезду приходится по $^1/_2$ сохи и по $^1/_2$ бороны. Киргизы IV административного аула Кумакской волости говорили, что они помнят время, когда очень часто 10 хозяев складывались сообща и покупали один сабан; в настоящее время уже каждый хороший хозяин стремится завести свой собственный сабан.

В силу этого большинство пашет „супрягой", т. е. вскладчину. Два-три хозяина вместе покупают сабан и вместе пашут: кто умеет пахать –ходит за сохой, другой сеет, третий является погонщиком и т. д. Кто выставит больше быков или лошадей, тот распахивает для себя больше. Вообще каждый распахивает и засевает себе особый участок, так как „урожай зависит от счастья" При такой комбинации,

когда в артель вступает хозяин, у которого нет скота, но есть сабан, — ему выделяют одну пятую часть всего вспаханного его орудием

Супрягой может пахать только тот, кто имеет не менее 2 быков. У кого имеется только один бык, удобнее отдать его в „маин",—на весеннюю пахоту, за что можно получить $^1/_2$ десятины, засеянной просом или пшеницей.

Большинство киргизов-земледельцев (61.2% общего числа) обрабатывает свои пашни супрягой, 22.7% пашут самостоятельно, 10.9% — наймом и 5.2% — смешанно. В последнюю категорию вошли также хозяева, нанимающие пахать киргизов или русских, имеющих собственные орудия, но пашущих скотом хозяина; сюда же вошли те, кто одну часть пашни обрабатывают своим трудом или супрягой, а другую распахивают русским „исполу"

Таким образом, только последние две категории хозяев, составляющие в сумме 16.1% общего числа земледельцев, прибегают к наемной силе при обработке пашни, другие же, составляющие 83.9%, обрабатывают пашню самостоятельно или артелью.[1]

Из наблюдений над подлинной жизнью киргизов и над системой их земледелия с несомненностью вытекают следующие положения: 1) подсека здесь невозможна, 2) переложная система – единственно возможная при наличии большого количества свободной земли и при условии кочевания со стадами. Если устранить последнее условие, система земледелия должна будет измениться и превратится непременно в двухполку или трехполку.

Итак, лесной север переходит к полевому хозяйству от подсеки через особого рода своеобразный перелог, степь начинает с подлинного перелога и идет к тому же полевому пашенному земледелию.

Орудия производства при этом разные, и история их не одинакова.

На севере появляется трехзубая соха, разрыхляющая и бороздящая выжженное из-под леса поле. Дальнейшая исто-

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей Тургайской области, б. Кустанайского уезда, т. V, стр. 124—127

рия сохи заключается в уменьшении количества зубьев и в появлении лемеха. Это орудие следует связывать с новым видом земледелия—двухполкой и трехполкой, где при наличии унаваживания стали необходимы орудия, отваливающие пласты земли.

На юге история пашенного орудия проделывает свою собственную эволюцию: мотыга—рало—плуг.

Относительно тягловой силы, впрягаемой в рало, что-нибудь определенное сказать трудно; весьма вероятно, это были волы, но не исключается и лошадь. Северная соха предпочитает лошадь. Может быть, также в связи с тягловой силой стоит и разнообразие систем самого рала. Во всяком случае рало-плуг выросли совершенно в других конкретных условиях, чем соха.

Совершенно ясно, что условия подсечного земледелия не соответствовали этим новым орудиям производства, как не соответствовал родовой строй новой общественной формации. Эта новая формация, базирующаяся на мелком, крестьянского типа сельском хозяйстве, могла появиться только при условии господства индивидуального мелкого земледелия, где орудия производства и техника труда должны были находиться в полном соответствии с орудиями производства и тягловой силой прирученного животного.

Орудия обработки земли развиваются в той же закономерности.

О Киевской земле и Поднепровье говорить здесь не приходится: техника земледелия здесь, весьма вероятно, связана со скифами. Что же касается северо-запада и северо-востока, то первые железные сошники в раскопках появляются в Волго-Камском районе в эпоху формирования болгарских городов. Они известны также и в местах, являющихся периферией этого феодального образования. Все это сошники двузубых сох, хотя в Болгарах найдены также части плугов. Что касается северного и западного района, то железные лемехи появляются там также не ранее X—XI вв. В обследованных Лявданским [1] и его сотрудниками в верховьях Днепра городищах, число которых равно мно-

[1] Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научн. изв. Смоленск. гос. унив., т. III, ч. 3.

гим десяткам, если не сотням, ни разу не была сделана находка сошника, хотя найдены косы, серпы и мотыги, хотя сам Лявданский и не переставал надеяться, что они здесь будут найдены. Б. А. Рыбаков в городищах дреговичей обнаружил их в довольно раннюю пору (VIII в.).[1]

Таким путем поднимается вся техника сельского хозяйства на большую высоту; тем самым кладется основание к переустройству общественных отношений, и появляется база новой общественно-экономической формации.

Посмотрим, что говорят по этому предмету наши письменные источники.

Правда Ярославичей, изображая княжеское хозяйство, имеет в виду княжескую усадьбу с полями, устойчиво существующими. Пространная Правда называет орудия производства пашенного земледелия. Аппарат управления княжеской вотчины тоже говорит о том, что здесь мы имеем не подсеку, а настоящее полевое хозяйство.

В некоторых списках Пространной Правды имеется статья „А се уроци ротнии: от головы 30 кун, а от бортьные земли 30 кун без трею кун, такоже и от ролейные земли, а от свободы 9 кун". Под ролейной землей, являющейся в данном случае предметом спора, разрешаемого на суде путем присяги, конечно, разумеется земля пашенная.

Посмотрите, с какой осторожностью относится население к княжескому полю. Иноки Киево-Печерского монастыря вместе со своими прихожанами выбирают место для постройки каменной церкви. Собралась значительная толпа, которая ходила около „близь прилежащего" княжого поля, не рискуя, однако, на нем остановить свой выбор, хотя место было самое подходящее для их намерений. Случайно проезжавший здесь князь Святослав заинтересовался собравшейся толпой, спросил, „что творят ту", и узнав, в чем дело, очевидно неожиданно для присутствующих, потому что автор этой повести (составитель жития Феодосия Печерского) объясняет его поступок тем, что князь „яко от Бога подвижен" был, отдал свое поле монастырю под постройку церкви.

[1] Выступление в МОГАИМК 28 октября 1934 г.

Термин „поле“ в наших древних письменных памятниках имеет много значений: пашня, луг, пустое пространство земли вообще, степь и др. В каком именно смысле упомянуто поле в этом тексте, точно сказать трудно. Во всяком случае этот участок земли, лежащий близ города, имел определенные границы и представлял значительную ценность (иначе бы монахи не относились к нему так осторожно), может быть, он даже распахивался. Настоящие пашенные поля мы можем видеть в жалованной грамоте 1146—1156 гг. кн. Изяслава Мстиславича подгородному Новгородскому Юрьеву монастырю.

Граница жертвуемой монастырю земли там обозначена так: „а завод той земли от Юрьевской границы Простью вверх и с Прости возле Ушковскую ораницу по верхней стороне... От Юрьевского межника логом подле Юрьевскую рель да подле Юрьевскую ораницю логом да по конець логу промеж ораницы Юрьевской Ушкова поля да в Прость“.[1] Ушково поле, повидимому, здесь то же самое, что и Ушкова ораница, а ораница есть не что иное, как систематически вспахиваемое поле. Нельзя серьезно проводить границу и указывать на ней признаки случайные, не имеющие установившейся топографической точности.

Следует обратить внимание на тщательность, с какой проводятся и фиксируются в документах этого времени границы земельных владений вообще: „а обвод той земли от реки от Волхова Виткою ручьем вверх до Лющик, да Лющиком до кресту, а от креста до коровей прогон, а коровьим прогоном на ольху, а от ольхи на еловый куст, а от елового куста на верховье на Донцовое, а Донцовым вниз, а Донец впал в Деревяницу, а Деревяница впала в Волхов, а той земле и межа“.[2]

Если эта грамота справедливо считается подновленной, то никаких упреков нельзя сделать одновременной с ней грамоте кн. Изяслава Мстиславича, где мы видим не менее подробные указания на границы жертвуемой мо-

[1] Грамота кн. Изяслава Мстиславича 1148 г. Изв. Академии Наук по отд. русск. яз. и слов., т. VIII, стр. 354.

[2] Купчая Антония Римлянина, до 1147 г. Хрестоматия Владимирского-Буданова, вып. I

настырю земли;[1] грамота князя Всеволода, несколько более ранняя, имеет те же особенности.[2]

С полной отчетливостью о межах между пашенными участками говорит „Правда Ярославичей“: „А иже межу переореть любо перетес, то за обиду 12 гривне“ (ст. 33). В Пространной Правде эта статья расшифрована с еще большей ясностью: „Оже межу перетнеть бортную, или ролейную межу разореть, или дворную тыном перетынить, то 12 гривен продажи“ (ст. 83) Здесь мы имеем различные виды частной собственности, разграничиваемой межами: бортный участок леса, участок пашенной земли, дворовый участок. Очень интересна терминология правонарушений по отношению к различным объектам: бортную межу можно „перетнуть“, ролейную „разорать“, дворную „перетынить“. Не буду останавливаться на смысле этого разнообразия и точности в терминах, а хочу лишь еще раз подчеркнуть, что важнейший документ первой половины XI в., один из наиболее ранних поставивших своей задачей обобщить ряд общественных отношений, совершенно точно и определенно указывает на наличие пашенных полей, принадлежащих отдельным владельцам, разграниченных межами, за нарушение которых взыскивается самый высокий штраф после убийства. Выше приведенные факты жалованных и купчих грамот находят себе подтверждение обобщающего характера. Участки с установившимися межами, к тому же рассматриваемые параллельно с дворами, едва ли могут быть участками выжженного под пашню леса.

„Орать“ в только что цитированных документах, повидимому, обозначало вспахивать землю не в смысле простого разрыхления земли после сожжения на ней леса. Как будто мы имеем в этом смысле довольно точное разъяснение этого термина в Лаврентьевской летописи. Древнерусский проповедник, желая прославить в. кн. Владимира Св., так представляет нам процесс подготовки земли: „яко некто землю разорит взореть, другый же разорить смягчить, иный же сееть, а иные пожинають и ядять пищу неоскудную. Отец бо сего Владимир землю разори разора и умягчи, рекше крещением просвети, сей же насея книжными словесы вер-

[1] Изв. Академии Наук по отд. русск. яз. и слов., т. VIII, стр. 354.
[2] Там же.

ных людей, а мы пожинающе учение приемлюще приемлем книжное". [1] О сожигании леса ни звука.

То же имеем и в проповеди Кирилла, епископа Туровского (XII в.). Он рисует картину пахоты, несомненно с натуры: „ныне ратаи слова, словесныя оуньця к духовному ярьму проводяще и крестное рало в мыслех браздах погружающе и бразду покаяния прочертающе, семя духовное всыплюще, надеждими будущих благ веселится". [2] Здесь тоже полное отрицание подсеки. Не видим мы ее и в известном описании битвы в Слове о полку Игореве, где битва нарисована в земледельческих образах. В прославлении кн. Владимира совершенно отчетливо различаются, даже нарочито подчеркиваются, два момента обработки поля — вспашка и бороньба, две стадии в подготовке земли к посеву, что гораздо более характерно для пашенного земледелия, чем для подсеки. Поэтому более осторожным будет в вышеприведенных документах трактовать и термины „поле" и „ораница" тоже в смысле пашенного земледелия, а не подсечного. Смерд в знаменитой речи Владимира Мономаха имеет небольшой индивидуальный участок земли, который он и обрабатывает своей лошадью: „Дивно мы, дружино, оже лошади кто жалуеть, ею же ореть кто, а сего чему не рассмотрите, оже начнеть смерд орати..." „Не веремя ныне погубити смерды от рольи... хощеть погубити смерды и ролью смердом... оже на весну начнеть смерд тот орати лошадью тою...". Это тоже не подсека.

Во вкладной грамоте Варлаама Хутынского конца XII в. упоминаются различные виды земельных хозяйственно-эксплоатируемых угодий. „Се вдале Варлааме святому Спасу землю и огород, и ловища рыбная и гоголиная, и пожни... Се другое село на Свудици... вдале св. Спасу и ниви и пожни и ловища и еже в немь..." [3] Очевидно, оба села находились по технике ведения в них хозяйства в одинаковом положении, но в перечне их деталей допущено некоторое разнообразие терминологии: то, что во второй деревне называется нивой, в первой именуется землей, но, несомненно,

[1] Лаврентьевская летопись, 1037 г.

[2] Рукописи А. С. Уварова, т. II. Памятники словесности. Сочинения Кирилла Туровского, стр. 21. СПб., 1858.

[3] Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. I

и в том и в другом случае разумеется постоянно возделываемое поле.

Епископ Владимирский Серапион в одной из своих проповедей, желая изобразить ужасы татарского нашествия и связанного с ним опустошения страны, между прочим говорит: „села наши лядиною поростоша". Стало быть, до татарского погрома здесь были настоящие пашенные поля Лядина—это бедствие, итог татарского разорения

Приблизительно то же мы имеем и для более раннего времени: в 1093 г. после войны, „нивы поростоше, зверем жилища быша"

Между письменными памятниками и вещественными по этому вопросу нет принципиального расхождения. С IX—X вв мы можем смело говорить о победе пашенного земледелия даже в центральных частях территории, занятой восточным славянством. Среднее и южное Поднепровье, как мы это видели, знало его еще раньше. Это, конечно, совсем не значит, что предшествовавшие архаические формы земледелия были окончательно изжиты. Старые пережитки мы можем встретить в разных местах и в XVI и XVII вв., даже в XX в. Но основная магистраль сельского хозяйства идет по новому, проложенному сохой и плугом, пути, конечно, с учетом различий северных и южных районов.

VI. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КИЕВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Переходя к изучению истории общественных отношений древней Руси, мы должны еще раз напомнить, что здесь мы будем иметь дело, главным образом, с обществом, живущим по великому водному пути и что письменные памятники, подлежащие нашему исследованию, вводят нас не в начальный момент истории изучаемого общества, а ставят нас перед общественными явлениями, имеющими за собой очень длительную историю. Древнейший памятник „Русская Правда", дошедший до нас в записи начала XI в., носит на себе следы более глубокой древности, но и эта древность весьма относительна. До внесения „Русской Правды" в Новгородскую летопись под 1016 г. мы, как уже указывалось выше, имеем следы существования „закона русского", несомненно совпадающего, по крайней мере в некоторых частях, с „Русской Правдой" В ней мы видим,

строго говоря, рабовладельцев, челядь, рабов и свободных, повидимому равноправных общинников (соседская община). Добавочный перечень всех общественных группировок: русин, гридин, купчина, ябетник, мечник, изгой и словенин повидимому является той вставкой, которая была сделана Ярославом в 1016 г., когда он напутствовал „Правдой" возвращающихся из Киева новгородцев, помогших ему овладеть Киевским столом, всем им обещал право на 40-гривенную виру. Если мы попробуем разобраться в этих терминах, хотя и весьма спорных по существу, то придем к более или менее вероятным выводам о существовании варягов и варяжской дружины, которая, как нам известно из договоров с греками и летописи, быстро и тесно связывалась с местным верхушечным слоем славянского общества; несомненно также существование купцов и так называемых свободных общинников, по терминологии „Салической Правды" „vicini". И не случайно, мне кажется, вписаны в этот перечень изгой и словенин. Очень похоже на то, что они специально сюда вставлены: после перечня пяти категорий названных здесь общественных групп, поставленных рядом без всяких оговорок, идет „аще изгой будет либо словенин".

Об изгое речь будет ниже. Что касается словенина, то расшифровать этот термин очень нелегко. Несомненно, кроме национального признака, ему присущи и социальные черты. Иначе трудно понять вообще весь перечень и в частности сопоставление словенина с изгоем. Не разумеется ли под словенином представитель массы, населяющей деревню, т. е. смерд, член соседской общины, соответствующий vicinus „Салической правды"? Необходимо подчеркнуть, что и изгой и словенин относительно виры предполагаются равноправными с первыми пятью категориями, так как и на них распространяется 40-гривенная вира. Бросается в глаза факт, что дополнительный перечень представителей общественных группировок взят из общества, по своей конституции более сложного, чем примитивный строй древнейшей „Правды". Не хотел ли Ярослав этой вставкой, где декларировалась вира, равная для варяга и славянина, дружинника и изгоя, смягчить ту национально-классовую рознь, которая так ярко проявилась в бурных событиях 1015 г. в Новгороде?

Далее мы видим в этой „Правде“ „мужей“, вооруженных, драчливых и способных платить за побои, раны и личные оскорбления, владеющих имуществом, которое можно купить и продать. Имеем признак неравенства материального положения—долги. Имеем рабов, которые убегают, которых разными способами разыскивают и возвращают их господам, которые иногда дерзают „ударить свободна мужа“ с риском быть убитыми в случае обнаружения их преступления. Наконец знаем „челядь“, в состав которой могут входить не только рабы.

Вся эта „Правда“ очень архаистична, но родового строя и здесь уже нет Единственно, что напоминает о нем,– это родовая месть, которая, однако, явно отмирает. Мстить, повидимому, не обязательно. Место мести занимает альтернативно вира с тем, чтобы в середине XI в. вытеснить ее окончательно.

Повторяю — это все только более или менее правдоподобные предположения, основанные на том, что говорит „Правда“, но мы должны учитывать и ее молчание, которое иногда, повидимому, и удается понять путем привлечения к ее толкованию летописи вообще и помещенных в ней договоров с греками, в частности.

Попробуем детальнее разобраться в этих общественных отношениях, изучая их в их развитии.

1. Землевладение и землевладельцы

Уже в договоре 907 г. с греками мы имеем указания на наличность какого-то иного, чем родовой, строя. „Заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключ и потом даяти уклады на Рускыа грады: первое на Киев, таже на Чернигов, на Переаславль, на Полтеск, на Ростов, на Любеч и на прочаа городы, по тем бо городом седяху велиции князи, под Ольгом суще“. В следующем договоре 911 г. к этому тексту мы имеем существенные дополнения. Представителями русской стороны в этом договоре посланы были „от Ольга, великого князя руского, и от всех, иже суть под рукою его светлых бояр“... „похотеньем наших князь и по повелению и от всех, иже суть под рукою его сущих Руси“. В летописи перед этим договором сказано,

что Олег послал „мужи свои построити мира и положити ряд межю Русью и Грекы". Такое же предисловие помещает летописец и перед договором 945 г. „Посла Игорь муже своя к Роману, Роман же созва боляре и сановники; приведоша Русския слы и велеша глаголати и псати обоих речи на харатье". [1]

Договор 945 г. дает еще несколько дополнительных данных. Русские послы и гости (сълы и гостье) на этот раз оказываются отправленными „от Игоря, великого князя русского, и ото всякоя княжья и от всех людей Руския земли". „И великий князь наш Игорь и бояре его и людье вси рустии послаша ны к Роману... створити любовь с самеми цари, со всем болярством и со всеми людьми греческими на вся лета, дондеже съяет солнце и весь мир стоит"... „А великий князь руский и боляре его да посылают в Греки к великим царем греческим корабли, елико хотят, со слы и с гостьми..." И дальше читаем: „ношаху сли печати злати, а гостье серебрени". Гостям по договору полагается от греков получать „месячное", послам — „слебное" в порядке иерархии городов: Киева, потом Чернигова, Переяславля и др.

В посольстве древлян к Ольге упоминаются, хотя и несколько позднее, лучшие и нарочитые мужи: „и послаша древляне лучшие мужи, числом двадесять в лодьи к Ользе", и в другом посольстве: „древляне избраша лучшие мужи, иже держаху Деревску землю и послаша по ню". Ольга, обращаясь к древлянам, говорит: „...Пришлите мужа нарочита". [2]

Кто эти светлые князья, бояре и лучшие люди? Это не родовые старшины, потому что рода, как такового, в договорах с греками вообще не видно за исключением, быть может, отдельных намеков на некоторые его пережитки. Наши древнейшие источники знают моногамную семью, явный признак разрушения родовых отношений. Нам также известно, что род дальше племени не пошел, что союз племен обозначает распад родовых отношений, и нельзя не согласиться со старым замечанием Ключевского о том, что

[1] Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, под годами 907, 912 и 945

[2] Лаврентьевская летопись, под 945 г

„Повесть временных лет“ не запомнила ни одного племенного князя, который в IX в. руководил бы целым племенем, что большинство этих княжений составилось из частей разных племен. [1] Стало быть, мы имеем здесь не родовую, а государственную организацию. Вполне понятными поэтому должны быть и те факты, которые дают нам договоры с греками. Здесь мы имеем частное имущество, которым его собственник в праве распоряжаться и, между прочим, передавать его по завещанию: собственник может „урядить свое имение“, что полностью подтверждается и „Русской Правдой“. На „закон русский“, вошедший в древнейший текст „Русской Правды“ ссылается договор 911 г. (ст. 5): „Аще ли ударит мечем или бьет кацем-либо сосудом... да вдаст 5 литр серебра по закону русскому“ (Ср. „Русская Правда“, Акад. сп., ст. 3). О крупных переменах в общественном строе изучаемого нами общества говорят также и очень интересные наблюдения археологов над историей форм поселений. М. И. Артамонов указывает на то, что IX в. для лесной полосы севера (те же процессы на юге наблюдаются значительно раньше) замечателен тем, что тип небольших укрепленных поселений, „городищ“ (места поселений рода или большой семьи), исчезает. Взамен его появляются неукрепленные селения, деревни, и вместе с тем мы в это время наблюдаем появление того, что можно назвать городом или замком. Это сочетание неукрепленных поселений и укрепленных отдельных дворов-замков весьма характерно для данного момента.

Эти светлые князья и бояре, которых летописец называет княжими мужами,—не родовые старшины, а представители определенного класса древнерусского общества То же надо сказать и о древлянских „лучших мужах“

В том же смысле надо понимать и различение в договоре Игоря 945 г. послов и гостей. Из вышеприведенного текста ясно, что послы имеют преимущества перед гостями: у послов печати золотые, у гостей серебряные; послам полагается особое продовольствие „слебное“, гостям „месячина“. Если мы не затрудняемся расшифровать термин „гость“, полагая, что тут разумеются купцы, то кого мы

[1] В. О. Ключевский. Боярская дума, стр. 23. Изд. 5-е.

должны понимать под этими послами, стоящими выше купцов? Повидимому это бояре. Всех этих бояр и „лучших мужей“ выделяло из массы богатство и связанная с ним власть.

Бояре нашей древности состоят из двух слоев. Это наиболее богатые люди, называемые частью людьми „лучшими, нарочитыми, старейшими“, продукт общественной эволюции каждого данного места, туземная знать и высшие члены княжеского двора, часть которых может быть пришлого (вместе с варяжскими князьями) происхождения. Терминология наших летописей иногда различает эти два слоя знати: „бояре“ и „старци“. „Старци“, или иначе „старейшие“,—это и есть так называемые земские бояре. Летописец переводит латинский термин „Senatores terrae“—„старци и жители земли“ (Nobilis in portis vir ejus, guando sederit cum senatoribus terrae—взорен бывает во вратех муж ее, внегда аще сядеть на сонмищи с старци и с жители земли). По возвращении посланных для ознакомления с разными религиями Владимир созвал „боляри своя и старци“. „Никакого не может быть сомнения, — пишет по этому поводу Владимирский-Буданов, — что восточные славяне издревле (независимо от пришлых княжеских дворян) имели среди себя такой же класс лучших людей, который у западных славян именуется majores natu, seniores, кметы и др. термины“. [1] Эти земские бояре отличаются от бояр княжеских. Владимир I созывал на пиры „боляр своих, посадников и старейшин по всем городам“, [2] в своем киевском дворце он угощал „бояр, гридей, сотских, десятских и нарочитых мужей“. Арабы Ибн-Русте и Гардизи сообщают, что варяги обосновались в Новгороде (Holmgard) и отсюда облагают данью славян; многие из славян поступают к „этой Руси“ на службу. В Новгороде особенно ясно бросается в глаза наличие этих земских бояр. Когда в Новгороде при кн. Ярославе новгородцы в 1015 г. перебили варяжских дружинников, князь отомстил им избиением их „нарочитых мужей“, [3] составлявших

[1] Владимирский-Буданов. Обзор ист. русск. права, стр. 27, изд. 1907 г.

[2] Лаврентьевская летопись, под 996 г., стр. 122—123.

[3] Новгородская летопись, под 1015—1016 гг.

здесь „тысячу“, т. е. новгородскую военную, не варяжскую организацию. В 1018 г., побежденный Болеславом польским Святополком, Ярослав прибежал в Новгород и хотел бежать за море; новгородцы не пустили его и заявили, что готовы биться с Болеславом и Святополком, и „начаша скот сбирать от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен“. Совершенно очевидно, что новгородское вече обложило этим сбором не княжеских дружинников, которых в данный момент у Ярослава и не было, потому что он прибежал в Новгород только с 4 мужами, а местное население и в том числе бояр.

В чем заключалась сила бояр, на чем базировалась их власть, совершенно отчетливо видно хотя бы из только что цитированного места Лаврентьевской летописи: бояре самый богатый слой населения. В IX и в X вв. их выделяло из массы тоже богатство.

Поскольку мы уже отметили два слоя боярства, неодинаковые по своему происхождению, естественно вполне допустить и разность их материальной базы в начальный период их существования на территории Киевского государства. Если норманны вследствие примитивности организации своего завоевания некоторое время пользовались ленами, составлявшимися „только из жалованья“, то говорить то же о туземной не варяжской знати, выросшей в земледельческом обществе в процессе разложения земельной сельской общины и появления частной собственности на землю, решительно невозможно, несмотря даже на то, что у нас нет никаких точных сведений об этом предмете.

М. Н. Покровский давно уже высказал свое мнение о том, что богатство этих бояр заключалось в земле.[1] Не опровергает этого предположения и тот известный нам факт, что князья и бояре древней Руси в X — XI вв. имели много золота, серебра, дорогих мехов и тканей, получаемых ими не от сельского хозяйства, а попадающих к ним либо в качестве военной добычи, либо путем торговли в обмен не на произведения сельского хозяйства, а на продукты пушной охоты и бортничества прежде всего. Это—факты, хорошо всем

[1] М. Н. Покровский. Очерки по истории русской культуры, т. I, стр. 62.

известные. Если только летописец несколько не преувеличивает, то можно даже удивляться размерам этих сокровищ. Под 1158 г., например, мы имеем следующую запись: „Сий бо Ярополк вда всю жизнь свою, Небольскую волость и Деревьскую и Лучьскую и около Киева: Глеб же вда в животе своем с княгинею 600 гривен серебра, а 50 гривен золота; а по княжи животе княгини вда 100 гривен серебра, а 50 гривен золота; а по своем животе вда княгини 5 сел и с челядью и все да и до повоя“. [1]

Размеры находимых древнерусских кладов как будто подтверждают эти сообщения летописи.

И тем не менее все эти факты объясняются очень просто тем, что территория, занятая восточным славянством, рано стала ареной деятельности торгового капитала, как стран азиатского Востока, так и германского Севера и греческого Юга. Но денежное и товарное обращение может обслуживать сферы производства самых разнообразных организаций, которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительной стоимости, „и часто самостоятельное и преобладающее развитие капитала в форме купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т. е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества“ [2]

Торговля первых самостоятельных, пышно развивавшихся торговых городов и торговых народов, как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников. Эти общества, становящиеся объектом воздействия чуждого им торгового капитала, иногда обнаруживают большую устойчивость своих производственных отношений. Нет поэтому никаких оснований из вышеприведенных фактов делать вывод, к какому, например, приходит Довнар-Запольский, утверждая, что основой богатства господствующих классов

[1] Ипатьевская летопись, стр. 338, изд. 1871 г.

[2] Капитал, т. III, стр. 252—253.

в этот период истории Киевской Руси были движимые ценности, а не земля.

Нам надлежит сейчас проверить наши наблюдения о землевладельческой базе господствующих классов древней Руси, так как эта сторона дела имеет для нас чрезвычайное, решающее значение. Вот факты.

Ольге принадлежало село Ольжичи („и есть село ее Ольжичи доселе“).[1] Вышгород был городом (замком) кн. Ольги.[2] У матери Владимира I, ключницы княгини Ольги, Малуши, было тоже село Будятино.[3] У Рогнеды был город Изяславль. Берестово было подгородным княжеским селом у Владимира. Под Новгородом уже в конце X и нач. XI в. было княжое село Ракома, куда ездил кн. Ярослав в ту ночь, когда новгородцы избили варягов на Парамони дворе. Это все факты, случайно дошедшие до нас от X в. Обольщать себя уверенностью, что эти факты подлинно относятся к тому времени, к какому приурочил их летописец, конечно, не приходится. Но, с другой стороны, это факты такого рода, искажать которые для летописца не было никакого смысла, и потому, мне кажется, мы можем принять их, если не в качестве подлинных, то во всяком случае таких, невероятность которых требует специального доказательства.

Фактический материал XI—XII вв. значительно богаче. В 1087 г. по поводу смерти Ярополка Изяславича летопись говорит: „Ярополк десятину дал от всих скот своих святой богородицы и от жита“ [4]

Кн. Мстислав в 1096 г., считая войну законченной, „распусти дружину по селом“ [5]

Владимир Мономах проявлял большую заботливость о хозяйстве в селах, как видно из его поучения. „Куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости деяти отроком, ни своим, ни чужим, ни в селех, ни в житех, да не кляти вас начнуть“.[6] В житии св. Ефросинии называется

[1] Лаврентьевская летопись, под 947 г.

[2] Лаврентьевская летопись, под 946 г.

[3] Добряков. Русская женщина в домонгольский период, стр. 33, СПб., 1864. А. А. Шахматов. Разыскания, стр. 377

[4] Ипатьевская летопись, под 1087 г.

[5] Лаврентьевская летопись, стр. 230, изд. 1910 г

[6] Там же, стр. 237

в 1128 г. княжеское село около Полоцка, в 1146 г. упоминаются княжеские села в земле северян,[1] в 1150 г. —в Смоленском княжестве.[2] Любеч и Чернигов были окружены в XII в. княжескими селами,[3] у Андрея Боголюбского в Ростовско-Суздальской земле был город Боголюбов и много „слобод купленных и сел лепших". В том же XII в. неоднократно встречаются известия о разорении сел боярских.[4] До 1147 г. Смехно и Прохно, дети посадника Ивана, продали свою землю Антонию Римлянину.[5]

В 1171 г. Владимир Мстиславич, хитростью овладевший Дорогобужем по смерти Владимира Андреевича, говорил своей дружине: „целую к вам крест и к княгини вашей, якоже ми на вас не позрети лихом ни на ятровь свою, ни на села ее".[6] А в 1150 г. кн. Изяслав в обращении к своей дружине говорит о владении дружинниками землей, как о явлении обычном, само собою разумеющемся: „вы есте по мне из Рускые земли вышли, своих сел и своих жизней лишився". Здесь дружинник мыслится именно в качестве землевладельца.[7]

Под 1177 г. сообщается, что в Суздальской земле сожжены „села боярские"[8] В 1146 г. киевляне „разграбиша... домы дружины Игоревы и Всеволоже и села и скоты".[9] В Уставе кн. Святослава Новгородскому Софийскому дому около 1137 г. княжеское крупное землевладение в Обонежской пятине изображено совершенно отчетливо. Нужно, конечно, думать, что это землевладение создано было не в XII в., а значительно раньше.[10] Больше чем вероятно, что новгородские князья этого периода (до революционных событий 1136 г.) владели землей и в других пятинах.

В 1209 г. новгородцы сотворили вече на посадника Дмитра и на его братью, а после этого зажгли их дворы,

[1] Голубинский. История русской церкви, т. I, вып. 1, стр. 522, прим
[2] Голубовский. История Северской земли, стр. 28.
[3] ДАИ, I, № 4.
[4] Ипатьевская летопись, стр. 24, 26, 54.
[5] Владимирский-Буданов. Хрестоматия, в. I, стр. 117. Изд. 1889 г
[6] Ипатьевская летопись, под 1171 г.
[7] Там же, под 1150 г.
[8] Новгородская I летопись.
[9] Ипатьевская летопись, 1146.
[10] Русь достопам. М., 1815, т. I, стр. 82—83.

„а села их распродаша и челядь“ [1] Конечно, не сам боярин Дмитр, убитый в 1209 г., и даже не его отец приобретал и освоял эти села. Перед нами наследственное имущество старого боярского рода.

Москва, упоминаемая в летописи впервые под 1147 г в то время была селом, принадлежавшим кн. Юрию Владимировичу Долгорукому, где у него стоял укрепленный двор -замок. В этом году он приглашал к себе в гости „в Москву“ своего союзника, северского князя Святослава Ольговича, куда последний и прибыл с небольшой дружиной и своим малолетним сыном. Юрий устроил здесь для своего гостя „обед силен“ и одарил гостей дарами. [2] Само собой разумеется, что место, выбранное Юрием для приема своего союзника, должно было иметь ряд необходимых для этого условий и прежде всего должно было представлять собой значительное селение, снабженное для приема многочисленных гостей всем необходимым. Едва ли можно сомневаться, что Москва и была именно таким селением.

У Юрьева гостя Святослава Ольговича на Путивле, повидимому, было такое же село, о котором случайно мы имеем некоторые сведения: во время нападения на него в 1146 г. неприятель забрал многое множество всякого товару:

„И ту двор Святославль разделили на 4 части: и скотнице и бретьянице и товар, иже бе не мочно двигнути, и в погребех было 500 берковьсков меду и вина 80 корчаг и церковь св. Вознесения всю облупиша, сосуды серебряные и индитьбе и платы служебныя, а все шито золотом и кадельнице две и кацьи, евангелие ковано и книгы и колоколы; и не оставиша ничтоже княжа, но все разделиша и челяди 7 сот“. [3]

„Добре устроенный“ двор кн. Игоря, брата Святослава, довольно подробно изображается в той же летописи: „поидоста на Игорево село, идеже бяше устроил двор добре; бе же ту готовизнины много и в бретьяницех и в погребах вина и медове и, что тяжкого товара всякого до железа и до меди, не тягли бяхуть от множества всего

[1] Забелин. История Москвы, ч. I, стр. 1—2

[2] Ипатьевская летопись, стр. 236, изд. 1881 г

[3] Там же, стр. 237

того вывозити. Давыдовича же повелеста имати на возы собе и воем и потом повелеста зажечи двор и церковь св. Георгия и гумно его, в нем же бе стогов 9 сот". Эти дворы, конечно, возникли не в начале XII века, а значительно раньше.[1]

Церковь с момента своей организации на Руси начинает владеть недвижимым имуществом. Киево-Печерский монастырь в XI в. владеет селами. В житии Феодосия Печерского мы имеем, однако, факты, говорящие не только о том, что сел этих было немало, но и о том также, что села эти эксплоатировались, что там для этого сидела монастырская администрация. Феодосий перед своей смертью собрал всю братью, „и еже в селах и на иную кую потребу отшли" и стал их наставлять, „еже пребывати комуждо в порученной ему службе со всяким прилежанием".[2] Служба в селах, стало быть, обычное дело для братии Печерского монастыря в XI в. Значит, там велось сельское хозяйство, хотя собственное барское хозяйство в размерах весьма небольших. Села Печерского монастыря были не бедные. Одно из сел привлекло внимание разбойников. Почему тем не менее монахи этого монастыря доходили иногда до бедственного положения и буквально не знали, что им придется есть, разгадать довольно трудно. Всего вероятнее допустить, что автор жития Феодосия сообщает факты, взятые из того времени, когда монастырь был еще беден. Может быть также, что автор жития нашел для себя полезным несколько сгустить краски относительно бедности монастыря при жизни Феодосия.

Села в качестве базы существования феодалов в XI в. настолько были обычным явлением, настолько ценились землевладельцами, что лишение их приравнивалось, как мы уже видели, к потере источника жизни, иногда это бедствие сравнивается с бедствием потери любимых детей. Феодосий выразил эту мысль совершенно отчетливо: когда ему грозило заточение, он был совершенно спокоен и мотивировал свое состояние духа тем, что у него нет сильных привязанностей в мире („еда ли детей отлучение или сел опечалует мя").

[1] Ипатьевская летопись, стр. 236, изд. 1881 г.

[2] Киево-Печерский патерик, 1911 г., стр. 52—53. Изд. Арх. ком.

В рассказе о Печерском монастыре говорится о пожаловании монастырю князем Изяславом горы в то время, когда села у монастыря уже были; находим также известие о даче боярином Ефремом сел в монастырь.

Итак, для XI в. мы имеем сведения о церковном землевладении достаточно убедительные. Факты того же рода от XII в. значительно обильнее.

В 1128 –1132 гг. кн. Всеволод Владимирович пожаловал Юрьеву монастырю село „Буйце" „с данью, вирами и продажами".[1] Антоний Римлянин купил „в дом Пречистой" землю за 100 рублей.[2] Смоленский князь Ростислав Мстиславович дал в 1150 г. несколько сел Смоленской епископии.[3] Князь Ярополк в 1158 г. дал в монастырь волости Небльскую, Деревскую и Лучскую, а дочь его завещала туда же 5 сел с челядью.[4] Кн. Андрей Боголюбский заложил церковь во Владимире, между прочими дарами пожаловал ей „слободы купленые с даньми и села лепшая",[5] в 1192 г. Варлаам Хутынский дал „св. Спасу землю, огород, ловища и пожни".[6] В Уставе Новгородского князя Святослава 1137 г. помещен довольно большой перечень земельных владений князя, которые должны были содержать св. Софию. Ими заведует домажирич, т. е. дворецкий, управляющий княжескими имениями. В позднейшем прибавлении к этому уставу этот перечень княжеских сел еще расширен.[7] После „революции" в Новгороде 1136 г. эти земли от князя перешли к св. Софии и находились там до 1478 г., когда Московский кн. Иван III частично их отобрал на себя.

Все эти факты, число которых можно несколько и умножить, говорят с несомненностью о том, что князья, бояре, церковь, т. е. вся правящая верхушка славянского и неславянского общества, объединенного в X—XI вв. под гегемонией Киева, была связана с землей. Землевладение выдвигало эту верхушку из массы, оно же давало возможность

[1] ДАИ, I, № 2.
[2] Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. I, стр. 113.
[3] ДАИ, I, № 4.
[4] Ипатьевская летопись, стр. 338, изд. 1871 г
[5] Лаврентьевская летопись, под 1158 г.
[6] ДАИ, I, № 5.
[7] Устав кн. Всеволода, Русь достопам., т. I, стр. 82—83.

и иных всяких приобретений. Дальнейший рост землевладения шел по линии укрупнения отдельных землевладельцев и увеличения их числа. В этом отношении XIII—XIV века, конечно, значительно отличаются от X—XI. Меняется также и характер хозяйства и место земли в системе этого хозяйства. Мы сейчас говорим лишь о фактах, с которыми не считаться нельзя.

Землю покупают, дарят, меняют. Она представляет несомненную ценность. И это обстоятельство нельзя забывать, несмотря на весь блеск золота, шелков, драгоценных камней и других „сокровищ", хранимых в кладовых у „сильных мира сего". В этом случае неизбежно приходят на память слова немецких послов, прибывших в 1075 г. к кн. Святославу, приведенные летописцем, правда, со специальным назначением, но тем не менее весьма характерные. Он „величался", показывая им свое богатство. „Они же видевше бесчисленное множество злата и серебра и паволоки реша: се ни в что же есть, се бо лежит мертво, сего суть кметье лучше; мужи бо ся доищут и больше сего" [1] Пусть они этого на самом деле и не говорили, пусть летописец сам вложил эти слова им в уста для того, чтобы удобнее сделать свой собственный вывод о предпочтительной ценности дружины, — все равно мысль высказана верная и для того времени весьма характерная. Все эти сокровища действительно лежали втуне. Земельная докапиталистическая рента была скромнее, но зато надежнее мертвых сокровищ. Сельское хозяйство мелкого производителя и эксплоатация этого последнего крупным землевладельцем во всяком случае были фактом ведущим.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что в селах этих землевладельцев жили и работали также и рабы рядом другими категориями зависимого от землевладельца населения. Но знать только это—значит ничего или почти ничего не знать о положении рабской силы в обществе древней Руси. Для решения вопроса необходимо продолжать наши наблюдения и прежде всего собрать сведения о рабах, разбросанные в наших источниках.

[1] Лаврентьевская летопись, Новгородская IV летопись

2. Рабы

Маврикий Стратег, писатель второй половины VI в., отмечает особенность в положении славянских пленных: „Пленники у них остаются не в вечном рабстве, как у других народов,—пишет он,—но назначается им определенное время, по прошествии которого предоставляется их усмотрению или остаться у них в качестве свободных или возвратиться к своим, заплатив выкуп“. Может быть, тут кое-что и преувеличено, но не мог Маврикий совершенно извратить факт. В доказательство справедливости этого свидетельства можно привести старое сказание о некоем половчине („Чудо св. Николая“), где рассказывается о том, как некий половчин попал в плен к русским. Нет никаких указаний на то, что он работал в плену. Неизвестно за что, но он был посажен в заключение. Его хозяин предлагает ему дать за себя выкуп, но так как у пленника никаких средств на выкуп при себе не было, то хозяин, отдав его на поруки св. Николаю, отпустил его домой под условием принести за себя выкуп. Об этом же говорит и ст. 9 договора с греками Олега (911 г.): „аще от рати ят будет... такоже да возвратится во свою страну, и отдана будет цена его...“ В договоре Игоря 945 г. об этом предмете говорится еще яснее: „Елико хрестеян от власти нашея (т. е. греков) пленена приведут Русь, ту аще будет уноша или девица добра, да вдадять златник 10 и поимуть и; аще ли есть средовеч, да вдасть золотник 8 и поимуть и; аще ли будеть стар или детещ, да вдасть златник 5. Аще ли обрящаются Русь работающе у грек, аще ли суть пленници, да искупаеть е Русь по 10 золотник; аще ли купил и будет гречин, под хрестом достоить ему, да возьметь цену свою, елико же дал будеть на нем“.[1] Здесь предусматривается даже случай, когда пленника уже успели продать; в этом случае вместо 10 золотников нужно за пленника платить сумму, за которую он был продан.

Закон судный, который частично вошел в Устав Владимира Всеволодовича, подтверждает это правило. „А се иже купит пленника от работных. Иже купит от работных пленника, свою цену дасть на нем, то вдав на себе то же,

[1] Договор 945 г., ст. 7.

да идет вспять свободь, да иметь купли его дондеже изработается, аще не имать что дати на себе юже съвеща; а мьзде ему на всяко лето наречется 3 щлязя пред послухом; тако коньчавшю ему цену, да отпущается на свободу“ [1]

Очень важно подчеркнуть здесь, что пленник, не имеющий никаких надежд на выкуп кем-либо из своих близких, может отработать сумму выкупа, после чего отпускается на свободу.

Плен в качестве источника рабства имеет несомненную тенденцию к сокращению. Тем не менее выкуп пленного кем-либо со стороны или же путем отработки пленником известной суммы, повидимому, был делом не легким, и весьма вероятно, что масса пленников переходила из рук в руки в качестве товара чаще, чем отпускалась за выкуп на свободу. Здесь важно, однако, отметить самый принцип, который едва ли был возможен в качестве такового в античном обществе. Необходимо также обратить самое серьезное внимание и на другую сторону дела. Пленник либо отпускается за известное вознаграждение на волю, либо продается чаще всего за границу, т. е. и в первом и во втором случае он рассматривается не как рабочая сила, а как ценный товар. Если античные общества стремились сконцентрировать у себя возможно большее количество рабов в качестве рабочей силы, если для античных обществ таким путем решался вопрос о воспроизводстве рабочей силы, то здесь мы имеем совсем обратный процесс—не концентрацию рабов, а их распыление. Многие упоминания о рынках, где продавались русские рабы, говорят о продаже рабов прежде всего за границу и еще раз подчеркивают товарность раба.

Мы имеем сведения о том, что рабов сажали на землю и превращали их, очевидно, в крепостных. По крайней мере трудно иначе понять следующее место Лаврентьевской летописи под 1031 г.: „Ярослав и Мстислав собраста вои многы и идоста на Ляхи и заяста грады Червенскыя опять и повоеваста Лядьскую землю и многы ляхы приведоста и разделиста я; и посади Ярослав своя по Роси, и суть и до

[1] Новгородская I летопись, стр. 478—479, изд. 1888 г.

сего дни". (Лаврентьевская, Ипатьевская и Никоновская лет. 1031 г.).

„Пространная Правда" в своем перечне источников рабства пропускает плен. Она говорит, что „холопство обельное трое: 1) еже кто то купить хотя и до полугривны, а послухы поставить, а нагату дасть пред самом холопом, а не без него; 2) а другое холопство: поиметь робу, а без ряду; поимет ли с рядом, како ся будеть рядил, на том же и стоить; 3) а се третие холопьство: тиуньство без ряда или ключь к себе привяжеть, с рядом ли, то како ся будешь рядил, на том же стоить" (ст. 119—121 Карамз. сп.). И как мы увидим в дальнейшем, очень часто оговорки, сделанные во втором и третьем случаях из здесь обозначенных, на практике часто осуществлялись: минуя холопство, люди поступали часто на службу или женились на рабынях, для чего заключали соответствующие договоры и в холопов не превращались.

Супружеские отношения в качестве источника рабства известны древнерусскому обществу, но они говорят о том, что у раба может быть семья и что далеко не обязательно превращение в рабов обоих супругов, если один из них свободный. В холопа превращается свободный человек только в том случае, если он „поиметь робу без ряду", „пойметь ли с рядом, то како ся будет рядил, на том же стоить".[1] И, повидимому, последний случай не был редкостью, если в Уставе Владимира Мономаха помещено особое правило для тех, кто „работает из робы". Там сказано: „тако иже работает из робы, свещает цену его пред послухи (это и есть ряд. *Б. Г.*) да отпущается",[2] т. е. можно по договору с господином рабыни отработать за нее определенную перед послухами сумму. Дети от рабыни после смерти свободного отца, вероятно самого господина, получают свободу вместе с матерью, хотя отцу и не наследуют.[3]

И нужно сказать, что положение детей, прижитых свободным с рабыней, едва ли многим отличалось от детей рожденных от свободной матери. Об этом говорит хорошо

[1] „Русская Правда", Троицкий список, ст. 103.

[2] Новгородская летопись, стр. 478, изд. 1888 г.

[3] Троицкий список, ст. 92.

нам известное место Новогородской летописи под 970 г., где рассказывается, как в Киеве „приидоша людье Новогородьстии просяще князя собе“ „Аще не поидет к нам — говорили они кн. Святославу, то мы налезем собе князя“ Святослав высказал некоторое опасение: „да еще бы кто шел к вам“. И действительно, два сына Святослава, Ярополк и Олег, отказались. Тогда Добрыня посоветовал им просить Владимира, который, по его мнению, должен быть несколько сговорчивее, так как был „от Малуши, ключнице Ользине“. Она приходилась родной сестрой Добрыни, а отец их был Малк Любечанин. Добрыня, стало быть, приходился родным дядей Владимиру. Владимир согласился: „И пояша новгородьци Володимира к себе, и пойде Володимер с Добрынею, уем своим, Новуграду“. [1] Как видим, происхождение Владимира от ключницы рабыни (это видно из дальнейшего) не помешало ему пользоваться такими же правами, как и его братьям от других свободных матерей. Уколола его рабским происхождением Рогнеда, дочь полоцкого князя Рогволода, когда Владимир изъявил желание на ней жениться. „Не хочу розути робичича“, сказала она, что, однако, не остановило Владимира, только вынудило его прибегнуть к насилию.

В договоре Новгорода с немцами 1195 г. (стр. 14) честь рабыни оберегается особой статьей: „Оже кто робу поверже насилием, а не соромит, то за обиду гривна, паки ли соромит, собе свободна“. [2] Раба, имеющая детей от свободного, после его смерти делается свободной со своими детьми („Русская Правда“, Карамз. список, ст. 110). Как будто и супружеские отношения свободных и рабов не имеют аналогии, по крайней мере в римском рабовладельческом обществе.

Неисполнение обязательств по древнерусскому праву, как правило, не ведет к рабству. Правда, некоторые исследователи с этим положением не согласны. Дьяконов считает, что торговая несостоятельность в уплате долга, происшедшая по вине торговца (пьянство, расточительность), ставила

[1] Новгородская I летопись, стр. 21, изд. 1888 г. По этому поводу см замечания, сделанные А. А. Шахматовым в его „Разысканиях“, стр. 373—378

[2] Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. 1, стр. 96. Изд 1906 г. Мирная грамота новгородцев с немцами 1195 г.

его в полную зависимость от усмотрения кредиторов: „ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля“ (Тр., 50, Карамз., 68) В следующей статье идет речь вообще о задолженности („Аже кто многим должен будет“) последствием которой также является продажа должника на торгу (Тр. 21, Карамз. 69).[1] Но едва ли это не недоразумение. Дьяконов буквально понимает слова „Русской Правды“, где в ст. 69 (Карамз.) говорится: „Аже кто многим должен будет“, то в случае нежелания или невозможности расплатиться с кредиторами: „вести я на торг и продати и, отдати же первое гостеви куны, а домачным, что ся останет кун, тем ся поделять; пакы ли будуть княжи куны, то княжи куны прежде взяти, а прок в дел“. То же и в предыдущей статье: „Аже который купец, кде любо шед с чюжим кунами, истопится, любо рать возметь, ли огнь, то не насилити ему, ни продати его...; аже ли пропиеться или пробиеться, а в безумии чюж товар потравить, то како любо тем, чьи то куны, ждуть ли ему, продадуть ли его своя им воля“ Дьяконов понимает термин „продать“ в буквальном смысле продажи личности обанкротившегося купца в рабство. Однако с этим согласиться трудно уже по одному тому, что от продажи купца в рабство едва ли можно было получить столь значительную сумму, чтобы хватило расплатиться с кредиторами, среди которых имеется даже князь. Средняя цена раба, по „Русской Правде“, рублей 35 на довоенные деньги.[2] Едва ли кто-либо захотел бы переплачивать за него только потому, что это бывший купец. Гораздо проще объяснить этот термин иначе, именно так, как его понимали современники. В договоре Игоря 945 г. мы имеем прекрасное и совершенно ясное объяснение: „Или аще ударить мечем или копьем или кацем-любо оружием русин гречина или гречин русина, да того деля греха заплатит серебра литр 5 по закону русскому; аще ли есть неимовит (несостоятелен), да како можеть, втолько же продан будеть, ако да и порты, в них же ходить, да и то с него сняти, а опроце да на роту ходить по своей вере, яко не имея ничтоже, ти тако пущен будеть“ [3] То же мы имеем и в Двинской грамоте, построенной на основе

[1] Дьяконов. Очерки общ. и гос. строя др. Руси, стр. 113. Изд. 1910 г

[2] Аристов. Промышленность древней Руси, стр. 281.

[3] Владимирский-Буданов. Хрестоматия, в. I, стр. 15. Изд. 1908 г

„Русской Правды“ (1397 г.) „А кто у кого что познает татебное, и он с себя сведет до десяти изводов, нолны до чеклого татя; и от того наместником и дворяном не взяти ничего, а татя впервые продати противу поличного; а вдругие уличат, продадут его не жалуя, а уличат втретьие, ино повести“. [1] И здесь продают не самого татя, а его имущество. [2] За первую кражу—в размере украденного, за вторую продается все его имущество, за третью он подвергается смертной казни. Для продажи в рабство „Русская Правда“ знает другой, более точный термин: „продать обель“ („продаст ли господин закупа обель“, „Русская Правда“, Карамз. сп., ст. 73). И как будто для того, чтобы у нас не осталось никакого сомнения относительно того, что долг не превращает свободного человека в раба, в особом отделе „Русской Правды“ (Троицк. сп., ст. 105), посвященном вопросу о холопстве, после определения трех источников холопства (купля, женитьба без ряду на рабе и поступление без ряду в тиуны или ключники), помещается специальная статья: „[в] даче не холоп ни по хлебе роботят, ни по придатце; но оже не доходят года, то ворочати ему милость, отходит ли, то не виноват есть“, т. е. за „ссуду“ деньгами или хлебом или за проценты не обращают в рабство. „Должник“ отрабатывает долг в известный срок. Если он не отработает этого срока, должен возвратить долг. Едва ли впрочем здесь мы имеем обычную ссуду. Вероятнее предположить, что здесь говорится об особой форме феодальной зависимости, в некоторых отношениях напоминающей „добровольное холопство“ или „служилую кабалу“ раннего времени в Москве.

Отчасти в связи с этим правилом в Карамзинском списке мы имеем в ст. 65 расценку труда жонки с дочерью: „О сиротьем вырядке“ „А жонка с дчерью... по гривне на лето...“ В этой статье существенно то, что выход из зависимости через отработку здесь подчеркивается еще раз.

Все письменные памятники, трактующие о рабах, позволяют говорить о том, что рабство как способ производства не развивается, не растет, а идет на убыль.

[1] Там же, стр. 122—123.

[2] Ср. совершенно правильное на мой взгляд мнение по этому вопросу у С. Г. Струмилина „Договор займа“, стр. 60.

Интересно отметить факт, пока еще очень мало обследованный, что церковь, лучший хозяин во всех странах Европы и Византии, владевшая рабами и пользовавшаяся ими, отказывается от рабского труда первой. В древней Руси известны церковные рабы: епископские холопы в Новгороде, рабы Киево-Печерского монастыря, рабы Хутынского монастыря.[1] „Русская Правда" знает чернеческих рабов. В дальнейшем мы их уже не встречаем. Церковь начинает пользоваться трудом крепостных.

Раб в древней Руси, как и в любой другой стране, конечно, имеет свою историю. Мы, к сожалению, не можем видеть ее начала. Мы не знаем, что представляет собой раб VIII — IX вв., какую роль он играл тогда в производстве. Можно и следует утверждать, что рабство в южных частях Киевского государства, издавна и непосредственно соприкасавшихся со страной античного способа производста (Византия), было развито значительнее, чем в северных частях. Тем не менее и на юге в XI — XII вв. раб был не только и, пожалуй, даже не столько рабочей силой, сколько обычным товаром на рынках, особенно азиатских. В момент, доступный нашему наблюдению по русским источникам (X—XII вв.), раб—не основа всего производства, он имеет ряд своеобразных признаков, отличающих его от римского раба периода „античного" способа производства.

Хочу еще раз подчеркнуть, что все мое внимание в этой главе сосредоточено не на истории рабства, а лишь на раскрытии ведущего процесса в истории изучаемого обществ IX—XII вв. Если рабство к XII веку совершенно явно обнаружило тенденцию к ослаблению, то это не значит, что роль рабов за этот период времени была ничтожна. Но не всякое рабство есть античное рабство. Если мы оперируем с понятиями, введенными в обиход нашей науки основоположниками марксизма, то мы тем самым обязуемся вкладывать в эти понятия то содержание, которое вкладывали в них Маркс и Энгельс. А Энгельс весьма недвусмысленно высказывался относительно содержания и применения термина „античное рабство" „Прежде, чем рабство делается

[1] Вкладная грамота Хутынскому монастырю 1192 г. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. I.

возможным, необходимы... известная ступень производства и некоторое неравенство в распределении. Для того же, чтобы рабский труд сделался господствующим способом производства в целом обществе, общество должно достигнуть гораздо высшего развития производства, торговли и накопления богатств. В древних первобытных обществах с общинным землевладением рабство вовсе не существовало или играло самую второстепенную роль. Так было в древнем крестьянском городе Риме. Когда же Рим стал, наоборот, «всемирным городом», земледелие в Италии все более и более сосредоточивалось в руках малочисленного класса богатейших собственников,—ее крестьянское население было вытеснено населением рабов".[1] Точно также и Греция „еще в героические времена вступает в историю уже разделенная на классы, самим своим существованием свидетельствующие о долгой предварительной истории, оставшейся неизвестною, но в ней значительнейшая часть земли обрабатывалась самостоятельными крестьянами".[2] Наконец германцы, по мнению Энгельса „не довели у себя рабства до его *высшего развития*, не превратили его ни в античное трудовое рабство, ни в восточное домашнее рабство" [3] В своих наблюдениях я, нисколько не желая умалить большого значения рабства в истории Киевского государства, тем не менее прихожу к выводу, что и здесь рабство не дошло до своего „высшего рзвития", не превратилось в античное рабство.[4]

Если раб не есть основа производства в так называемой древней Руси, то кто же является базой сельского хозяйства, господствовавшего в это время на Руси? Кто, наконец, был поставщиком пушного товара, так смущавшего Рожкова и его последователей? Попробуем пересмотреть все категории производителей не-рабов, сведения о которых сохранила для нас наша древняя письменность.

[1] Энгельс Ф. Анти-Дюринг, изд. 1932 г., стр. 130.

[2] Там же, стр. 142.

[3] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, изд. 1933 г., стр. 142 и др.

[4] Подробнее об этом см. „Борьба Классов", 1935 г., № 3, моя статья „Была ли древняя Русь рабовладельческим обществом?"

3. Смерды

Можно смело сказать, что нет ни одного историка России, который бы не пытался определить юридическую природу смерда, и тем не менее вопрос до сих пор остается открытым. Один из наиболее глубоких исследователей писал в 1909 году: „Вопросу о древне-русских смердах суждено, повидимому, оставаться крайне спорным надолго, быть может, навсегда. Причина тому в скудости данных, какими располагаем: несколько случайных упоминаний в летописи да тексты „Русской Правды“.[1] Уже в революционное время вышла специальная работа С. В. Юшкова, интересная между прочим тем, что автору удалось расширить рамки своего наблюдения и привлечь к решению вопроса новый материал.[2] В последнее время в общих трудах по истории Украины и Киевской Руси отводится вопросу о смердах видное место, и, на мой взгляд, вопрос близится к своему правильному разрешению.[3]

Причина неудач в разрешении вопроса у прежних исследователей крылась, а отчасти и кроется, не столько в недостаточности источников, сколько в неправильной постановке вопроса, т. е. дело не столько в материале, сколько в методе исследования. Почти все авторы многочисленных попыток решить задачу исходят из положения, что смерды представляют социальную группу, имеющую единые законченные юридические признаки, которые и надлежит вскрыть науке. Отсюда Лешков, Никольский, Цитович и многие

[1] А. Е. Пресняков, Княжное право, стр. 287. СПб., 1909 г.

[2] С. В. Юшков. К вопросу о смердах. Ученые записки Сарат. унив., т. I, вып. 4.

[3] Н. Л. Рубинштейн. Нарис історії Київської Руси, стр. 50. 1930, Історія України, т. I. Передкапіталістична доба, стр. 26 — 32, 1932 (ВУАМЛІН). Против утверждения, что смерд, закуп и холоп — это три пути (шляхи) развития феодализма, нахожу нужным решительно протестовать. Б. Тихомиров. Проблема „вторичного“ закрепления крестьянства и крестьянский выход. Историк-марксист, 1932, кн. 3 (25), стр. 123 — 128. Совсем недавно появились еще две попытки осветить вопрос о смердах: С. В. Вознесенский. К вопросу о феодализме в России (по поводу книги Б. Д. Грекоза „Очерки по истории феодализма в России“). Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934 г., № 7—8 (там же и мой ответ С. В. Вознесенскому) и С. Н. Чернов. О смердах Руси XI—XII вв. „Академия Наук Н. Я. Марру“, 1935 г.

другие смотрят на них, как на „людей князя“, стоящих в особой частно-правовой зависимости от него. Ключевский считает их государственными крестьянами, Сергеевич находит два смысла в термине „смерд“: широкий и тесный; в первом смысле это—свободный человек небольшого достатка в противоположность людям крупным и князьям, во втором — пахарь, сельский работник, и т. д. С. В. Юшков определяет смерда, как „особый разряд сельского населения“; по его мнению, это — полусвободные люди, напоминающие homines pertinentes западного средневековья.

Но можно ли ставить так вопрос? Можно ли дать например, единое исчерпывающее юридическое определение крестьянина Московской Руси XVI—XVII вв. даже при большом сравнительно обилии материалов. Думаю, что нет. Черносошный крестьянин и крестьянин помещичий, не говоря уже о более дробном расчленении этой большой группы сельского населения, будут представлять собой различные юридические категории. На мой взгляд, необходимо отказаться от попытки дать единую юридическую формулировку явлению, не имевшему этого единства и в конкретной обстановке. Необходимо подойти к решению задачи с мыслью о сложности и разнообразии правовых положений в крестьянской среде, и если искать точного общего определения, то нужно обращаться к терминам не юридическим, а экономическим, стараться найти место смерда в определенной исторической системе производства. С этой точки зрения, крестьянин есть непосредственный производитель, владеющий своими собственными средствами производства, вещественными условиями труда, необходимыми для реализации его труда и для производства средств его существования, самостоятельно ведущий свое земледелие, как и связанную с ним деревенско-домашнюю промышленность.[1] Что же касается юридических признаков, то крестьяне могут быть либо свободными земледельцами, либо зависимыми в разной степени и форме от землевладельцев, как светских, так и церковных. Общая тенденция в юридической судьбе крестьянина в период феодализации общества есть превра-

[1] Маркс. Капитал, т. III, стр. 369. „Раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно“, там же, стр. 560.

щение его из свободного в подвластного, платящего оброк, отбывающего барщину или даже становящегося крепостным.

В Германии XII–XIII вв. только к востоку от Рейна Энгельс находил некоторую наличность свободных крестьян. Вся же масса крестьян к этому времени оказалась в крепостной зависимости от феодалов. И свободный и зависимый крестьянин сохраняет, однако, свою экономическую сущность—это всегда владеющий средствами производства земледелец. Только в этом смысле и можно говорить об исчерпывающем определении этого класса

Киевский и новгородский смерд есть не кто иной, как крестьянин в смысле только что данного определения. Иначе никак нельзя понять ни статей „Русской Правды", ни известных мест летописей, и совершенно нет никакого основания приходить в отчаяние от невозможности свести смерда к какому-либо единству юридического положения: смерд может быть и свободным и зависимым, зависеть может и от князя, и от княжеского дружинника и от церковного учреждения. Характер зависимости совершенно не мыслится обязательно во всех случаях однородным.[2] Я не собираюсь приводить все известные места наших источников о смердах полностью, но считаю нужным указать на те из них, которые могут подтвердить только что высказанное мною положение.

Смерды есть основное население новгородских погостов, если судить по всем известным текстам договорных новгородских грамот со своими князьями („кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потянет в свой погост: тако пошло в Новгороде"). Грамоты говорят о том, что так „пошло" т. е. это старина. Когда те же грамоты хотят исчерпывающим образом назвать все новгородское население, сельское и городское, то пользуются двумя терминами „смерд" и „купчина", под смердами несомненно разумея всю массу сельского населения. То же мы можем видеть и позднее.

[1] Энгельс. Марка, стр. 86.

[2] Этим утверждением я отнюдь не собираюсь отвергать значения юридических признаков в положении любого из общественных классов. В качестве показателей эволюционных этапов эти признаки, конечно, должны занять свое определенное место в процессе изучения истории общественно-экономических отношений.

Вот давно напечатанная и достаточно забытая „ободная грамота“ 1375 г. „Се докончаша мир в мир с Челмужским боярином з Григорьем Семеновичем и с его детьми... староста Вымоченского погосту Артемий, прозвищем Оря, со всем племенем, да *шунские смерды* Иван Герасимов да Василий, прозвищем Стойвов, Глебовы да Игнатий, прозвищем Игоча, да Осафей Перфильева дети, да и *вси шунжане* мир взяли в межу в Челмужском погосте, урядили [дальше идет определение границ спорной земли]... и не вступатится нам в тую Григорьеву землю да и в ту межю..., владети тою межою Челмужскому боярину Григорью и его детям во веки“.[1] Здесь повидимому изображены шунгские смерды в качестве общинников-землевладельцев, у которых был какой-то спор по земле с соседом, челмужским боярином, разрешившийся миром и новой фиксацией земельных границ. Не приходится сомневаться, что совершенно таких же смердов имеет в виду новгородская летопись в рассказе о походе новгородцев на Югру, когда осажденная Югра в 1193 г. говорит осаждающим: „... а не губите своих смерд и своей дани“.[2]

Знаменитая речь Владимира Мономаха на Долобском съезде несомненно рисует нам смерда пахарем, имеющим свою лошадь, гумно и всякое „имение“.[3] В старинных переводах слову „смерд“ соответствует греческое „ἰδιώτης γεωργός“, т. е. собственник-земледелец.[4] Это основная масса сельского населения, обложенная данью. Под 1169 г. в Новгородской I летописи записан поход новгородцев на Суздаль, где между прочим сказано: „и отступиша новгородцы и опять воротишася и взяша всю дань, на суздальских смердех другую“.[5] Под 1229 г. в той же Новгородской летописи записано: „прииде князь Михаил из Чернигова в Новгород... и целова крест на всей воли новгородьстей и на всех грамотах ярославлих и вда свободу смердом на

[1] Чтения Моск. общ. ист. и древн. Росс., 1868 г., кн. 1. Палеостров, стр. 138—139. Ср. Н. С. Чаев. Северные грамоты. Летопись занятий Археогр. ком., вып. 35, стр. 157, № 53.

[2] Новгородская I летопись, под 1193 г.

[3] Ипатьевская летопись, под 1103 и 1111 гг.

[4] Лаппо-Данилевский. Очерки истории образования главных разрядов крестьянского населения в России. Крестьянский строй, стр. 5

[5] Новгородская I летопись, стр. 149. Изд. 1888 г

5 лет дани не платити, кто сбежал на чужую землю; а сим повеле, кто сде живет, како уставили переднии князи, тако платити дань".[1] Так, кн. Михаил восстановляет старину, которую нарушил посадник Дмитр Мирошкинич, следствием чего было восстание 1209 г. и массовое бегство крестьян „на чужую землю"

Существование так называемых свободных смердов не подлежит сомнению. Здесь дело совершенно ясное.

Это очень значительная часть населения Киевскаго государства в самом широком территориальном значени термина. Об этом весьма красноречиво говорит и топонимика. „Ни одно социальное обозначение, — говорит по этому поводу новейший исследователь вопроса, — не дало столь богатого и столь разнообразного по форме производных отражений в топонимике, как слово «смерд»"[2] Тот же автор указывает громадные пределы распространения этого термина: на первом месте в этом отношении стоит Новгородско-Псковская область, к ней примыкают северная и с.-в. часть Двинской области и с.-з. часть б. Вятской губернии; вторая большая группа земель, хорошо знающих этот термин Волынь, Подолия, Холмщина, Галиция, Малая Польша к ним

[1] Там же, стр. 230. Никоновская летопись искажает этот текст и передает так: „даде всем людем бедным и должным льготы на 5 лет дани не платить, а которые с земли бежали в долзех, тем платити дань, како уставили прежнии князи, или без лихв полетья" Автор Никоновской летописи, как это часто бывает с историками, модернизирует явления и толкует старые факты применительно к современным ему отношениям но здесь несомненно разумеется поощрительная мера для беглых крестьян желающих вернуться на старые места жительства. Совершенно аналогичные случаи и соответствующую тактику феодалов мы можем наблюдать в Московском государстве ранней поры. В. к. Василий Дмитриевич перешедшим к нему крестьянам из иных княжений давал льготу на 10 лет, а тугошним только на 3 года. ААЭ, т. I, № 21, 1433 г. Углицкий князь Андрей Васильевич в таких же случаях давал льготу на 20 и на 10 лет. ААЭ, т. I, № 102, 1476 г. и т. д. Новгород дорожит смердами прежде всего как плательщиками податей. С. В. Юшков отдает предпочтение Никоновской летописи перед Новгородской, на мой взгляд, без достаточных к тому оснований. Уч. Зап. Сарат. унив., т. I, вып. 4, стр. 73 С Н. Чернов полагает, что здесь смерды бегут с государственных земель на частные, но ничем своей мысли не доказывает „О смердах Руси XI–XII вв.". Сб. „Акад. Наук Н. Я. Марру" стр. 771

[2] Рыдзевская Е. А. Слово „смерд" в топонимике. Проблемы источниковедения, вып. 2, Изд. Ист.-археогр. инст. Академии Наук СССР

примыкают: Познань, Силезия и Вост. Пруссия. Значительно распространен термин в Белорусских и Литовских землях, в районах Ковно, Вильно, Гродно. Очень редко встречается термин в верхнем Поволжьи (районы Твери, Владимира и Ярославля). Здесь термин замирает. На западе этот термин известен еще в некоторых частях Германии.

Но смерды в XI веке были не только свободными крестьянами-общинниками. Часть их несомненно уже успела попасть в зависимость к феодалам.

Старая историография этой стороны вопроса о смердах почти не замечала. Совершенно ясно о зависимых смердах говорил лишь Владимирский-Буданов. Русская правда и летописи, по его мнению, „содержат в себе... указания на бесправное положение смердов, но такие указания относятся к смердам в теснейшем смысле, т. е. прикрепленным". „... Положение свободных крестьян было далеко от гражданского полноправия и легко могло перейти в состояние прикрепленных. Прикрепление могло быть или временное или всегдашнее. Временное прикрепление есть ролейное закупничество Русской Правды, которое образуется из долгового обязательства смерда землевладельцу..." "...прикрепленные смерды были многочислены уже в древнейшее время: Русская Правда древнейшая уравнивает штраф за убийство холопа и смерда".[1] О „господских смердах" говорит и Павлов-Сильванский [2]

В ближайшее к нам время появились работы, уделяющие этому предмету серьезное внимание. Разумею статью С. В. Юшкова „К вопросу о смердах",[3] Н. Максимейко „Про смердів Руської Правди",[4] Б. Н. Тихомирова „Проблема вторичного закрепощения и крестьянский выход"[5] и трактовку этого сюжета М. Рединым в „Історії України"[6]

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории Русского права, стр. 34—36. Изд. 5-е

[2] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 222.

[3] Ученые записки Гос. сарат. унив., т. I, вып. 4, Саратов, 1932.

[4] Праці Ком. для нивгування ист. західньо-русского та вкраїнського права, вып. III.

[5] Историк-марксист, 1932 г., № 3 (25).

[6] Історія України, Всеукр. ассоц. маркс-ленин. науково-дослідн. інституцій, 1932, стр. 33.

Здесь проблема ставится по-новому и, мне кажется, правильно, что не мешает мне, однако, расходиться с некоторыми положениями этих авторов. Спешу заранее оговориться, что основное расхождение с некоторыми из указанных авторов заключается у меня в том, что я различаю две группы смердов: 1) данников, не попавших в частную феодальную зависимость от землевладельцев, и 2) освоенных феодалами смердов, находящихся в той или иной степени зависимости от своих господ.

Аргументы, выдвигаемые этими авторами в доказательство зависимости второй категории смердов, за отдельными исключениями кажутся мне вполне убедительными

Попробуем собрать указания источников по этому предмету.

Смерды в качестве одной из категорий населения вотчины, зависимого от феодала, по своему приниженному положению весьма близки к холопам.

Важные постановления „Русской Правды" о смердах содержатся в „Правде" Ярославичей и ее дополнениях, т. е. в „Правде" по преимуществу княжой и имеющей назначение оградить прежде всего интересы княжеского двора и хозяйства. В числе зависимых от князя людей, сидящих в его вотчине и обслуживающих ее, называются и смерды: „в рядовници княже 5 гривен, а в смерде и в холопе 5 гривен" [1]

[1] Не только в старой литературе, но и в новейшей вопрос о том, какому варианту отдавать предпочтение — „в смерде и в холопе" (Акад. сп., Карамз., большинство других) или же „в смердии холопе" (Троицкий сп.) — дебатируется с большой остротой. Старой литературы сейчас я касаться не буду, так как самый вопрос там ставился в иной плоскости. В новейшей литературе он поставлен очень остро: считать ли зависимого смерда низведенным в социальном положении в некоторых отношениях до уровня холопа, или же возвести смерда, упоминаемого в данном тексте, в ранг эксплоататоров холопского труда, признавать его рабовладельцем? В последней дискуссии раздалось два голоса, поддерживающих вторую точку зрения — И. И. Смирнова и С. Н. Быковского (Изв. ГАИМК, вып. 86, стр. 99 и 126), с чем на мой взгляд согласиться невозможно по следующим мотивам: в „Правде Ярославичей", откуда и идет этот текст, вообще говорится о смерде, живущем в княжеской вотчине и зависимом от князя как землевладельца. Здесь изображается княжеское имение, которое для данного времени без крестьянина уже немыслимо. Рядом со смердом работают тут и другие категории зависимого от феодала населения, между ними рабы занимают в XI в. количественно видное место

Рядовичи, смерды и холопы рассматриваются рядом, и наказание за их убийство кладется одинаковое. Если мы всмотримся в другие источники, то увидим, что это обычное явление: смерды и холопы почти всегда трактуются вместе.

Села, принадлежащие феодалам, в X в., по сообщению Татищева, имевшего на то серьезные основания, были населены рабами и смердами. В „Вопрошании Кириковом", памятнике XII в., мы имеем подтверждение слов Татищева. Там прямо сказано, что смерды населяют села. Замечательно, что Кирик о рабах не упомянул. Очевидно, главной массой населения сел были все-таки смерды. „А смерд деля помолвих, иже по селом живуть". Татищев сообщает, что по договору Владимира I с болгарами этим последним запрещалось торговать непосредственно со смердами и огневшиной (рабами). Очевидно феодалы сохраняют это право исключительно за собой.

Князья требуют от Ростиславичей выдачи смердов и холопов, „а холопы наши и смерды выдайта".[1] Ростовцы высокомерно говорили о владимирцах: „несть бо свое княжение град Владимир, но пригород есть наш, а наши смерды в нем живут и холопы..."[2]

Буквально то же мы видим и позднее в Новгороде, где по договору Новгорода с Казимиром IV запрещается принимать жалобы на хозяев со стороны смердов и холопов; в договоры, заключаемые с соседними государствами, включается условие о выдаче сбежавших смердов и холопов.[3] Едва ли более высокое положение смердов можно усмотреть и в известном сообщении Новгородской I летописи под 1016 г., когда кн. Ярослав, отпуская новгородцев, помогавших ему овладеть киевским столом, „нача вое делити:

Стало быть, предполагать в этой „Правде" смерда, еще не феодализированного, едва ли возможно. Наконец, наши источники решительно противоречат представлению о смерде как о зажиточном человеке, имеющем в своем распоряжении рабскую силу. „Худой смерд" — это самое обычное представление о смерде во всей нашей древней литературе Смерд — свободный общинник, имеющий возможность эксплоатировать чужой труд, хотя принципиально и допустим, но фактически явление очень редкое. Во всяком случае не о нем говорит „Правда" Ярославичей.

[1] Ипатьевская летопись, 1100 г., стр. 181, изд. 1871 г.

[2] Никоновская летопись, под 1177 г.

[3] Собр. гос. грам. и договоров, т. I, стр. 28 и др

старостам по 10 гривен, а смердам по гривне а новгородьчем (т. е. горожанам) по 10 всем" [1]

В различных редакциях Печерского патерика терминами „рабы" и „смерды" переписчики пользуются альтернативно Так, в „Слове о преподобных отцех Федоре и Василии" рассказывается о том, как Василий заставил бесов работать на братию. Униженные таким образом бесы „аки раби куплени, работають и древа носят на гору". В этом месте другой вариант патерика заменяет слово „рабы" словом „смерды" [2]

В докончаньи Новгорода с королем Казимиром, правда, уже 1440 г., говорится: „а межи собою нам будучи в любви, за холопа, за робу, за должника, за разбойника и за смерда не стояти ни мне ни вам, а выдати его по исправе" [3] Эти смерды должны выдаваться не в качестве преступников, о которых говорится особо, а именно в качестве смердов, которые и здесь ставятся рядом с холопами. Ганзейские купцы новгородских смердов считают принадлежащими их господам, которые и являются ответственными за их преступления. „Смерды *ваши*, — говорят они новгородским боярам,—и вы повинны по праву за них отвечать". [4] Связь смерда с княжеским хозяйством обнаруживается и в том факте, что княжеские кони пасутся на одном лугу со смердьими и отличаются от смердьих особым тавром — „пятно". Смердов, как феодально зависимых от князя, запрещается мучить „без княжа слова", подобно тому как и иных людей, принадлежащих к княжескому двору (огнищане). Смерды-волхвы в 1071 г. и ссылались на это свое право: „нама стати перед Святославом, а ты,—обращались они к Яну Вышатичу, не можеши створити ничто же". Тут не может быть и речи о подданстве, так как белозерцы были тоже под данью кн. Святослава, а между тем невозможно предположить, что без княжа слова княжеский воевода не мог судить вообще белозерцев. Повидимому княжие смерды, о которых здесь идет речь, принадлежали к феодальной вотчинной юрисдикции князя.

[1] Новгородская I летопись, стр. 84, изд. 1888 г.

[2] Патерик Киево-Печерского монастыря, стр. 118, изд. 1911 г

[3] АЗР, 1, № 39.

[4] „Smerdi vestri sunt et idcirco de jure tenemini respondere" Sartorius, Urkundliche Geschichte des Ursprungs Hanse, вып. II, т. XXIII, стр. 165.

Статьи „Русской Правды": „Оже кто ударит мечем, не вынес его, или рукоятью, то 12 гривен продажи за обиду" (ст. 19 Карамз. сп.), „Оже кто ударит кого батогом, или чешею, или рогом, любо тылисницею, то 12 гривен..." (ст. 21 Карамз. сп.) не относятся к смердам. Иначе необходимо было бы допустить совершенно нелепую мысль о том, что убийство смерда карается легче, чем нанесение ему побоев. Или же, если думать иначе, необходимо допустить, что в ст. 22 „Правды Ярославичей" указывается только возмещение феодала за понесенный им материальный ущерб от убийства смерда, а уголовный штраф, о котором там ничего не сказано, подразумевается.

Имущество смерда, не имеющего сыновей, переходит к князю как землевладельцу-феодалу.[1] Князья распоряжаются своею землею вместе с населяющими ее смердами. Правда, прямых доказательств у нас нет, но достаточно убедительные косвенные имеются. В 30-х годах XIII в., правда, рязанские князья Ингвар, Олег и Юрий вместе с 300 бояр и 600 мужей дали монастырю „9 земель бортных и 5 погостов" с 1010 „семьями", несомненно не холопскими, а именно крестьянскими, т. е. по терминологии киевской и новгородской — смердьими.[2] Если признать правильным чтение и толкование грамоты кн. Изяслава Мстиславовича Пантелеймонову монастырю 1136—1154 гг., предлагаемое С. В. Юшковым":[3] „село Витославицы и смерды" вместо прежнего „и Смерды", т. е. если отказаться под словом „смерды" подразумевать географическое наименование и понимать его как обозначение определенного общественного класса, то мы получим еще одно прямое доказательство тому, что часть смердов уже находилась в феодальной зависимости в XI и XII вв.

Положение некняжеских смердов принципиально ничем не отличается от положения смердов в княжеской вотчине и не может быть качественно иным. Заинтересованность княжеских дружинников в смердах, в их конях и пашне несомненна.

[1] „Русская Правда", Карамз. сп., ст. 103.

[2] АИ, I, № 2.

[3] С. В. Юшков. Феодальные отношения в Киевской Руси. Учен. зап. Сарат. унив., т. III, стр. 39, 1925.

Трудно иначе понять запись в Ипатьевской летописи под 1111 г., когда съехались по инициативе Владимира Мономаха князья и их дружинники в Долобске. „Седоша в едином шатре Святополк со *своею дружиною,* а Владимир с *своею*. И бывшу молчанию. И рече Владимир: „Брате, ты еси старей, почни глаголати, яко быхом промыслили о Руськой земли". И рече Святополк: „брате, ты почни". И рече Владимир: „како я хочу молвити, а на мя хотять молвити *твоя дружина* и *моя* рекуще: хочеть погубити смерды и ролью смердом..."[1]. Этих подробностей нет в записи о том же предмете под 1103 г. Между тем деталь, изложенная в тексте 1111 года, очень характерна. Чем объяснить заинтересованность дружинников в смердьей пашне, как не тем, что эти смерды жили в селах дружинников и были обязаны отдавать часть прибавочного труда своим господам в той или иной форме. На это же обстоятельство намекают и другие места той же летописи. В 1146 г. „разграбиша кияне... домы дружины Игоревы и Всеволоже и села и скоты..." Князь Изяслав говорит своей дружине в 1150 г.: „вы есте по мне из Русскые земли вышли, своих сел и своих жизней лишився". Тот же князь в 1148 г. говорил своей дружине о черниговских князьях: „се есмы села их подожгли вся, и жизнь их всю, и они к нам не выйдут; а пойдем к Любчю, идеже их есть вся жизнь"[2]. В этих селах, как мы видели, жила „огневшина" (челядь, рабы) и смерды. Несомненно также и то, что вопрос о наборе смердьих коней разрешается не княжеской властью, а зависит от самих дружинников. Повидимому, то же можно сказать и об участии в войске самих смердов. Эти зависимые смерды знают прежде всего своих господ-феодалов. В селах Галицкой земли в XIV—XV вв. владельческие крестьяне, т. е. находившиеся в феодальной зависимости,[3] пользовались лишь ограниченным правом выхода. Совсем не имеет его крестьянин, положенный в число (in numero).[4]

[1] Ипатьевская летопись, под 1103 и 1111 гг.

[2] Ипатьевская летопись, под 1146, 1148, 1150 и 1177 гг.

[3] Сидевшие на „русском праве".

[4] И. А. Линниченко. Черты из истории сословий в Юго-зап. (Галицкой) Руси XIV—XV вв.

О том, что отношения в княжеской и боярской вотчинах принципиально ничем не отличаются, хотя и не прямо, но косвенно говорит характерная приписка, сделанная к ст. 11 (Карамз. и Троицк. списков) „Русской Правды", где идет речь о княжеских людях—сельском или ратайном тиуне и о рядовиче („А в сельском тиуне княже или в ратайной 12 гривен, а рядовичь 5 гривен") — „тако же и за бояреск".

Совершенно ясный смысл этой приписки должен быть распространен и на смежные статьи, трактующие о других деталях княжеской вотчины.

Очень много споров вызывала и вызывает ст. 85 Троицкого и ст. 103 Карамзинского списков: „Оже смерд умреть без дети (цитирую по Карамз. сп.), то задница князю; оже будуть у него дьщери дома, то даяти часть на ня; аже ли будуть за мужьми, то не дати части". О каком смерде здесь говорится? Если это смерд, независимый непосредственно от феодала, свободный член сельской общины, тогда непонятно, как князь может осуществить свое право наследования. Если же это смерд — княжеский крепостной, тогда статья делается понятной, но является вопрос, можно ли это правило распространить и на некняжеских смердов зависимых от других феодалов. На этот счет мы, кажется, имеем положительные показания в Уставе кн. Ярослава Всеволодовича о церковных судах, где говорится обо всех „домовых" людях, и церковных и монастырских, куда совершенно естественно включить и смердов. „Безатщина" этих людей, т. е. их имущество при отсутствии прямых наследников „епископу идет". Мне кажется, что мы очень значительно приблизимся к правильному решению вопроса, приняв во внимание аналогичную статью древнейшей „Польской Правды", которая совершенно определенно говорит о том, что князь, как князь, тут не при чем, что это правило касается всякой феодальной вотчины этого периода. В так называемой „Польской Правде", записанной в XIII в., в ст. XXII читаем: „Если умрет крестьянин (конечно крепостной. *Б. Г.*). не имея сына, господин берет его имущество, но должен дать жене ее подушки... покрывала и из имущества мужа корову... или что-либо из другого скота, чем бы она себя могла содержать"[1]. Статут Казимира Великого

[1] Helcel Antoni. Starodawne prawa polskiego pomniki, стр. 26, 1870.

(1374 г.) в статье „De bonis derelictis post mortem villanorum vel civium absque prole decedentium“ считает старый закон, по которому господа наследовали имущество своих бездетно (без сыновей) умерших крестьян, несправедливым и отменяет его.[1] Больше чем вероятно, что и каждый русский феодал-землевладелец, не только князь, пользовался тем же правом, т. е. наследовал имущество своего крестьянина, не имеющего сыновей.

Для изучения хозяйственного и правового положения смерда, мне кажется, мы можем выйти за пределы тех источников, которые трактуют непосредственно о смерде, называя его по имени. Мы имеем основание сопоставлять смердов с сиротами. Сироты, повидимому, те же смерды, только живущие в северо-восточной Руси. Здесь термин „смерд“ почти не известен. Только новгородцы называют по-своему сельское население Суздальщины смердами. Термин „сирота“ здесь, напротив, весьма распространен, официально он дожил до XV в., а в частном быту им пользовались крестьяне, именуя себя сиротами и в XVI и в XVII вв. Сирот мы видим, также как и смердов, и свободными и зависимыми.

О зависимых сиротах говорит между прочим Новгородский архиепископ Илия (XII в.) в своем поучении: „А сирота не мозите великой эпитемьи давати. Пишеть бо в заповедях „Сущим под игом работным наполы даяти заповеди“ Да не мозите отягчати заповедью, ать вси каются. Иго бо легко есть“,[2] т. е. архиепископ запрещает на сирот, как на людей находящихся „под игом работным“, стало быть, вынужденных к подневольному труду и не располагающих полной свободой действий, накладывать большие эпитемии, для них невыполнимые именно вследствие их подневольности. То же мы имеем и в проповеди Серапиона, епископа Владимирского XIII в., когда говорит он о людях, „именья не насыщающихся“, порабощающих и продающих свободных сирот.[3]

Нужно сказать, что оба термина начали проникать далеко за пределы своей родины, и мы можем их употребление,

[1] Volumina legum, т. I, стр. 11.

[2] РИБ, т. VI, стр. 356—357

[3] Е. Петухов. Серапион епископ Владимирский. Слово о мятежи жития сего.

хотя и в ограниченных случаях, встречать и в Новгороде и в Суздальщине.

Наконец мы можем расширить круг наших источников привлечением текстов наших памятников, прямо не говорящих о смердах, но несомненно их подразумевающих. Например, в завещании Галицкого князя Владимира Васильковича 1287 г. написано:... „дал есмь ей (жене) село свое Городел и с мытом, а людье како то на мя страдали, тако и на княгиню мою по моем животе; аже будет князю город рубити, и ни к городу, а побором и татарщиного ко князю“[1] Последнее дополнительное распоряжение говорит о том, что люди, здесь упоминаемые, не рабы, а смерды или сироты. Они „страдают“, т. е. работают на господина, и в то же время тянут тягло.

Едва ли мы будем очень неосторожны, если вспомним здесь древнейшее сообщение Лаврентьевской летописи о том, что в 947 г. княгиня Ольга по Мсте и Луге устанавливала „погосты и дани“, „оброки и дани“. Несомненно, что в погостах и тогда жили смерды, и кн. Ольга, наученная горьким опытом своего супруга, сочла за благо упорядочить взимание этих даней и оброков. Это тоже феодальная эксплоатация смердов прежде всего и, конечно, не только смердов. Не будет большой натяжкой, если мы скажем, что здесь можно подразумевать и княжеские домены.

Если в нашем распоряжении имеется достаточно оснований видеть в наших источниках две категории смердов, из коих одна это смерды, находящиеся в непосредственной зависимости от своих господ-феодалов, то нужно сознаться, что у нас слишком мало данных для того, чтобы точно судить о характере этой зависимости. Маркс и Энгельс, считая, что форм феодальной зависимости может быть бесконечно много, „от простого оброчного обязательства до крепостничества“, применительно к европейскому средневековью обычно оперируют с двумя формами этой зависимости это Hörigkeit и Leibeigenschaft. Разница между этими формами несомненно есть. Энгельс так различает их: leibeigener—это крестьянин, находящийся „всецело во власти своего господина“, höriger—крестьянин, связан-

ный со своим господином „установленными по договору повинностями“, которых, однако, было „вполне достаточно, чтобы задавить его; но эти повинности увеличивались с каждым днем. В течение большей части своего времени он должен был работать на земле своего господина, а из того, что ему удавалось выработать в течение немногих свободных часов, он должен был выплачивать десятины, цензы, оброки, военные подати, местные и общеимперские подати...“[1] Так Энгельс изображает два основные типа немецкого крепостного крестьянства. Маркс в 47 гл. „Капитала“, в отделе „Отработочная рента“, повидимому дает общее определение Hörigkeit. Говоря о внеэкономическом принуждении в качестве необходимого условия получения феодальной ренты, он в следующих выражениях характеризует понятие Hörigkeit: „Итак, необходимы persönliche Abhängigkeit... persönliche Unfreiheit in welchem Grade immer und Gefesseltsein an den Boden als Zubehör desselben, Hörigkeit im eigentlichen Sinne“,[2] т. е. в понятие Hörigkeit Маркс включает личную несвободу, личную зависимость в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка к последней. Таким образом между этими двумя формами зависимости разница идет по линии степени несвободы, степени власти господина над зависимым от него крестьянином, прикрепление же к земле в качестве придатка к последней как будто бы предполагается обязательным для обоих видов зависимости. Что крепостной крестьянин XVII—XIX вв. был leibeigener, в этом нет никаких сомнений, так как власть господина над крестьянином в это время мало чем отличалась от власти господина над рабом. Что во второй половине XV в. и до последней четверти XVI в. крестьянин, имевший узаконенное право уходить в Юрьев день от своего господина, был höriger—это тоже как будто не вызывает сомнений. Что же представлял собой зависимый смерд ранней поры феодальных отношений на Руси? Кроме предположений, более или менее обоснованных, едва ли что-либо можно сказать в ответ на этот вопрос. Энгельс для Германии счел возможным заметить, что „крепостное право прежних веков

[1] Энгельс. Крестьянская война в Германии, изд. 1931 г., стр. 29.

[2] Das Kapital, III, Bd. 2, стр. 289. К сожалению, в русском переводе Hörigkeit переведено совершенно обезличенным словом „принадлежность“

(по сравнению с XIV и XV вв. *Б. Г.*)... заключало в себе еще много черт древнего рабства,[1] откуда можно вывести заключение, что он склонен был рассматривать первичное состояние крепостничества в Германии как Leibeigenschaft. К сожалению, он не привел никаких фактов, которые дали ему основание для этого заключения. Теоретически во всяком случае более чем вероятно, что рабовладелец, осваивающий насильственным путем крестьянина, был мало склонен проводить какую-либо большую разницу в степени своей власти над рабом и крепостным, но наличие крестьянской общины, этого оплота крестьянской независимости, во всяком случае должно было сыграть весьма определенную роль, задерживая темпы процесса феодализации с одной стороны, и с другой, смягчая формы крестьянской зависимости. Как конкретно протекал этот процесс в ранней своей стадии в обществе, занявшем территорию восточной Европы, мы, к сожалению, ничего не можем сказать точного. Во всяком случае приведенные уже выше факты говорят о том, что смерд путем внеэкономического принуждения стал попадать в зависимость от феодалов, что он боролся против надвигающегося на него феодализма путем коллективных восстаний, в летописи по вполне понятным причинам не нашедших себе полного отражения, что он протестовал, наконец, в форме индивидуальных действий и прежде всего побега. Мы могли видеть случаи бегства смердов, отмеченные Новгородской летописью в начале XIII в., видели также меры, принимаемые новгородской властью для борьбы с бегством смердов, холопов, должников, преступников и др., правда, уже в 1440 г. Хотя у нас и нет никаких оснований думать, что эти меры были выработаны только в это время, хотя неизбежно предположить, что эти меры подразумеваются уже в древнейших из дошедших до нас договоров Новгорода с князьями, тем не менее это не прямые, а лишь косвенные доказательства. Нельзя скрыть и другого, так сказать, косвенного противопоказания, на которое не могу не обратить внимания: в то время как древнейшая „Русская Правда", равно как „Правда Ярославичей" и „Пространная Правда" говорят о бегстве холопа, в то время как устав Владимира Мономаха в „Про-

[1] Энгельс. Марка.

странной Правде“ говорит о бегстве закупа, ни одна из „Правд“ не говорит ясно о бегстве смерда. Это отсутствие ясного упоминания о беглом смерде может на первый взгляд дать повод к заключению о свободе смерда, но это заключение решительно будет противоречить тому, что мы знаем о зависимом смерде из всех наших источников. Ведь в „Пространной Правде“ имеется статья: „А в холопе и в робе виры нету“... (ст. 102 Карамз. сп.), а о том, что в зависимом смерде тоже нет виры, в „Правде“ нет ни звука. А между тем это так: за смерда, за холопа, за рядовича, кормильца, кормилицу, сельского и ратайного старост, т. е. за весь рабочий состав княжого двора, изображаемого в „Правде Ярославичей“, взыскивается не вира, а вознаграждение за истребление собственности, в данном случае собственности князя. Так понимает эти статьи 22 –24 „Правды Ярославичей“ и Владимирский-Буданов,[1] с которым в данном случае нельзя не согласиться. Ст. 77 той же „Правды“ говорит о том, что к послушеству нельзя привлекать холопа, закупа можно только в крайнем случае. А зависимого смерда? Опять молчание. Если молчание повторяется слишком часто, то это что нибудь да значит. Почему „Псковская Судная Грамота“ ни разу не говорит ни о смерде, ни о холопе, между тем как нам очень хорошо известно существование в это время и смердов и холопов? О „Псковской Судной Грамоте“ у меня речь идет специально в другом месте. Сейчас относительно молчания „Русской Правды“ мы можем лишь сказать, что это загадка, одно из решений которой в смысле свободы смерда или, точнее, в смысле отсутствия в это время, т. е. в XI — XII веках, зависимых смердов, — исключается. Подобное предположение, которое кто-либо захотел бы вывести из молчания одного из основных наших источников, не раз вводило в заблуждение наших исследователей и прежде всего исследователей „Псковской Судной Грамоты“ Молчание „Русской Правды“ о бегстве смердов, факты чего мы знаем из других источников, быть может объясняется тем, что в XI—XII вв. количество крепостных смердов было еще не велико, что зависимость смердов носила разно-

[1] Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. I, стр. 26, прим. 6. Изд. 1908 г.

образный характер. Но что одна из форм зависимости смерда вполне соответствует западно-европейскому серважу, у нас нет сомнений. Наконец, мне кажется, в „Русской Правде“ имеется статья, в которой естественнее всего как будто можно понимать бегство всякого зависимого, за исключением холопа, человека вообще. Это ст. 130 Карамзинского списка Предыдущая статья говорит о беглом холопе. „Оже холоп бегая добудет товару, то господину холоп и долги, господину же и товар“. Следующая ст. 131, начинающаяся с красной киноварной буквы, что подчеркивает новую отличную от предыдущего текста мысль, говорит: „Аще кто бежа, а поемля суседнее или товар, то господину платити за нь урок, что будет взял“.

Хочу обратить внимание на употребление этого словосочетания во всем этом отделе „Правды“, имеющем обычно заголовок „О холопстве“:

123. Оже холоп бежит
124. Аще кто переимет холопа
125. А кто сам своего холопа досочится
126. Аже кто не ведая чюжь холоп усрящет
127. Оже где холоп вылжет куны
128. Оже кто пустит холопа в торг
129 Оже кто купит чюж холоп
130. Оже холоп бегая добудет товар
131. Аще кто бежа...
132. Оже холоп крадет кого любо

Шесть раз упоминается здесь „кто“ и всегда не в смысле холопа. 4 раза говорится прямо о холопе. Стало быть и в ст. 131 „кто“—не холоп. Однако у него есть господин. Под этим „кто“ может вполне скрываться и зависимый смерд.

Нужно также отметить, что в „Правдах“ имеется в виду три случая пропажи холопа: кража холопа, бегство его после нанесения побоев свободному человеку, т. е. укрывание от наказания, и просто бегство от своего господина. Закупа очевидно никто не воровал, укрываться от наказания, вероятно, и он был способен, хотя закон об этом молчит, бегство закупа от господина закон знает. Смерда, как смерда, воровать немыслимо: если его забирали в плен, он отрывался от всех своих условий производства, превращался в живой

товар и приравнивался рабу. Бежать смерд, конечно, мог и фактически бегал, как мы это видели, но „Правда“ об этом ясно не говорит ничего.

Все эти соображения я счел необходимым привести здесь с тем, чтобы, так сказать, мобилизовать все наши ресурсы для решения проблемы о характере и степени зависимости смерда в этот ранний период феодализма в Киевском государстве. Не наша вина, что вопрос приходится все же оставлять открытым. Но если мы не можем осветить этот вопрос полностью, то во всяком случае для нас ясно одно, что смерд и в Киевском государстве переживал те же этапы в своем историческом развитии, что и крестьянин любой феодализирующейся страны.

В гораздо более выгодном положении в смысле ясности находится вопрос о том, кто являлся в Киевском государстве поставщиком самого ценного товара. Это все те же смерды. Никак иначе нельзя понять хотя бы следующие тексты наших летописей: в 1169 г. новгородцы, ходившие в Суздальскую землю войной, взяли много дани, потом снова вернулись и снова „взяша всю дань и на суздальских смердех другую“. [1] В 1193 г. югра обращалась к наступавшим на них новгородцам с лукавой покорностью: „копим серебро и соболи и ина узорочья, а не губите своих смерд и своей дани“. [2]

Совершенно ясно, что пушнина, как и другие „узорочья“, поступали к князьям и их дружинникам от этих самых смердов, платящих со своих дымов и плугов чаще всего белками, куницами, соболями и другими ценными мехами, превращавшимися в руках князей и дружины в товар. Как мы видели выше, платили они свои дани и деньгами.

Дань и очень часто именно пушниной и была основной формой эксплоатации смердов. Эта дань незаметно для самих смердов перерождалась в натуральную земельную ренту в связи с процессом освоения земли различного типа феодалами и вместе с превращением смерда в зависимого, полукрепостного или крепостного. Конечно, смерд, попавший под непосредственную власть феодала, мог привлекаться и

[1] *Новгородская I летопись, стр. 149, изд. 1888 г.*

[2] Там же, стр. 167.

ко всевозможным работам на барском дворе и для этого двора, тогда и форма ренты меняется: смерд в таких случаях эксплоатируется на барщине. Наконец обе формы ренты, и отработочная и натурой, могли сочетаться. Если для смерда-общинника характерна подать-дань, а иногда рента натурой и даже в некоторой мере денежная, то вотчинно-зависимому смерду и отработочная рента и рента натурой должны были быть одинаково хорошо знакомы.

У нас нет недостатка в сведениях об эксплоатации смердов, об их пауперизации и причинах, заставлявших их переходить еще на более низкую ступень социальной лестницы и искать помощи у богатых землевладельцев. Владимир Мономах ставит себе в заслугу, что он „худого смерда и убогие вдовицы не дал сильным обидети". Из поучения епископа Серапиона узнаем, что действительно было от чего их защищать: сильные люди „именья не насыщаются", но и свободные сироты (это и есть смерды) порабощают и продают". [1] Мы видели, что значит продавать. Продажа в рабство здесь решительно исключается. Митрополит Климент в послании к пресвитеру Фоме тоже говорит о ненасытных богачах, „славы хотящих, иже прилагают дом к дому и села к селам, изгои и сябры, и борти и пожни, ляда же и старины" Сябры—это свободные крестьяне, сироты или смерды. Епископ Тверской XIII в. (умер в 1289 г.) в одной из проповедей говорит: „Но глаголю вам, царем и князем и наместником: утешайте скорбящих, избавляйте убогих от рук сильных: сии бо от богатых обидими суть и притекают к вам яко защитником благим; но вы, цари и князи и наместници, подобни есте тучи дождевней, иже истечает над морем во время ведра, а не над землею, жаждущею

[1] „И ничтоже несть известно в человецех, но вся суть стропотна суть: иному землю изхвати, а ин имение отъят, и того село слышавше, а дом иного ныне есть. Друзии же имения не насыщашеся и свободные сироты порабощают и продают, инии крадут и разбивают, а имения хощют собрати... богатство нам дал есть бог да от него неимущим подадим и убогим, мы же обидим еще сирот и вдовам насилуем и убогих отнимаем". Серапион, епископ Владимирский, Слово о мятежи жития сего, „Правосл. собес", 1858, кн. 2, стр. 481 — 483. Петухов считает это слово произведением русским домонгольского периода, но отказывается считать автором его Серапиона. Е. Петухов, Серапион Владимирский. Стр. 12, СПб., 1888.

воды: вы тем более даете и помогаете, у них же много злата и серебра, а не тем иже не имуть ни пенязя: бедных порабощаете, а богатым даете" Об этом епископе летописец говорит: „Князя не стыдящеся пряся, ни вельмож... нищая же и сироты жаловаше".

„История пожалуй—самая жестокая из всех богинь, влекущая свою триумфальную колесницу через кучи трупов не только во время войны, но и в периоды „мирного" экономического развития". [1]

Перед нами раскрывается процесс освоения различными типами землевладельцев земли с населяющими ее смердами—обычный процесс феодализации, характерный для всех стран, переживавших феодализм.

При этих условиях два основных типа смердов—еще не освоенные феодалами и уже попавшие к ним в непосредственную зависимость—есть факт столь же обычный, как и неизбежный. В одних феодальных странах в разные периоды их истории оставалось больше неосвоенных феодалами крестьян, в других меньше, но оба типа крестьян очень хорошо известны всем этим странам. В России значительная часть крестьян (почти весь север) оставалась незнакомою с непосредственной властью феодалов до 19 февраля 1861 г.

Неустойчивость экономической природы крестьянина тоже факт хорошо известный. Для мелких производителей сохранение или потеря условий производства зависит от тысячи случайностей, и каждая такая случайность или потеря равносильна обнищанию со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Лучшей иллюстрацией этого процесса является институт закупничества.

4. Закупы.

Пересматривать литературу о закупах в целом я не собираюсь. Не могу лишь оставить без рассмотрения мнение Чичерина, заостренное Сергиевичем, о закупе как о наемном рабочем. Действительно, в некоторых редакциях „Правды"

[1] *Энгельс. Письмо к Н. Ф. Даниэльсону 24 11 1893 г.*

[2] „Продаст ли господин закупа обель, то наймиту свобода во всех кунах". Карамз. сп., ст. 73.

закуп называется „наймитом“ [2], но понимать этот термин необходимо так, как его понимали современники „Правды“, а не так, как понимаем его мы. Термины часто переживают свое первичное содержание и приспособляются к условиям, совершенно не похожим на обстановку, их породившую. Поэтому совершенно необходимо в изучении подлинных явлений жизни итти не от терминов к выяснению фактов, а самую терминологию объяснять из условий, ее создавших. В памятниках XII в. несколько раз встречается термин „наим“ в смысле „лихвы“, т. е. процентов наряду с наймом в нашем смысле. Это сближение двух понятий в одном термине само по себе знаменательно.

В „Вопрошании Кириковом“ мы имеем следующее место: „А наим деля, рекше лихвы, тако веляше учить: аже попа, то рци ему: не достоить ти служити, аще того не останеши. А еще простьця (мирянин в противоположность попу), то рци ему: не достоит ти имати наим... Дажь не могут ся хабить (воздержаться) то рци им: будите милосерди, возьмите легко: аще по 5 кун дал еси, а 3 куны возьми или 4“. [1] В „Поучении“ новгородского епископа Илии читаем: „А и еще слышно и другие попы наим емлюще, еже священническому чину отинудь отречено“. [2] Совершенно ясно, что „наим“ здесь, как весьма возможно и в „Русской Правде“, нужно переводить термином проценты, безуспешно запрещаемые церковными правилами в средние века и на Западе и у нас.

Закуп, названный наймитом,— это человек, не просто продавший свою силу рабочую, но при помощи „долга“ попавший в особого вида личную зависимость. [3] Однако не следует, на мой взгляд, делать большое ударение и на понятие долга, так как мы и здесь рискуем модернизировать явление и впасть в ошибку. Договор займа совершенно ясно обрисован в „Русской Правде“, но задолжавший человек еще не есть закуп. Закуп — зависимый человек, находящийся в тяжелых условиях зависимости. Это одна из обычных категорий феодальной зависимости населения,

[1] РИБ, т. VI, стр. 7.

[2] Журн. мин. нар. просв., 1890 г., кн. 10, стр. 287.

[3] Ср. И. И. Яковкин. Закупы „Русской Правды“, Журн. мин. нар. просв., 1913 г., апрель.

в какой находились непосредственные производители в средние века вообще. Это те отношения господства и подчинения, на которых базировались феодальные отношения, та несвобода, если говорить об эксплоатируемой стороне, которая в реальной жизни может принимать различные оттенки. Этот „долг" в данном случае играл ту же роль, что и при заключении договора о деревенской служилой кабале в Московском государстве, был условием покупки рабочей силы в уродливой форме феодальной кабалы и, может быть, и здесь, как безусловно в Москве, часто шел не кабальному человеку, а его господину, от которого он переходил под такую же власть к другому. Это та самая кабала, о которой писал в свое время В. И. Ленин: „И «свободный» русский крестьянин в 20-м веке все еще вынужден итти в кабалу к соседнему помещику совершенно так же, как в 11-м веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками".[1]

Такой же старый оттенок в понимании термина „наймит" мы, кажется, имеем и в самом начале XIV в. в Москве. В. князь Иван Данилович Калита в своей жалованной грамоте печерским сокольникам освобождает от платежа дани, между прочим, и „наймитов, кто стражет на готовых конех, а в кунах". Не будет большой экзегетической вольностью, если мы признаем в „готовых конех" аналогию с конем, на котором пашет хозяйскую пашню закуп, а в „кунах"—те самые деньги, при посредстве коих закуп становился в особую зависимость от своего господина. В недавно воскрешенном из забвения очень интересном памятнике, в основе которого совершенно неприкрыто лежит „Русская Правда", этот предмет трактуется также весьма вразумительно. Имею в виду „Правосудие митрополичье".[3] Статья 27 звучит в несколько исковерканном старым переписчиком виде так (знаки препинания мои. *Б. Г.*): „А се стоит на суде челядин-наймит, не похочет быти у осподаря; несть ему вины, но дати ему вдвое задаток. А побежит от осподаря, выдати его осподарю в польницу" И ст. 28 и 29: „Аще ли убиет осподарь челядина полного, несть ему душегубства... А закупного ли наймита, то

[1] *Ленинский сборник, IV, стр. 237*

[2] ААЭ, 1, № 3, 1328—1340 гг.

[3] Летопись занятий Археогр. ком., вып. 35

есть душегубство". Здесь совершенно отчетливо различаются два вида челяди: челядин полный, т. е. холоп обельный и челядин-наймит, или „закупный" несомненно не кто иной, как хорошо известный нам закуп.

Напрашивается естественно сравнение со ст. 70 „Русской Правды" (Карамз. сп.). „Оже закупный бежит от господина, то обель; идет ли искать кун, а явлено ходить к князю, или к судьям бежит обиды деля своего господина, то про то не роботят его, но дати ему правду". И того же списка ст. 102: „А в холопе и в робе виры нету, но оже будет без вины убиен, то за холопа и за роба платити урок..." [1] Аналогию имеем в Уставной Двинской грамоте: „А кто осподарь огрешится ударить своего холопа или робу, и случится смерть, в том наместници не судят, ни вины не емлют". [2] Тогда как закупа господин имеет право бить только „про дело". [3]

В „Правосудии митрополичьем" челядин-наймит, или „закупный" стоит на суде по делу о желании разорвать свои закупнические отношения с господином. Он на это имеет право, но должен в этом случае вернуть своему господину задаток в двойном размере.

Тут закупный наймит выступает в форме зависимого человека, весьма мало похожего на капиталистического рабочего, продавшего свою рабочую силу. Задаток — это тоже не совсем то, что мы привыкли считать под задатком. Наши древние памятники часто употребляют термины „задати", „задатися" в смысле отдаться, принять подданство, поступить под чью-либо власть. [4] Совсем не случайно челядин-наймит поставлен рядом с близким ему по положению челядином полным. „Задаток"—это и есть та сумма денег, которую закуп получил от своего господина при вступлении в зависимое состояние. Это и не совсем то же, что мы сейчас называем ссудой.

Неустойчивость экономической природы крестьянина достаточно известна, чтобы о ней говорить снова. Если при-

[1] Русская Правда, Карамз. сп., ст. 102.

[2] Уставная Двинская грамота, ст. 11.

[3] Русская Правда, Карамз. сп., ст. 73.

[4] „Чтобы есте задалися за князь великий, а от Новгорода бы есте отнялись". Новгородская I летопись, 1397 г. и др.

нять во внимание, что в феодальный период крестьянина подстерегало много разнообразных бедствий, связанных с феодальным строем, и прежде всего беспрерывные внутренние и внешние войны, то станет вполне понятным массовое разорение смердов, одно из важнейших условий, порождавших закупничество и другие формы феодальной зависимости.

Но одними стихийными бедствиями нельзя, конечно, объяснять происхождения ни этой, ни другой какой-либо формы зависимости. Нельзя забывать, что сейчас мы имеем дело с таким обществом, где отношения зависимости вырастают непосредственно из самого производства, где класс феодалов — земельных монополистов—прибегает к внеэкономическому принуждению, как к одному из самых действительных при данных условиях средств подчинения непосредственных производителей. Но едва ли есть какая-либо форма хозяйства, которой было бы неизвестно и экономическое принуждение в качестве, по крайней мере, подсобного метода присвоения прибавочного продукта. Таким путем попадал в подневольное положение и закуп.

Владимир Мономах, прибывший на Киевский стол в момент восстания низов против господствующих классов и в частности должников против своих кредиторов, рядом компромиссных мер ликвидировал восстаиие. Очень выразительным памятником его деятельности этого периода служит та часть пространной „Правды", которая носит заголовок: „А се уставил в. кн. Владимерь Всеволодичь Манамах" Происхождение всех элементов этого „Устава" [1] до сих пор определить не удалось, но не подлежит никакому сомнению, что в своем основном содержании он касался прежде всего вопросов о долгах во всех их формах, и закуп как человек, связанный со своим господином все же через деньги, попал в „Устав" на самом законном основании. Следы революционного происхождения законодательства о закупах очень заметны. Закупу гарантировано право суда со своим господином и право уходить от господина „искать кун"; довольно точно определены случаи ответственности закупа за господское имущество, значительно защищены имущественные и личные

[1] Русская Правда, Карамз. сп., ст. 66 и др.

права закупа. Бросается в глаза декларативность, рассчи танная на политический эффект, некоторых статей, касаю щихся закупа: господин может безнаказанно бить закупа только „про дело“, но отнюдь не „без вины“, „не смысля‘ или под пьяную руку. В этих всех гарантиях ясно чувствуется безвыходное положение закупа до восстания 1113 г. и желание законодателя поставить границы, хотя подчас и чисто словесные, господскому произволу.

Если есть основание полагать, что эти „гарантии“, сослужив свою службу, преданы были забвению, то едва ли можно сомневаться в полной реальности штрихов, характеризующих положение закупа в господском хозяйстве.

Закупу посвящен специальный отдел в уставе в. кн. Владимира Всеволодовича Мономаха, входящего в состав так называемой „Пространной Русской Правды“. В виду того, что этот отдел „Правды“ „О закупе“ (по Карамз. сп. ст. 70—73), один из самых трудных для понимания вообще, почему в нашей литературе в толковании его и существует так много разногласий, остановлюсь на наиболее важных его местах именно для того, чтобы в своих выводах не быть голословным. Ст. 70 о том, что закуп за побег от господина превращается в раба, но что он в то же время может открыто уходить „искать кун“ или жаловаться в суд на своего господина, достаточно ясна, если не считать не совсем ясного „искания кун“. Мне все же кажется, что здесь идет речь о том случае, когда закуп по соглашению со своим господином отправляется раздобывать полученные им от господина в момент заключения договора деньги, в данный момент необходимые закупу для выхода из закупнического состояния. Закуп, стало быть, формально, юридически имеет право ликвидировать свои отношения с господином, подобно московскому кабальному человеку в известный период существования этого института. И может быть, в этом отношении положение закупа не столь безнадежно, как положение крепостного смерда, едва ли имевшего какие-либо сроки своего освобождения. „Правосудие митрополичье“ вполне подтверждает эту правовую реальность для закупа уйти от своего господина: „А се стоит на суде челядин—наймит (это и есть „закупный“. *Б. Г.*), не похочет быти у осподаря“. Закон ясно говорит: „несть

ему вины", но с него в этом случае господин имеет право взыскать „вдвое задаток". Вот для чего закупу необходимо „искать кун"

Две следующие статьи, 71 и 72, возбуждают много споров. Я не буду разбирать каждое мнение в отдельности, а попробую изложить собственное понимание этих двух статей, на мой взгляд напрасно разбитых Н. Калачевым, так как они внутренно между собою связаны. Привожу здесь эти обе статьи целиком. „А оже у господина ролейный закуп будеть, а погубить свойскы конь, то не платити ему; (но еже дал ему господин плуг и борону, от него же копу емлеть, то то ему погубившу, платити); аще ли господин его отошлет на свое орудие, а погибнет без него, то ему не платити своему господину (ст. 71). Оже из хлева, из забоя выведуть, то закупу того не платити, но еже погубит на поли или в двор не вженеть и не затворить, где ему господин велел, или орудия своя дея погубит, то ему платити" (ст. 72). Часть текста, взятая мною в скобки, представляется мне пояснительной вставкой на том основании, что она по содержанию и по форме вклинивается в текст „Правды", говорящий об очень определенном предмете. Весь этот параграф, разбитый Калачевым на 2 статьи, говорит о ролейном закупе (стало быть закуп может быть и не ролейным, как и кабальный человек Московский) и о господском коне, с которым закуп не расстается в своей работе. Предусматривается здесь несколько случаев: 1) господский конь погиб в то время, когда закуп работал им на своего господина (на барщине); 2) господский конь погиб в отсутствие закупа, посланного хозяином на другое дело; 3) коня украли из закрытого помещения, куда его загнал закуп, исполнив таким образом свои обязанности; 4) коня украли по небрежности закупа (он не загнал его куда следовало); 5) хозяйский конь погиб в тот момент, когда закуп работал им на себя. В первых трех случаях закуп за коня не отвечает и убытков в случае погибели коня не возмещает; в двух последних случаях за господского коня закуп обязан платить хозяину стоимость коня.

Вставка относительно плуга и бороны, сделанная по аналогии с сюжетом о коне, мне представляется, имеет следующий смысл: плуг и борону господин закупу „дал",

т. е. предоставил ему право пользования этими орудиями под условием возмещения убытка в случае их гибели. Это „дал", ни разу не приложенное к коню, показывает, что коня господин закупу не давал, конь все время находится в господском хлеве или забое, закуп только берет его тогда, когда это требуется по ходу работы на хозяина и в отдельных случаях на себя, конечно, с разрешения хозяина; между тем плуг и борона „даны" хозяином закупу, и этот последний держит их у себя дома, на своем участке. Поэтому здесь не может быть никаких случаев: хозяин дал и требует, чтобы закуп ему вернул данную вещь или ее стоимость; никакие детали пользования этими орудиями хозяина решительно не интересуют.

Если купу понимать как оброк, что иногда допускается,[1] то понятным делается и придаточное предложение „от него же купу емлет", т. е. господин, предоставив закупу участок земли, снабдив его орудиями производства во временное пользование, поскольку и сам закуп — зависимый человек лишь на известный срок, сделал и его таким образом в некоторой степени рентабельным, получая с него небольшой оброк (большим он не может быть, так как главная работа закупа протекает на барщине). Но нужно сказать, что понимание термина „купа" в смысле оброка—это только одно из существующих пониманий. Весьма возможно, что „купа", входящая своим корнем в термин „закуп", есть именно та сумма, которую закуп получал от своего господина в момент заключения с ним договора. Такое понимание термина „купа" имеет ряд преимуществ. Противоречит ему лишь то, что в слове „емлет" предполагается систематическая повторяемость действия, между тем как „купа" в смысле денег, полученных от господина закупом, такой повторяемости не допускает. Мне кажется, что коренное родство терминов „закуп" и „купа" скорее говорит о предпочтительности второго понимания слова. Это повидимому не оброк, а деньги, при помощи которых недавний смерд приобретал новую социальную оболочку и превращался в закупа.[2] Далее ст. 73

[1] П. А. Аргунов. К пересмотру построений закупничества „Русской Правды", Учен. записки Сарат. гос. унив., 1927, т. VI, в. IV.

[2] В своих прежних работах я примыкал ближе к первому варианту понимания термина „купа"

рассматривает случаи, когда господин мог причинить некоторый ущерб закупу, нарушить свои обязательства или превысить свои права. Тут еще раз мы встречаемся с основными чертами, характеризующими хозяйственное и правовое положение закупа. Вот какие „обиды“ может причинить закупу господин: 1) изменить в свою пользу сумму, данную им закупу в момент заключения договора, 2) изменить, конечно в свою пользу, размеры оброка или участка земли, отведенного закупу, 3) сделать попытку эксплоатировать закупа путем отдачи его в наймы или продажи, наконец, 4) побить его не „про дело“, а „несмысля, пьян, без вины“. Замечание Владимирского-Буданова о том, что здесь, в ст. 73, имеется в виду закуп вообще, всякий закуп, мне кажется очень приемлемым. В отдельных случаях расшифровка ст. 73, мною предложенная, может быть и требует уточнения и поправок (очень трудно брать на себя ответственность за толкование отдельных темных мест источника), но общий смысл их мне кажется ясным, не вызывающим сомнений. Наконец, в ст. 75 рассматривается casus совершения закупом кражи не у своего господина, а на стороне. За него отвечает господин, но в этом случае сам закуп превращается в раба.

В „Русской Правде“ есть еще ст. 77, которая, решительно запрещая послушествовать холопу, разрешает в малых тяжбах в случаях необходимости („в мале тяже по нуже“) привлекать к послушеству закупа.

Вот собственно говоря и все, что нам известно о закупе.

Все наши наблюдения позволяют, как мне кажется, сделать ряд вполне обоснованных выводов. Закуп—зависимый от феодала человек. Зависимость устанавливается актом выдачи господином некоторой суммы денег, которые закуп должен вернуть, если пожелает уйти от своего хозяина. Зависимость закупа срочная. Закуп может выполнять самую разнообразную работу во дворе господина. Так называемый ролейный закуп связан целиком с сельским хозяйством господина. Повидимому, либо этот вид закупничества был особенно распространен, либо с ролейным закупничеством связывалось большое количество casus'ов, влекущих судебное вмешательство, но факт остается фактом, что именно ролейному закупу в уставе Владимира Мономаха отведено больше

всего внимания. Ролейный закуп вне барского двора и барского хозяйства не мыслится: он пашет господским плугом барскую пашню, боронит господской бороной, запрягает в них господского коня, стережет господских коней, загоняет их во двор и в хлев, исполняет всякие другие хозяйские распоряжения; в то же время у него имеется и свое собственное хозяйство на участке земли, полученном им от господина. Трудно более ясно показать форму эксплоатации закупа. Перед нами один из видов отработочной ренты. Конкурентом на барском поле у закупа, повидимому, чаще всего был холоп; однако, не исключена возможность господской барщины и для смерда, попавшего в зависимость к феодалу, но, как мы видели, источники об этом говорят очень глухо, дают нам лишь косвенные указания.

Итак, по своему происхождению закуп —это в большинстве случаев недавний смерд, лишенный средств производства и вынужденный экономической необходимостью искать заработка у крупного землевладельца. Это один из путей разрушения соседской общины под натиском надвигающихся феодальных отношений. Однако закупничеством новые формы создающихся феодальных отношений не исчерпывались. Мы можем наблюдать рядом с этим институтом и другие, ему родственные

5. Рядовичи.

О рядовичах существует большая литература. Сергеевич считает рядовича, упоминаемого в „Русской Правде“, „рядовым“ рабом на том основании, что „ценят его в 5 гривен, а это цена обыкновенного раба“. Вообще же Сергеевич допускает, что рядович не всегда раб. „Рядович—всякий по ряду (договору) у кого-либо живущий“ [1] Мрочек-Дроздовский считает рядовича несвободным приказчиком. Это несвободные подключники в имениях княжеских, боярских или иных владельческих. [2] Пресняков считает рядовича низшим агентом хозяйственного или административного

[1] Сергеевич. Русские юридические древности, т. I. стр. 105 106 СПб., 1902 г.

[2] Мрочек-Дроздовский. Исследования о „Русской Правде“, стр. 200. М., 1886 г.

управления и в доказательство приводит известный текст из Даниила Заточника: „Тиун бо его (князя) яко огнь трепетицею накладен, а рядовичи его яко искры". „А сотским и рядовичем... не судити".[1] Götz принимает толкование Сергеевича.

Для меня в данном случае не столь важны функции рядовича (он, действительно, в некоторых источниках рассматривается в качестве низшего агента вотчинной администрации), сколько его социальная природа. Тут с Сергеевичем можно согласиться только наполовину. Целиком считаю приемлемой его характеристику: „рядович—всякий, по ряду у кого либо живущий". Стало быть, это не холоп. Соображения Сергеевича, вытекающие из оценки рядовича, одинаковой с рабом, не убедительны. Тогда и смерда нужно считать рабом, потому что и его оценка равна тем же 5 гривнам.[2] Вообще исходить из штрафной сетки, применяемой к различным группам населения, для определения социального положения различных категорий населения—метод опасный. Мы, например, очень хорошо знаем, как Уложение Алексея Михайловича фиксирует эту сетку: „а деловым людем и монастырским и помещиковым и вотчинниковым крестьяном и бобылем за бесчестье и за увечье учинити указ против государевых дворцовых сел крестьян", т. е. по 2 рубля. Деловые люди, т. е. холопы, здесь стоят на одной доске с крепостными крестьянами и бобылями, между тем как за „гулящего человека", т. е. свободного, кормящегося временным заработком, взимается в два раза меньше (Уложение, X, 94). Здесь оценка хозяйского холопа выше свободного рабочего, и этим смущаться совершенно нечего.

В самой „Русской Правде" имеются данные для объяснения социальной сущности рядовича. В ст. 119 Карамазинского списка читаем: „А холопство обельное трое:... поиметь робу, а без ряду; поиметь ли с рядом, како ся будет рядил, на том же и стоить. А се третие холопство: тиунство без ряда или ключ к себе привяжеть; с рядом ли, то како ся будеть рядил, на том же и стоить". Совершенно ясно, что человек, собирающийся жениться на рабе, имел полное основа-

[1] Пресняков. Княжое право, 293, прим. 1

[2] Сергеевич считает, что в ст. 23 „Русской Правды" (Акад. сп.) речь идет о смердьем холопе, с чем согласиться трудно

ние предварительно заключить ряд с господином невесты. Так, повидимому, и было на самом деле, потому что Устав Владимира Мономаха этот случай специально оговаривает: „А се иже работает из робы. Тако иже работает из робы, свещает цену его перед послухи, да отпущается“.[1] Перед послухами, очевидно, заключается ряд о цене выкупа за жену-рабу, который и погашается работой мужа рабыни. По ряду можно было поступить в ключники или тиуны. Надо думать, что этими указанными двумя случаями не исчерпываются все возможные виды ряда при поступлении на службу или на работу, потому что оба эти случая приводятся „Русской Правдой“ только в связи с происхождением обельного холопства и отнюдь самостоятельного сюжета не составляют. Кажется, мы имеем еще одно довольно важное подтверждение высказанного положения. Статья 65 Карамзинского списка озаглавлена: „О сиротьем вырядке“, а под этим заголовком значится: „А жонка с дочерью, тем страды на 12 лет, по гривне на лето, 20 гривен и 4 гривны кунами“. Если отбросить расчет на 12 лет, примерно взятый каким-то современным „Правде“ бухгалтером вообще для всех его вычислений („а от 20 овец и от двою приплода на 12 лет... а от 20 коз и двою приплода на 12 лет... а от трех свиней приплода на 12 лет...“ и т. д.), и отбросить итоговые цифры, всюду сопровождающие его примерные вычисления, то получим в ст. 65 очень краткое и вразумительное содержание: жонка с дочерью вырабатывает по гривне на год, и работают они в целях „вырядка“, т. е. для того, чтобы получить право ухода от своего хозяина, с которым муж этих оставшихся после его смерти „сирот“ заключил ряд. Это — семья рядовича. Аналогичное положение мы имеем в „Псковской Судной Грамоте“: „А у которого человека, у государя, изорник помрет в записи в покрути, а жена у него останется и дети не в записи, а та им покрута платить по той записи“.[2] В „Русской Правде“ имеется в виду случай, когда рядович умирает, и жена его отрабатывает какие-то предусмотренные рядом обязательства. „Выряд“—это аннулирование „ряда“, выход из зависимого положения, созданного рядом. Итак, рядович ни

[1] Новгородская I летопись, стр. 479, изд. 1888 г.

[2] Псковские Судные Грамоты, ст. 85.

в коем случае не раб. Это по московской терминологии один из видов серебреничества. В хорошо всем известной грамоте середины XV в. кн. Михаила Андреевича Кириллову монастырю мы имеем довольно полный перечень поступающих на работу в монастырь людей: это—серебреники, половники, рядовые люди и юрьевские.[1] В грамоте разъясняется, что они могут уходить от своих господ только при условии выплаты серебра. Стало быть, это все, строго говоря, серебреники. Рядовые люди в этом перечне, повидимому, те же рядовичи.

Если рядович не раб, то он также и не наемный рабочий капиталистического общества. Его зависимость чисто феодальная, так как рядович через договор вступает в зависимость крепостнического характера. Отсюда понятными делаются принадлежность к зависимому населению вотчины, его приниженное здесь положение и окружающее его общество (рабы, смерды), стоящее с ним на одном уровне с точки зрения оценки, и необходимость „выряда" его семьи в случае его смерти до выполнения условий ряда, т. е. рядович по своей социальной природе довольно близок закупу.

6. Вдачи

Самый термин „вдач" не может считаться точно установленным, так как в ряде редакций „Русской Правды" вместо „вдач" (Карамз. сп.) мы имеем разночтение „в даче" (Синод. Троиц. сп. и др.). Если допустить законность самого термина, то сущность вдача определяется только одной статьей „Пространной Правды". „Вдачь не холоп, и ни по хлебе робят, ни по придатце; но оже не ходять год, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват есть" (ст. 123 Карамз. сп.), т. е. долг, взятый хлебом или деньгами, не превращает должника в раба; долг подлежит либо возврату, либо отработке в определенный срок.

Владимирский-Буданов полагает, что „здесь указывается источник одного рода закупничества".[2] Сергеевич цитирует этот текст по списку Мусина-Пушкина: „Вда цену не хо-

[1] АЛЭ, I, № 48

[2] Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. 1, стр. 65, прим. 160. Изд. 1908 г.

лоп...“ По мнению Сергеевича эта статья имеет в виду „рабочих, нанимаемых на определенный годовой срок и получающих вперед годовую плату. Плата эта дается или натурой (хлебом и каким-то придатком к денежной наемной плате) или деньгами (вда цену)“.[1]

Едва ли, однако, можно согласиться с толкованием термина, предложенным Сергеевичем. Прежде всего недоказанным здесь является понимание слова „придаток“. Придаток ведь можно понимать и иначе. Владимирский-Буданов, хотя и не уверенно, но склонен под „придатком“ разуметь процент. И едва ли это будет неправильно.

Вся статья говорит не о найме в смысле капиталистического найма, а о привлечении на работу людей путем выдачи хлеба или денег, которые вполне естественно подразумевают проценты, причем самая „дача“ есть не просто способ непосредственного привлечения рабочей силы, а это привлечение есть лишь вытекающее из невозможности для должника погасить долг следствие. Долг может быть погашен работой на срок, и совершенно не обязательно, как думает Сергеевич, годовой, потому что слово „год“ значит чаще всего время вообще, и в „Русской Правде“, когда требуется обозначить определенное количество времени, равное году в нашем смысле слова, употребляется термин „лето“: „А жонка с дочерью тем страды на 12 лет, по гривне на лето“ и т. д. Так что естественнее под вдачем разуметь бедного человека, берущего в долг хлеб или деньги, повидимому, обязующегося при этом и отработать этот свой долг в определенный срок. Конечно, вдач близок закупу. Во всяком случае эти оба социальные явления одного и того же происхождения.[2]

7. Изгои

Едва ли я ошибусь, если скажу, что у современного читателя при слове „изгой“ невольно вызывается в памяти знаменитый текст, где фигурируют не знающий грамоте попов сын, обанкротившийся купец, выкупившийся холоп

[1] Сергеевич. Русск. юрид. древн., т. I, стр. 191. Изд. 1902 г.

[2] Карамзинский список, ст. 65

и в конечном счете осиротевший князь.[1] Обычность этих ассоциаций говорит, несомненно, о популярности приведенного текста, но, должен сказать, вопрос и после ссылки на этот текст остается не решенным, потому что он гораздо сложнее.

В ст. I древнейшей „Русской Правды“ в числе общественных состояний, имеющих право на 40-гривенную виру, значится и изгой („Аще будет русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изгой будет, любо словенин, то 40 гривен положити за нь“). Обычно наши исследователи не обращают внимания на то, что наши источники говорят об изгоях двух категорий—городских и деревенских; исследователи мало также отмечают и ту эволюцию, какая происходит с изгоем на протяжении времени, освещаемого памятниками, знающими этот термин. А между тем совершенно очевидно, что между изгоем, имеющим право на 40-гривенную виру (а по древнейшей „Правде“ другой виры вообще и не было), и между теми изгоями, которых князь Ростислав в 1150 г. передавал вместе с селом Дросенским Смоленскому епископу или которых, по сообщению митрополита Климента, ловят в свои сети ненасытные богачи, наконец, теми изгоями, которых церковный Устав Всеволода начала XII в. зачисляет в состав людей церковных богадельных,—разница очень заметная.

Уже в свое время Калачев высказал интересную мысль, отчасти поддержанную Мрочеком - Дроздовским, что „начало изгойства коренится... в родовом быте“.[2] Несмотря на то, что Мрочек-Дроздовский не во всем, на мой взгляд, удачно разрешает задачу, у него имеются совершенно правильные и вполне приемлемые замечания. „Как явление историческое,—пишет он,—изгойство жило и развивалось при наличности известных условий быта, и, поскольку менялись эти условия, постольку менялось и положение изгоя в древнем обществе“. „Для определения положения изгоя в обществе,—продолжает он дальше,—надобно знать, при каких условиях

[1] Устав кн. Всеволода. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. I, стр. 209. Изд. 1908 г.

[2] Мрочек-Дроздовский, Исследование о „Русской Правде“, прил. ко 2 вып., стр. 44, 47. Но там же мы можем прочесть и такую фразу: „Родовой быт скользнул по изгойству, как по зеркалу“, стр. 48.

и в какой форме общежития жило самое общество. Это необходимо вследствие того, что народ на различных ступенях своего развития живет в данное время в различных общественных союзах, строй которых соответствует именно данной эпохе народной жизни. Первичной формой общежития является род...; впоследствии в силу различных причин родовая замкнутость исчезает, и на место рода... является община земская, обоснованная... поземельною связью". Тем более удивительным кажется мне факт, что Мрочек-Дроздовский, автор цитированных рассуждений, не вполне воспользовался этими соображениями при решении задачи в целом. В итоге своего исследования об изгоях он приходит к соловьевскому определению изгойства („изгоем был вообще человек, почему-либо не могущий остаться в прежнем своем состоянии и не примкнувший еще ни к какому новому"), хотя и считает, что этого определения недостаточно, так как в нем не принята „в соображение среда, вытолкнувшая из себя изгоя, ни права изгоя, различные при различных состояниях общежития",[1] между тем как по его же собственному признанию только это условие исследования может быть плодотворным.

Есть еще любопытные мысли у Мрочек-Дроздовского: „Добровольные выходы из родовых союзов возможны лишь при условии надежды найти какую-нибудь пристань вне рода, хотя бы такую, какую нашла птица, выпущенная праотцем Ноем из ковчега... Надежда на такой уголок уже указывает на начало разложения замкнутых родовых союзов, на начало конца родового быта...; самое стремление родича вон из рода есть также не что иное, как то же начало конца". Насколько я принимаю эти соображения, будет видно из дальнейшего. А сейчас считаю необходимым сказать, что филологическое толкование термина „изгой" в смысле человека, вышедшего из прежнего обычного состояния, правильно, согласно с имеющимися в нашем распоряжении источниками и полезно для дальнейшего исследования хотя бы в виде рабочей гипотезы. Но на этом определении оставаться во все время существования изгойства нельзя. Термин этот жил вместе с изгоем и заполнялся новым

[1] Мрочек-Дроздовский, стр. 75.

содержанием. В конце концов он перестал обозначать то, что обозначал раньше. М. А. Дьяконов едва ли не близок был к правильному решению вопроса, когда высказывал смелую мысль о том, что изгой, ведя свое филологическое происхождение от слова „гоить"—жить, стал обозначать человека, не имеющего „жизни", „животов", т. е. человека неимущего, так как, по понятиям древности, „жить"—значило иметь средства к существованию. В 1150 г., например, кн. Изяслав говорит своей дружине: „вы есте по мне из русские земли вышли, своих сел и своих жизней лишився".[1] Отсюда необходимость искать пристанища у землевладельцев, могущих предоставить ему эти средства жизни на известных, конечно, условиях.

Близок к Дьяконову и Сергеевич, считающий изгоями „людей, находящихся в бедственном положении" и указывающий на то, что „отдельных видов таких людей может быть очень много" (из них Всеволодов устав перечисляет только три вида). Далее Сергеевич готов применять этот термин „вообще для обозначения низшего разряда людей".[2] Но и Дьяконов и Сергеевич говорят об изгоях деревенских.

Может быть, термин „изгой" действительно возник в родовом обществе: чужеродные элементы принимались в родовые замкнутые группы, но явление это стало развиваться в процессе распадения родовых союзов и в „Русскую Правду" попало, несомненно, тогда, когда род уже был известен только в отдельных пережитках. Изгой, повидимому, и упомянут в „Русской Правде" в качестве одного из осколков давно разбитого родового строя. Здесь изгой еще считается полноправным членом нового, повидимому, городского общества, стоит в одном ряду с дружинником, купцом и даже с русином, несомненно представителем правящей варяго-славяно-финской верхушки общества. Нет ничего невероятного также и в том, что это равноправие такого же происхождения, как и право закупа жаловаться на своего господина, если этот последний бьет его не „про дело", т. е. это есть вынужденная компромиссная мера в целях успокоения общественного движения, в данном случае имевшего

[1] Дьяконов. Очерки общ. и гос. строя др. Руси, стр. 122. Изд. 1910 г.
[2] Сергеевич. Рус. юрид. древн. т. I, изд. 1902 г., стр. 273.

место в Новгороде в 1015 г., после чего и, может быть, в значительной степени вследствие чего и приписано настоящее прибавление к первой статье древнейшего текста „Закона русского". Если это так, что весьма вероятно, то равноправие изгоев в начале XI в. было уже для них потеряно, но не совсем забыто, и может быть служило неписанным лозунгом общественных низов, по преимуществу городских, в событиях 1015 г.

Но изгоев мы встречаем не только в городе, а гораздо чаще именно в деревне, и нет ничего невероятного в том, что городские изгои в своем положении отличались от деревенских, что первые были свободны, и древнейшая „Правда" в ст. 1 говорит именно о них.

Если нет ничего невероятного в том, что изгои могли появиться в период разложения родового строя, то вполне очевидно, что они продолжали существовать и позднее; выходец из соседской общины, принятый в другую, мог сохранять за собой старое наименование изгоя.

Если искать аналогий для этого очень неясного явления древнерусской жизни, то мне кажется допустимым сравнение деревенского изгойства этой древнейшей поры с migrans „Салической правды". В тит. XLV „De migrantibus" мы имеем следующее положение: „Если кто захочет вселиться в виллу к другому, и если один или несколько жителей виллы захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится вселению, он не будет иметь права там поселиться" (§ 1), но „если же вселившемуся в течение 12 месяцев не будет предъявлено никакого протеста, он должен оставаться неприкосновенным, как и другие соседи" (§ 3).

Перед нами германская древняя община, которая имеет право принимать и не принимать к себе чужого. Будучи принят, этот чужак является полноправным членом общины. Может быть, изгой древнейшей поры и представлял собой общественную фигуру, несколько напоминающую этого переселенца, но это было очень давно. В XI—XII вв. изгой уже ничего общего с migrans не имеет.

Надо думать, что перечень групп, среди которых в „Русской Правде" обретается изгой уже тогда, когда он записывался, представлял собой далеко не одинаковые по своей

социальной прочности общественные элементы, и прежде всего это замечание относится к изгоям. Во всяком случае в деревне начало XII в. уже застает их в совершенно ином общественном положении. Здесь он находится в числе людей церковных, богадельных, стоящих на самой последней ступени иерархической лестницы после вдовицы, пущенника и задушного человека.

С попыткой Преснякова восстановить первоначальный текст этого места Устава нельзя не согласиться.[1] Тогда этот текст примет следующий вид: „А се церковные люди: игумен, игуменья... (следует перечень) слепец, хромец, вдовица, пущенник, задушный человек, изгойской".[2] В этот первоначальный текст сделана вставка неизвестного глоссатора: „изгои трои: попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупиться, купец одолжает", к которой, по справедливому мнению Преснякова, „приросло лирическое восклицание какого-то князя: „а се четвертое изгойство, и сего приложим: аще князь осиротеет!" Это не столько лирическое, сколько ироническое восклицание действительно нельзя принимать всерьез, так как едва ли осиротевший князь мог попасть в число богадельных, находящихся под церковной юрисдикцией людей. Но и эта принадлежность к церковным людям не решает вопроса об экономической сущности изгойства, так как среди церковных людей имеются, как мы видим, и игумен и игуменья, т. е. люди, возглавляющие монастыри, принадлежащие в большинстве случаев к верхним слоям общества. Наконец, как оказывается, изгои не обязательно люди церковные. В Церковном уставе перечислены подсудные церкви люди, в числе их действительно имеются и изгои. Но мы гораздо чаще встречаем изгоев в княжеских имениях. Кн. Ростислав Мстиславович дает Смоленской епископии „село Дросенское со изгои и с землею и село Ясенское и с бортником и с землею и с изгои".[3] Едва ли церковными людьми можно считать и тех изгоев, которые населяли некоторые части Новгорода и были обязаны по разверстке с другими горожанами мостить новгородские мостовые. Псковская летопись упоминает княжеское село

[1] Пресняков. Княжое право, стр. 48.

[2] Термин „изгойской" имеется в одном из вариантов Устава.

[3] Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. 1, стр. 245—246.

Изгои под 1341 г. Наконец, упоминание изгоев и изгойства мы имеем в нравоучительной духовной литературе, из которой решительно не видно, что речь идет только о людях церковных, скорее можно предположить обращение церкви по этому предмету именно к мирянам. В наставлении духовника кающемуся имеется перечень грехов в их восходящей степени. В числе грехов упоминается неправедное обогащение, и резоимство поставлено на первое место. Этот грех считается большим, чем кража. Но выше и этого греха считается взимание изгойства. „И се паки горее всего емлющим изгойство на искупующихся от работы: не имуть бо видети милости, не помиловавше равно себе созданного рукою Божею человека, ниже насытившеся ценою уреченною". Изгойство по отношению к „цене уреченной" есть то же, что проценты по отношению к „истому" (занятой сумме). Брать цену раба при его выкупе позволяется, но брать сверх этой цены—большой грех. В этом же „Наставлении" имеется еще одна важная подробность. Церковь борется с теми, кто склонен брать изгойство и с детей выкупившихся холопов, рожденных после их освобождения.[1] Пресняков справедливо склонен здесь видеть старый пережиток, когда либертин продолжал оставаться под некоторой властью свого господина.[2]

В памятниках нравоучительной церковной литературы подчеркивается происхождение изгойства из холопства и тем самым подтверждается факт, отмеченный и Уставом кн. Всеволода („холоп из холопства выкупится"). Если церковь говорит больше всего об изгоях этого происхождения, то едва ли будет несправедливо вывести отсюда заключение о главной массе изгоев, вышедшей из холопства. Стало быть это вольноотпущенники, бывшие рабы, посаженные на господскую землю, крепостные

Митрополит Киевский Климент Смолятич (1147—1154 гг.) тоже говорит об изгоях, подчеркивая их экономическое значение в развитии крупного землевладения. Он осуждает „славы хотящих, иже прилагают дом к дому и села к селом,

[1] РИБ, т. VI, стр. 842. Чтения Моск. общ. ист. и древн. росс., 1912 г., кн III. С. И. Смирнов. *Материалы для ист. древн. русс. покаянн. дисциплины*, стр. 50.

[2] Пресняков. *Княжое право*, стр. 275.

изгои же и сябры, и борти и пожни, ляда же и старины" Наконец, можно отнести частично к изгоям и правило Устава кн. Ярослава Владимировича о церковных судах, где говорится обо всех „домовных" людях (т. е. людях, принадлежащих архиерейским домам) и церковных и монастырских Их судит церковная власть. „Княжи волостели" в этот суд не вступаются, и „беззатщина их епископу идет", т. е. их имущество при отсутствии прямых наследников переходит к епископу точно так же, как имущество княжого смерда в аналогичном случае переходит к князю.

Из всего, что нам известно об изгоях, можно сделать следующее заключение: 1) о городских изгоях мы почти ничего не знаем; 2) деревенские живут в селах церковных, княжеских, боярских. 3) состав изгойства сложен; очевидно много путей вело в это состояние, из которых наиболее проторенным, кажется, нужно считать путь, ведущий в изгойство из холопства через отпуск—выкуп; 4) количество изгоев у землевладельца, между прочим, характеризует его богатство; 5) изгои подлежат суду своих землевладельцев, к ним же, 6) весьма возможно, переходит и имущество изгоев при отсутствии наследников. О хозяйственном использовании изгоев можно догадаться без особого труда. Это чаще всего земледельцы, работающие, очевидно, не только на себя, а прежде всего на своих хозяев, то есть, это категория людей феодально-зависимых.

Итак, наши очень скудные и сбивчивые источники позволяют отметить довольно большой путь, пройденный изгоями от неизвестного нам момента их возникновения до XIII в (позднее этот термин уже не встречается).

К XII веку положение по крайней мере деревенского изгоя несомненно более или менее определилось, и мы видим изгоя уже в вотчине крупного землевладельца в качестве крепостного, передаваемого в другие руки вместе с землей; в новом своем положении он совершенно смешался с массой других зависимых от феодалов элементов и потерял вместе со своим общественным лицом и свое особое наименование. Изгои эволюционируют подобно тем „сиротам", которые в процессе феодализации все больше и чаще превращались в зависимых и даже крепостных. Настаивать на очень большой близости зависимых сирот, смердов и изгоев, конечно, невоз-

можно, но несомненно их объединяет некоторая общность положения: и сироты, и зависимые смерды, и изгои XII в люди, если не всегда крепостные в обычном для нас узком понимании этого термина (leibeigene), то во всяком случае находящиеся в *достаточно крепкой* зависимости от своего землевладельца-феодала, люди, которых мы можем смело относить к категории лично зависимых, в это время еще довольно пестрого в своем правовом и экономическом положении состава, потерявших это разнообразие, как известно, *лишь в конце* XVI в. и начале XVII в., когда, по выражению Энгельса, „дело поразительно упрощается".

В заключение очерка об изгоях не могу не сказать, что эта категория зависимого населения Киевского государства меньше всех других поддается изучению. Поневоле здесь приходится ограничиваться главным *образом предположениями*.

8. Наемные люди.

Если мы хотим исчерпать все известные нам категории работающего на своих господ населения, не входящего в рабское состояние, то мы должны указать еще на сравнительно мало распространенное явление найма рабочей силы. Наем рабочей силы мы можем подозревать в городах, где среди массы ремесленников-рабов несомненно имелись и ремесленники свободные, работавшие на заказ.

Можно думать, что гончарное производство, обработка железной руды и кузнечное дело, также кожевенное и деревообделочное производство начали отделяться от сельского хозяйства весьма рано. Обработка шифера была распространена в Киевщине и за пределами Киевской земли. В Киеве, Новгороде, Белгороде, Каневе и других местах ремесло развито, судя по данным археологии, уже в X—XI вв., особенно серебряные и бронзовые изделия, а также оружие.[1] Письменные источники о наемном труде говорят сравнительно мало. „Русская Правда" знает „мзду" лекарю, „Правда" Ярославичей называет плату „от дела" плотникам („мостникам") за ремонт моста.[2] Устав Владимира Всеволодовича Мономаха упоминает заработную плату портному

[1] А. Гущин. Генезис феодализма на Киевщине (рукопись).

[2] Русская Правда, Акад. сп., ст. 2 и 43.

(„швецу") за исполнение заказа. „Аще швець исказит свиту, не умея шити или гневом, да ся биет, а цены лишен".[1] Здесь же встречаем труд ратая и в не совсем ясной трактовке пастуха: „Иже ратай не доорав времене, а идет прочь, да есть лишен орания. Такоже и пастырь, иже пасет стадо". Весьма вероятно, что здесь мы имеем пашню исполу. Ратай, ушедший до срока, лишается своей доли урожая, подобно изорнику Псковской Судной Грамоты. Может быть и пастух в аналогичном случае лишается части приплода.

Редкость применения личного найма в Киевской Руси вполне понятна. Мы, ведь, имеем дело не с обществом наемного труда, а с обществом, где на смену первичной форме эксплоатации человека человеком в форме освоения самого человека (рабство) развивается эксплоатация, основанная на присвоении господствующим классом одного из важнейших условий труда—земли, с вытекающим отсюда крепостничеством. Население Киевской Руси так привыкло к тому, что его эксплоатируют сильные люди внеэкономическим, феодальным путем, что не верило в возможность оплаты их труда даже тогда, когда она несомненно предполагалась. Очень интересное сообщение по этому предмету приводит еп. Макарий в своей „Истории русской церкви". Дело шло о постройке Софийского храма в Киеве. Рабочий народ не шел на работу из опасения, что ему не будут платить за труд. Князь спросил тиуна, отчего мало трудящихся у церкви. Тиун ответил: „Дело властельское [т. е. делается по инициативе людей, облеченных властью, феодалов], и люди боятся, что будут лишены платы". Тогда князь приказал возить куны на телегах под своды Золотых ворот и объявить на торгу, чтобы каждый брал за труд по ногате на день, т. е. по 35 коп. серебром на деньги довоенного времени.[2] Эта плата считалась в XI в. выгодной, и киевляне явились на работу в большом количестве.[3]

Церковь, очевидно, наблюдая эту практику внеэкономического принуждения, даже нашла нужным в своих прави-

[1] Новгородская I летопись, стр. 481, изд. 1888 г.

[2] По расчету Аристова. Промышленность древней Руси, стр. 281.

[3] Макарий. История русской церкви, т. I, стр. 45.

лах рекомендовать духовенству воздерживаться от насилия в поисках рабочей силы. В святительском поучении новопоставленному священнику середины XIII в. дается такой совет: „Дом свой с правдою строй, не томительно; нищих на свою работу без любве не нуди“.[1] В постановлении Владимирского собора 1274 г. тоже имеется очень интересная в этом отношении статья: „Аще ли кто... от нищих насилье деюще или на жатву или на сеносечи или провоз деяти или иная некая“. Под нищими здесь нужно разуметь людей, способных к труду, но лишенных возможности вести свое хозяйство и вынужденных искать прибежища, между прочим и у церкви. Характерно, что собор называет применение труда этих людей насильем, очевидно, имея в виду факты, наиболее обычные для данного времени.

Нас интересует в данном случае не только юридическая природа продающего свою рабочую силу, но также условия, при которых мог появляться на рынке этого рода товар. Мы хорошо знаем, что природа не производит ни владельцев денег и товаров, ни владельцев одной только рабочей силы. Это общественные отношения sui generis, свойственные далеко не всем историческим периодам. Они есть „результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более древних формаций общественного производства“.[2]

[1] РИБ, VI, стр. 105.

[2] Маркс. Капитал, т. I, стр. 111—112. При феодальном средневековом производстве „право собственности на продукты основывалось на личном труде. Даже там, где посторонняя помощь имела место в производстве, она в большинстве случаев играла лишь второстепенную роль и вознаграждалась не одною лишь заработною платою: цеховой ученик и подмастерье работали не столько ради платы или содержания, сколько ради собственного обучения и подготовки к званию самостоятельного мастера“ (Энгельс, Антидюринг, стр. 255). „Заметим мимоходом, — пишет Энгельс в примечании к этой цитате, — что наемный труд, который скрывает в себе зародыш всего капиталистического производства, существует с давних времен. В одиночной случайной форме мы встречаем его в течение столетий рядом с рабством. Но скрытый зародыш не мог развиваться в капиталистический способ производства раньше, чем созрели необходимые для него исторические предпосылки“ (там же,

Неудивительно поэтому, что наем в чистом виде — явление для Киевской Руси не характерное. Привлечение рабочих рук мы чаще встречаем здесь облеченным в феодальную форму. Сюда можно отнести рядовичей, закупов и так называемых „вдачей“ [1]

VII. ХАРАКТЕР КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ.

Все те изменения, которые мы наблюдали в обществе, расположенном на восточно-европейской равнине IX—XII вв., есть результат классовой борьбы, принимавшей на протяжении этого времени различные формы. Но следить шаг за шагом за отдельными этапами этой борьбы по нашим источникам не представляется возможным. Приходится лишь учитывать отдельные ее моменты, притом записанные крайне суммарно и невразумительно, примечать ее результаты в тех отдельных фактах, где итоги борьбы выливались в более или менее заметные формы.

Несомненно, например, что самое появление „Русских Правд“ в письменном виде вызвано потребностью господствующих классов в защите завоеванных ими позиций, и нетрудно видеть, скажем, в Правде Ярославичей, против кого и чего направлено острие этого закона.

Управляющий княжеским доменом (огнищанин), сборщик княжеских доходов (подъездной), заведующий княжескими конюшнями могут быть убиты умышленно, с явным намерением расправиться с ними. Может быть произведено нападение на княжеское имущество, ограблено княжеское

стр. 255). „Первые капиталисты застали... форму наемного труда уже готовою. Но наемный труд существовал лишь в виде исключения, побочного занятия, переходного положения для рабочего. Земледелец, нанимавшийся по временам на поденную работу, имел свой собственный клочок земли, продуктами которого он мог жить в случае крайности. Цеховые уставы заботились о том, чтобы сегодняшний подмастерье завтра становился мастером. Но все переменилось, лишь только средства производства приобрели общественный характер и сконцентрировались в руках капиталистов“ (там же, стр. 256).

[1] „Русская Правда“. Троицк. сп. по Карскому, стр. 59; Дьяконов, Очерки обществ и государств. строя древн. Руси, стр. 389- 390, 114. Изд. 1910 г.; Мрочек-Дроздовский. Исследование о Русск Правде“, стр. 47 и др., 1885 г

имение, убиты его слуги, уничтожен сельскохозяйственный живой и мертвый инвентарь, запахана княжеская земля, разрушены приспособления для ловли птиц и пр... Княжеское имение существует словно во вражеском стане и вынуждено принимать постоянные меры зашиты. Кто же этот враг, не дремлющий и всегда готовый использовать оплошность своего противника? Сосед-феодал не станет красть голубя, куря или утку, не станет запахивать межу княжеского поля. Он может явиться с вооруженной дружиной, сжечь все имение и увезти все наиболее ценное. С ним и расправа будет такая же: вооруженный наезд со всеми вытекающими следствиями. „Правда Ярославичей" не об этой опасности говорит, вырабатывая меры защиты. Она видит врага в населении соседних сел и деревень издавна враждебно настроенных к прочно осевшему в своем укрепленном гнезде крупному землевладельцу. Население прекрасно знало, что значит это соседство и, где только могло, старалось предупредить внедрение в свою среду богатого землевладельца. Жития святых наполнены этими протестами. Окрестные крестьяне не раз заявляли отдельным старцам, строителям монастырей: „почто в нашей земле построил еси монастырь, или хощеши землями и селами нашими обладати?" Враждебное отношение крестьян к основателям монастырей иногда совсем плохо кончалось для отшельников: Дмитрий Прилуцкий, Стефан Мохрищский, Даниил Переяславский, Арсений Комельский, Антоний Сийский принуждены были уйти из тех мест, где первоначально собирались основать обитель; келью Кирилла Белозерского соседние крестьяне несколько раз пытались поджечь; Григория и Кассиана Авнежских, построивших монастырь на Авнеге, соседи убили, разграбили монастырь и сожгли ряд построек. Таких фактов в истории русской церкви немало. Пусть эти примеры, взятые из житий святых, более позднего времени. Они характеризуют отношения феодала-землевладельца и крестьянской массы не только того периода, к какому относятся названные жития. Это спутник развивающихся феодальных отношений, ровесник феодализму. Не даром Даниил Заточник, размышляя о бедности и нищете, вспоминает царя Соломона, который в передаче Даниила говорит: „богатства и убожества не

дай же ми, Господи: обогатев восприму гордость и буесть, а во убожестве помышляю на татьбу и на разбой...[1]

Татьба и разбой—это ответ бедного человека на насилие богатого.

Едва ли мы ошибемся, если скажем, что подлинным основным антагонизмом в обществе древней Руси, т. е. в период X—XII вв., нужно считать борьбу между землевладельцем и крестьянской общиной, частью еще уцелевшей, частью ставшей жертвой феодализирующего процесса.

На фоне этого основного антагонизма обнаруживается главная линия, по которой идет борьба этих двух основных классов как в деревне, так с некоторыми вариантами и в феодальном городе. В процессе феодализации наступающей и побеждающей силой является землевладелец (князь, дружинник, церковь), осваивающий землю, подчиняющий себе путем экономического и внеэкономического принуждения свободного общинника-смерда. Жертвы и итоги этого наступления мы видели. Это—закупы, изгои, рядовичи, сироты, попавшие в непосредственную зависимость от феодалов, смерды, нищие, бедные люди, привлекаемые на работу к хозяевам через выдачу им вперед хлеба или денег. Все эти категории зависимого населения выхвачены из рядов свободного крестьянства. Вполне естественно, что в нехитрых рассказах наших летописей нам можно будет найти иллюстрации этому положению.

Для образца возьмем события 1068 г. в Киеве. После поражения, нанесенного русскому войску половцами, „люди кыевскии прибегоша Киеву и сотвориша вече на торговищи". Это вече потребовало от князя оружия и коней, чтобы продолжать борьбу с половцами. Князь Изяслав по каким-то неизвестным причинам отказал, чем и подал повод к восстанию. Вече разделилось пополам; одна половина отправилась освобождать арестованного соперника Изяслава—кн. Всеслава, а другая пошла „претися к князем" Изяславом, который встретил восставших в своем дворе, окруженный дружиной. Князь выглядывал из окна, а внизу

[1] Слово Даниила Заточника, стр. 62. Изд. Ак. Наук, 1932 г.

стояли восставшие. Дружинники чувствовали опасность и указывали князю: „видиши, княже, людье взвыли“ Дружина предлагала послать отряд для охраны арестованного Всеслава. Но было уже поздно. Всеслава уже успели освободить и ввели его в княж двор. Изяславу пришлось спасаться бегством в Польшу. Богатство его было разграблено—„бесчисленное множество злата и серебра, кунами и белью“. Через 7 месяцев Изяслав вернулся с польской военной помощью и жестоко расправился с восставшими: 70 человек „чади“, участвовавших в освобождении Всеслава, было казнено, „а другыя слепиша, другыя ж без вины погуби, не испытав“. Наступила очередь бежать Всеславу. Вот и все, что рассказывает летопись. Тут далеко не все ясно. Кто, собственно, восставал против князя Изяслава? Несомненно только, что это была „чадь“, „людье“, т. е. низшие слои населения, что они грабили имущество князя. Из дальнейших киевских событий, способных несколько осветить эту сторону дела, можно указать на факт перемены политического курса кн. Всеволода, севшего на киевский стол по смерти Изяслава. Он был уже стар и в старости „нача любити смысл уных, совет творя с ними“. Из противопоставления „уных“ первой, старшей дружине видно, что Всеволод окружил себя людьми новыми, приближая к себе слои киевского общества, которым летописец не сочувствует. Он сообщает, что „начаша ти унии грабити, продавати люди“. Новые люди, став у власти, стали, очевидно, применять новые, более жестокие формы эксплоатации массы, что и не замедлило вылиться в более отчетливые формы протеста.

Под 1113 г. в летописи излагаются события большой важности. Здесь восстают, несомненно, общественные низы против господствующих классов и прежде всего должники против кредиторов, зависимые через долг люди (разные виды серебреников) против своих господ. Приглашенный на киевский стол как раз в связи с этими событиями Владимир Мономах издает свой весьма выразительный устав о долгах и закупах. Мы в этих движениях видим восстание зависимых и угнетенных людей против своих угнетателей. Главным образом выступает здесь на сцену город, но проглядывает и участие деревни. Никакого намека нет на

восстание рабов, хотя более чем вероятно, что они тоже *примыкали к этим движениям.* [1]

В событиях 1071 г., описанных в Лаврентьевской и Новгородской первой летописях, мы можем с полной ясностью видеть движение сельского населения.

„И бывши единою скудости в Ростовстей области, восстаста два волхва от Ярославля, глаголюща, яко мы свемы, кто обилье держит в себе. И пакы поидоста по Волзе; где придоста в погост, и ту нарицающа лучьшая жены и глаголюща, яко сия жена жито держит, а сия мед, а сия рыбы, а сия же скору... и убивашета многи жены и имения их взимашета собе. И придоста на Болоозеро, и бе у нею людий 300".

В это же время „приключения приити от Святослава Яневи, сыну Вышатичу, сбирати дань". Белозерцы рассказали ему о двух кудесниках и их действиях. „Ян же, испытав, чья еста смерда, и уведавши ясно, яко суть князя Святослава, и сице пославши к ним, и рече, иже суть около двою кудесник: „выдайте ми волхва та семо, яко теи суть смерде моего князя". *Они же сего не послушаше".* Удалось схватить их только при помощи белозерцев, которые под угрозой, что Ян останется у них на неопределенное время, доставили ему этих волхвов. Ян предложил родственникам убитых волхвами женщин произвести акт мести. „Они же [родственники] поимше, убиши я и повесиша их на дубе".

В летописном рассказе, к сожалению, очень мало данных для суждения о том, что, собственно, делали волхвы, но ясно, кто шел за ними. Сопоставление этого рассказа со следующим, помещенным в этой же летописи под тем же годом, о том, что в городе Новгороде восстал при кн. Глебе другой волхв, который хулил христианскую веру, помогает нам оценить эти события. Оказывается, что агитация волхва имела большой успех: „бысть мятеж в граде велик, и вси яша ему [волхву] веру и хотяху побити епи-

[1] Единственный и малоправдоподобный намек на восстание рабов, приводимый Герберштейном (Зап. о Моск. делах, изд. 1908 г., стр. 119) и отвергнутый в свое время Татищевым (История Российская, т. I стр. 377—78), без предварительного специального изучения происхождения этого предания, я в данном случае не учитываю совершенно сознательно.

скопа Федора". Епископ в облачении и с крестом в руках обратился к восставшим: „аще хощете веру няти волхву той за него да идет; аще ли верует кресту, да идет к нему" Эффект получился для епископа неожиданный: „князь Глеб и дружина его сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва, и бысть мятеж между ними". Не растерялся только кн. Глеб, который, разрубив мечом волхва, спас положение После этого „людье разидошася".

Совершенно ясно, в какой социальной среде волхвы находили себе сторонников. Это — „людье", которых летописный рассказ противопоставляет князю, его дружине и духовенству. Можно поэтому без особых опасений считать, что и те 300 человек, которые шли с двумя волхвами из Ростовской земли на Белозеро, были те же „людье", несомненно, с преобладанием деревенского населения—смердов. Два волхва, ведь, агитировали в погостах, т. е. в деревнях, населенных смердами прежде всего. Голод в Ростовской области был естественным помощником этих волхвов. Несомненно, что мы имеем здесь столкновение смердов и низшего городского населения с правящими слоями ростовского, белозерского и новгородского общества, столкновение, облеченное в форму борьбы двух религий: господской—христианской и смердьей—языческой. Этот эпизод передан также художником XV в. в миниатюрах Кенигсбергской летописи. Исследователь этих миниатюр с точки зрения исторического источника А. В. Арциховский на основании сопоставлений различных сцен, изображенных в этой летописи, тоже приходит к заключению, что здесь мы имеем восстание смердов. „Резко и сознательно противопоставлены, — говорит он, —восставший смерд в коротком кафтане, вооруженный простым рабочим топором, и долгополый феодал Ян с обнаженной саблей". Тут же мы имеем и сцены усмирения восстания, избиение побежденных смердов плетьми и затем отсечение смердам голов саблями.[1]

Конечно, это не крестьянские войны, какие мы имеем в движениях Болотникова, Разина или Пугачева, но это, тем не менее, показатель характера классовых отношений.

[1] А. В. Арциховский. Миниатюры Кенигсбергской летописи, Изв. ГАИМК, т. XIV, вып. 2, стр. 34. Кенигсбергская летопись, стр. 103, 104.

Антагонизм изучаемого общества идет не по линии рабовладельцев и рабов, а по линии феодалов-землевладельцев, с одной стороны, и закрепощаемой и закрепощенной крестьянской и городской массы—с другой. Под 1132—1136 гг. в Новгороде мы снова видим движение, направленное против кн. Всеволода. Из рассказа видно, что сторонники Всеволода—феодалы-бояре, враги его—низшие слои городского населения и, надо полагать, смерды, хотя о них нигде прямо и не говорится. На участие смердов лишь косвенно намекает первый пункт обвинения кн. Всеволода: „не блюдет смерд", на защиту которых естественнее всего выступать было самим же смердам. Что кн. Всеволод не имел расположения к смердам, можно видеть из жития Всеволода, составленного позднее, но несомненно с учетом некоторых хорошо еще памятных фактов из подлинной жизни князя. Его гроб с мощами отказался проходить через Смердьи ворота в Пскове, и в особом видении он открыл свое желание быть пронесенным в специально для этого случая сделанное отверстие в Псковской кремлевской стене. Новгородские события 1209 г. уже никаких сомнений не оставляют в том, что движение вызвано было феодальным гнетом правящей верхушки. Участие смердов в этом движении несомненно. Многие смерды бегут из Новгородской земли. Князья, желавшие быть популярными, знали, что нужно для этого делать: когда в 1229 г. прибыл в Новгород кн. Михаил из Чернигова, он прежде всего старается вернуть бежавших смердов, обещая им в течение 5 лет свободу от всяких даней; смердам, никуда не бегавшим, он гарантирует платежи, установленные „передними князи", т. е. обещает не увеличивать размеров этих даней.

В смысле характера классовых взаимоотношений мы здесь видим то же, что наблюдали и в Киеве и в северо-восточных городах и деревнях. Но нужно, впрочем, подчеркнуть, что деревня и деревенские события редко попадают на страницы летописи. Летописец, естественно, останавливается больше на событиях городских. Объясняется это тем, что летопись велась в городах, что городские события обычно были во все времена значительно ярче; факты из жизни деревни трудно наблюдать вообще, и деревня заставляет говорить о себе только тогда, когда

крестьянское движение принимает характер массовый. Но было бы большой ошибкой отсюда делать вывод о том что деревня не играет серьезной роли в истории классовой борьбы в обществе древней Руси.

Необходимо даже подчеркнуть, что, несмотря на все усилия, неблагоприятные для отражения в летописании жизни деревни и деревенского населения, все-таки мы имеем ряд сообщений о движении смердов, пренебречь которыми не смог даже горожанин-летописец.

О классовой борьбе в городах мы имеем много сведений. Касаться их я сейчас не собираюсь, но хочу все же указать на то, что и городские движения не изолированы от деревни, что, несмотря на явное пристрастие летописца к жизни города, ему приходится часто вспоминать и о деревне. Для примера мы можем взять хотя бы события в Киеве 1113 г. Они переданы летописцем крайне сжато и могут быть расшифрованы только отчасти по косвенным данным. Характер движения, направленного против гнета ростовщиков и феодалов, определяется уставом Владимира Мономаха о процентах и о закупах; принадлежность ролейных закупов к сельскому населению не вызывает никаких сомнений.

В уже приведенных выше миниатюрах Кенигсбергской летописи мы имеем не только восстание смердов, но и восстание горожан. [1] А. В. Арциховский подчеркивает, что оба художника с особым вниманием и интересом изображают восстания горожан. Киевляне идут прогонять Изяслава Ярославича; хорошо выражена стремительность нападения в сцене восстания во Владимире Волынском; целых четыре миниатюры посвещены восстанию киевлян. Еще более живо изображено восстание жителей города Боголюбова. Восставшие разграбили двор убитого Андрея Боголюбского и избили его бояр. Бояре лежат на земле бесформенной и беспомощной грудой. Одни боголюбовцы раздевают их до-нага, другие рубят саблями. [2]

Итак, насколько можно судить по этим фактам, и характер классового антагоизма древнерусского общества периода гегемонии Киева решительно говорит о феодальных отношениях.

[1] Кенигсбергская летопись, стр. 85, 99, 106, 178, 179, 215.

[2] Арциховский. Миниатюры Кенигсбергской летописи, стр. 34—45.

VIII. ОСНОВНОЙ ВЫВОД

Мы подошли к концу. Все наши наблюдения подводят нас к определенному выводу. Общество в период формирования „империи Рюриковичей“, т. е. в древнейший момент, доступный нашему изучению по письменным памятникам, в момент древнейшей „Русской Правды“, прежде всего есть общество, уже далеко ушедшее от родового строя. „Правда“ Ярославичей и ее дальнейшее продолжение знакомит нас с обществом, где уже весьма заметны признаки распада соседской общины. Все наши наблюдения станут еще осязательнее, если мы сопоставим „Русскую Правду“ с „Lex Salica“.

„Салическая Правда“ знает свободных римлян и франков, рабов и литов. Лит—вольноотпущенный зависимый человек, ведущий свою генеалогию от раба. Стало быть, социальный строй общества периода „Салической Правды“ отличается сравнительной простотой. Перед нами рабовладельцы, начинающие превращать своих рабов в зависимых от себя же людей, очевидно сажая их на землю и предоставляя им возможность заниматься собственным хозяйством. У лита имеется имущество, которое возвращается его господину даже тогда, когда „какой-нибудь свободный человек в присутствии короля через динарий отпустит на волю чужого лита без согласия господина последнего“. За этот незаконный поступок (за отпуск чужого лита на свободу) он наказывается штрафом в 100 солидов, а „вещи лита должны быть возвращены его прежнему законному господину“ (XXVI, § I). Никаких других общественных элементов в „Салической Правде“ еще нет. Соседская община существует в полной неприкосновенности. Следы ее разложения заметны только в позднейших дополнениях к „Lex Salica“. Этот общественный строй соответствует тому, который отражен в древнейшей „Правде Русской“

Совсем не то мы видим в „Правде Ярославичей“ и „Пространной“. Кроме свободных и рабов, кроме вольноотпущенников, мы имеем здесь несколько новых категорий зависимого населения, причем эта зависимость несомненно результат разрушения общинного строя; мы здесь имеем уже тот период в истории общества, когда „труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в труд на расхитителей

общинной земли“ Этим расхитителем являлся рабовладелец настоящий или недавно бывший, несомненно переставший удовлетворяться рабским трудом и искавший новых, более прогрессивных путей в устроении своего хозяйства. Сравнение Салической и Правд детей Ярослава и „Пространной“ с полной наглядностью обнаруживает стадиальную отсталость первой и значительную высоту вторых. Если в „Салической Правде“, вернее, в ее последующих наслоениях мы видим только первые признаки разложения общинного строя, то в названых „Русских Правдах“ мы можем наблюдать следующую ступень: разрушение общины успело сделать значительные успехи. [1]

Перед нами с полной отчетливостью вырисовывается классовый антагонизм землевладельцев, с одной стороны, и зависимого от землевладельцев населения, недавно вырванного и на наших глазах вырываемого из недр разлагающейся общины с другой.

Ведущие отношения устанавливаются по линии отношений землевладельца и крепостного.

Значительное количество рабов в этот период истории Руси не должно нас смущать. Рабство обнаруживает здесь явную тенденцию к исчезновению. Церковь первая выбросила его из своего хозяйственного обихода, в боярских и княжеских вотчинах оно доживает до конца XV в., когда и эти архаически организованные хозяйства стремятся освободиться от рабов, былого источника своей силы и могущества, сейчас превратившегося в свою противоположность и ставшего несомненной причиной их слабости. На наших глазах рабство, таким образом, завершает полный цикл своего диалектического развития. [2] Но в IX—XII вв. оно еще не дошло до своего естественного конца, оно еще продолжает существовать в недрах успешно развивающегося феодального общества

[1] Это не противоречит тому, что пережитки общинного строя дожили в разных местах России до революции.

[2] Рабы XVII в. в подавляющем своем большинстве другого, вторичного происхождения. Об этом подробнее см. мою требующую во многом значительного пересмотра работу „Очерки по истории феодализма в России“. Изв. ГАИМК, вып. 72.